

№ 9, сентябрь 2022 года

КРАЙ СМОЛЕНСКИЙ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
Издается с октября 1990 г.

www.kraismol.ru

ISSN 0868-7242

Учредитель и издатель:

Смоленское областное
государственное унитарное
предприятие «Объединенная
редакция»

Журнал «Край Смоленский»
зарегистрирован
Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
по Смоленской области
ПИ № ТУ67-00339 от 01.12.2021 г.

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации

Подписной индекс: 73815

Директор

Елена Васильевна Жирнова

Главный редактор

Юрий Николаевич Шорин

Адрес издателя и редакции:

214000, Смоленская обл.,
г. Смоленск, ул. Октябрьской
Революции, 14а.
E-mail: kraismol@mail.ru

Отпечатано в ИП «Карпов»
127137, г. Москва, ул. Правды,
д. 24, стр. 3. Тел.: (499) 638-27-50.
Сайт: www.tirazhy.ru

Печать офсетная.
Усл. печ. лист 7,5
Заказ № 2460 Тираж 300 экз.
Дата выхода: 29 сентября 2022 г.

Цена свободная

Иллюстрации на обложке:

1-я стр. Колонна военнопленных
на ул. Кашена поворачивает
от скотобойни к железнодорожному
переезду. Смоленск.
Начало ноября 1941 г.

© «Край Смоленский», 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

ШОРИН Ю. Трагедия плена..... 2

Трагедия плена. Лагеря г. Смоленска в период гитлеровской оккупации

АМЕЛИН С. Лагеря военнопленных
в годы немецкой оккупации Смоленска..... 3

АМЕЛИН С. Система содержания военнопленных
в Смоленске в 1941-1943 годах 9

АМЕЛИН С., ШВЕД А. Из небытия..... 26

ШВЕД А. Лазарет военнопленных Дулага 126 в Смоленске,
по воспоминаниям врача М.В. Яковенко..... 38

Воспоминания родственников погибших военнопленных..... 47

Это забывать нельзя. Воспоминания бывшего узника
лагеря Dulag 126 Михаила Михайловича Казиминова 50

Отчет коменданта лагеря Dulag 240
за период с 22 сентября по 22 октября 1941 г. 61

Архивные документы и публикации
о гитлеровских концлагерях Смоленска и его окрестностей..... 66

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

Тема этого номера: «Трагедия плена. Гитлеровские концлагеря г. Смоленска в период гитлеровской оккупации». Плен – неизбежная часть войны. Это одна из тех жертв, которую воюющая страна приносит на алтарь Отечества. Первые месяцы Великой Отечественной войны привели к пленению гитлеровскими войсками огромного числа бойцов и командиров Красной Армии. Большинство из них оказались в плену вследствие окружений целых армий. Причины таких тяжелых поражений носили системный характер. Ни вооруженные силы, ни экономика, ни народ в полной мере были не готовы к столкновению с сильнейшей армией мира. Месяцы поражений, потеря, отступления ушли на то, чтобы страна перестроилась на военный лад, армия приобрела опыт ведения современной механизированной войны, вырос моральный дух бойцов и командиров. Мы учились на своих ошибках, преодолевали слаботи, испытывали на практике военную теорию. Цена такой учебы измерялась количеством павших и оказавшихся в плену воинов.

Одним из крупнейших окружений советских войск в начале войны был Вяземский «котел». В октябре 1941 г. сотни тысяч воинов оказались в плену, десятки тысяч скрывались в лесах и деревнях Смоленщины, став основой для развертывания в тылу врага массового партизанского движения.

Это они, окруженцы, организовали большинство смоленских партизанских отрядов, создали обширные партизанские края – Дорогобужский, Вадинский. Были среди них бойцы и командиры, которых вывели из первичных пунктов сбора военнопленных смоленские женщины, выдав за своих родных.

Но большинство попавших в окружение воинов оказалось в плену. Именно судьбам людей, оказавшихся узниками гитлеровских лагерей военнопленных г. Смоленска, и посвящен данный выпуск «Края Смоленского». Впервые эта тема исследуется так профессионально и детально, с привлечением большого числа документов, фотографий, схем и планов, воспоминаний военнопленных. Вся эта большая по объему работа по систематизации и анализу исторических документов, по подготовке к публикации статей и материалов выполнена совсем небольшим коллективом авторов: Сергей Амелин, Дарья Рассказа (оба – г. Смоленск) и Александр Швед (г. Минск). От имени редакции выражаю нашим авторам огромную благодарность за их труды.

Читатели узнают подробные сведения о системе немецких лагерей для советских военнопленных, о конкретных лагерях, существовавших в г. Смоленске и его окрестностях, о том, как они функционировали, что собой представляли – от организации охраны до продовольственного снабжения пленных, привлечение их к работам. Также подробно описываются репрессии против военнопленных, места их массовых захоронений.

В журнале опубликованы как документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, так и документация администрации лагерей военнопленных. Большинство материалов печатается впервые.

Важнейшая публикация этого тематического выпуска журнала носит название «Из небытия». Она посвящена списку погибших военнопленных в неизвестном лазарете, этот документ был обнаружен после осво-

бождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Первоначально его отнесли к лагерю военнопленных, на территории которого его нашли, – минскому Шталагу 352. Но трудами белорусских исследователей было доказано, что этот список никакого отношения к минскому лагерю военнопленных не имеет. После проведения комплексного исследования оказалось, что найденный документ относится к г. Смоленску. Читатели могут познакомиться с результатами этой большой и кропотливой работы. После систематической проверки списка в нем осталось 7303 фамилии военнопленных, подавляющее большинство из которых захоронены в братской могиле вблизи Братского кладбища г. Смоленска. Теперь после проведения дополнительной экспертизы предстоит официально признать этот список смоленским и внести фамилии из него в учетную карточку воинского захоронения. Таким образом, тысячи бойцов и командиров Красной Армии обретут законное место упокоения, а их родные смогут приехать и почтить память павших дедов и прадедов.

Судьба попавших в плен воинов была вдвойне трагической. С одной стороны, они страдали от жестокости лагерной охраны и лишений, с другой, давил моральный груз обвинения в трусости и предательстве, хотя по предвоенному советскому законодательству тяжким воинским преступлением пленение считалось только тогда, когда оно не было вызвано складывающейся боевой обстановкой.

Политическая реабилитация советских военнопленных началась в 1956 г. по инициативе Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Однако лишь в 1995 г. их права были полностью восстановлены, и они получили статус участника Великой Отечественной войны.

Сегодня нам, внукам и правнукам воинов той Великой войны, предстоит на деле доказать священные слова: «Никто не забыт, ничто не забыто»...

Юрий Шорин

ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ СМОЛЕНСКА

Сергей АМЕЛИН,
г. Смоленск

Когда речь заходит про лагерь военнопленных, существовавших в Смоленске в годы гитлеровской оккупации, повествование обычно начинается словами: «20 июля 1941 года на окраине города Смоленска, по улице Краснинское шоссе, в бывших военных складах №105 немецким командованием был открыт концлагерь №126 и по соседству, на территории Нарвских казарм, – филиал этого лагеря». Это цитата из справки о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере №126¹, составленной в октябре 1943 г. начальником оперативного отдела УНКВД Смоленской области майором государственной безопасности Сычевым для Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК)².

Однако такая формулировка при современном уровне знаний о лагере военнопленных г. Смоленска уже является не совсем корректной и, как минимум, требует пояснений. Дело в том, что эта справка была подготовлена сразу после освобождения города, и многие детали организации немецких лагерей военнопленных тогда еще не были известны следователям и членам комиссии. В частности, «концлагерь №126» в том виде, в каком он представлен в справке, вообще никогда не существовал. Описанный в документах ЧГК «концлагерь №126» является собирательным образом всей системы содержания и транспортировки военнопленных, действовавшей в Смоленске в годы нацистской оккупации. В эту систему входили три армейских сборных пункта военнопленных и, как минимум, три пересыльных лагеря (Dulag), в разное время существовавших на территории города. По номеру самого известного из них, Dulag 126, и получил свое название «концлагерь №126».

Военнопленные в районе Смоленска. Август 1941 г.

Это не было ошибкой ЧГК. Исследование структуры немецкой системы содержания военнопленных не было целью комиссии. Цель была иная – зафиксировать чудовищные преступления, совершенные этой системой в целом. И в этом плане использование термина «концлагерь №126» было вполне оправдано. Следователям на первом этапе было не так важно, какое именно немецкое подразделение совершило то или иное преступление. Главное – зафиксировать, что это преступление было совершено, собрать доказательства и свидетельские показания и лишь потом искать виновников. Фамилии некоторых из этих виновников, номера частей и должности, в которых они служили, были названы позже, в ходе процесса над военными преступниками, действовавшими на территории Смоленской области³. В распоряжении следователей тогда практически не было каких-либо немецких документов, лишь показания свидетелей. А они уже либо не помнили, либо вообще не знали деталей взаимоотношений различных немецких структур, занимавшихся военнопленными. Особенно это ка-

сается периода с июля по октябрь 1941 г. – большинство показаний свидетелей относится к более позднему периоду.

Однако использование такого наименования (собирательного образа) привело к тому, что все захоронения на территории города отнесены к этому самому «концлагерю №126». До недавнего времени ни в краеведческой, ни в исторической литературе вообще не было ни слова о каких-либо иных лагерях, существовавших в Смоленске.

Тут следует пояснить организационную структуру сбора и содержания военнопленных в нацистской Германии. В германских вооруженных силах делами военнопленных занимались Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии – ОКВ (нем. Oberkommando der Wehrmacht, OKW) и Главное командование сухопутных войск – ОКХ (нем. Oberkommando des Heeres, OKH), а позже и СС. На территории Рейха военнопленными ведали частично имперские службы труда, а в отдельных случаях Абвер, СД (нем. Sicherheitsdienst, SD – политическая разведка в составе СС) и гестапо.

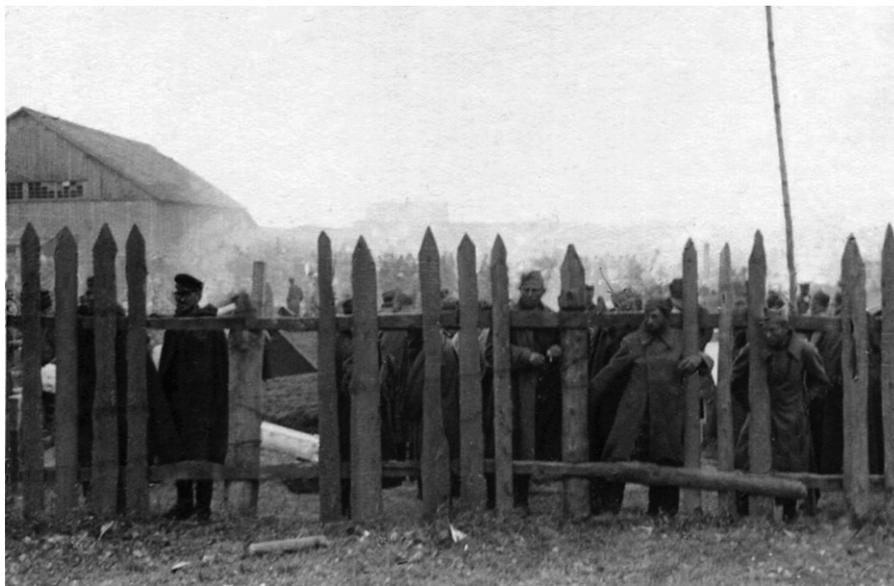
В зоне ответственности ОКВ вопросами военнопленных занималось Общее управление вермахта (нем. Allgemeinen Wehrmacht – Amtes, AWA) под командованием генерала Г. Райнеке (Reinecke). В его состав входил Отдел по делам военнопленных (нем. Abteilung Kriegsgefangene, Abt. Kgf.). К компетенции ОКВ входили лагеря военнопленных, расположенные на территории Рейха, генерал-губернаторств, рейхскомиссариатов «Украина» и «Остланд», в Норвегии, Бельгии, Франции.

ОКХ несла ответственность за лагерь военнопленных на территориях, включавших оперативные районы, то есть зону боевых действий вместе с прилегающей к ней тыловой зоной. В прифронтовой зоне сухопутных войск (зона ответственности ОКХ), военнопленными занималась служба генерал-квартирмейстера сухопутных войск во главе с генерал-майором Е. Вагнером.

В зоне командующего оперативным тыловым районом сухопутных войск, или Берюк (от нем. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete, сокращенно Berück или Bfh.HG) военнопленными занимались коменданты районов по делам военнопленных (Kriegsgefangenen – Bezirkskommandanten, Kgf.Bk.), которым подчинялись коменданты фронтовых, армейских и пересыльных лагерей⁴.

Непосредственно вблизи линии фронта действовали полковые и дивизионные сборные пункты военнопленных. Их задачей было максимально быстро принять для временного содержания военнопленных, захваченных немецкими войсками. Их организовывали силами армейских частей. Какого-либо учета военнопленных на этом этапе не осуществлялось, лишь осмотр и конфискация оружия и колюще-режущих предметов.

Сборные пункты размещались на любой огороженной территории: в сельских и школьных дворах, складах, подвалах, сараях, амбарах, коровниках, свинофермах, конюшнях и других подобных местах. Это мог быть и участок под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Обычно в них размещали от десятков и сотен до нескольких тысяч человек.

Сборный пункт военнопленных в районе Смоленска. Конец июля 1941 г.

Колонна военнопленных на пути из сборного пункта в Dulag. Конец лета 1941 г.

Охрана этих пунктов состояла всего из 2-10 солдат. На дивизионных сборных пунктах военнопленных сначала разоружали, старших офицеров отделяли от младших офицеров, солдат и сержантов.

Из сравнительно небольших групп комплектовались колонны военнопленных, которые направлялись на корпусные, а затем на армейские сборные пункты (AGSSt – Armee-Gefangenen-Sammelstellen), где собиралось от нескольких тысяч до десятков тысяч пленных⁵.

Фронтовые и армейские сборно-пересыльные пункты размещались непосредственно на территориях (Корюк), подконтрольных комендантам тылового района армии (Komman-

danten der rückwärtigen Armeengebiete, сокращенно Korück) и в служебном отношении подчинялись охранным дивизиям и командующим армиями.

Такие сборные пункты не имели постоянной дислокации. При перемещении воинских частей и соединений, их организовавших, эти пункты создавались на новых местах. Как правило, сборные пункты находились непосредственно в прифронтовой полосе. Задачей сборных пунктов было временное содержание и формирование колонн военнопленных для передачи их в пересыльные лагеря (Dulag).

Пересыльные (транзитные) лагеря военнопленных Dulag (от нем. Durchgangslager) размещались еще дальше

от линии фронта в оперативном тыловом районе сухопутных войск, или Берюк. Зона Берюк, в которой размещались эти лагеря, примыкала непосредственно к прифронтовой полосе и имела собственное наименование – Корюк.

Dulag, как правило, располагались вблизи крупных железнодорожных узлов, перекрестков шоссеиных дорог. Это связано с тем, что основное назначение этого типа лагерей – подготовка так называемых «транспортных военнопленных» для отправки в места постоянного содержания. Отправка военнопленных осуществлялась по железным дорогам, а прибывали в лагерь колонны военнопленных в основном пешком.

Строго говоря, Dulag – это воинская часть вермахта, численностью 100-120 человек, имеющий свой идентификационный номер (номер части)⁶. Силами личного состава этой части с использованием саперных и строительных подразделений проводилось огораживание территории лагеря, строились или оборудовались нарами бараки для содержания военнопленных, организовывалось их питание, санобработка. В ведении одного Dulag могли находиться несколько площадок (лагерей) для содержания военнопленных. Специальные сотру-

Первоначальная регистрация военнопленных в лагере «Северный». Лето 1942 г.

ники Dulag осуществляли личный досмотр и сортировку прибывающих военнопленных. Командный состав и политработники отделялись от рядовых красноармейцев, проводилась первоначальная регистрация военнопленных и внесение их в так называемые «регистрационные списки» (Aufnahmelisten), а также подготовка к отправке военнопленных по железным дорогам в лагеря постоянного содержания (в частности, выделялся паек на время в пути). Для транзитных партий пленных составлялись транспортные списки. Персональные карточки военнопленных (ПК 1) дулаги до 1943 г. не заводили. Оповестительных жетонов не выдавали, за исключением военнопленных, которых оставляли в лагере на более длительный срок для использования на различных работах.

Специальный «отдел Ic» занимался опросом военнопленных с целью получения разведанных и выявлением лиц, обладающих ценной информацией, с целью передачи их разведорганам для дальнейшей работы с ними.

На основе ежедневных донесений ОКХ о загрузке дулагов ОКВ определяло количество пленнх, которых те должны были передать в стационарные лагеря – шталагы и офлагы. На всех умерших в дулаге заполнялись документы, которые отправляли в ВАСГ⁷ в Берлин.

Охрану территории лагеря осуществляли военнослужащие охранных

батальонов (Landeschützenbataillone), которые в состав собственно Dulag не входили и формировались, как правило, из солдат пожилого возраста или фронтовиков, которые долечивались после ранений и болезней.

Dulag вслед за перемещением линии фронта мог передислоцироваться с места на место. Часто Dulag после перемещения принимал под управление территорию бывшего армейского сборного пункта вместе с находившимися там военнопленными. Таким образом, Dulag с определенным номером – это не огороженная территория, а воинская часть, способная перемещаться с места на место и, например, Dulag 126 перед тем, как попасть в Смоленск, находился в Минске (пункты дислокации этих лагерей перечислены в немецких документах).

На начальном этапе войны (лето – начало осени 1941 г.) военнопленные в пересыльных лагерях находились всего по несколько дней⁸. В дальнейшем этот срок сильно возрос.

Далее военнопленные рядовые (красноармейцы) и младшие командиры направлялись в Stalag (от нем. Mannschaftsstammlager), командный состав – в Oflag (от нем. Offizierlager). Для группы армий «Центр» эти лагеря располагались на территории Германии, Польши, Белоруссии. Лагерь постоянного содержания на территории Смоленской области не было⁹, поэтому в этой статье этот тип лагерей не рассматривается.

Вышка охраны лагеря «Южный» Dulag 240. Осень 1941 г.

На заднем плане учебный корпус мединститута, взорван в сентябре 1943 г.

Долгое время не было возможности разобраться с тем, что происходило в Смоленске с военнопленными в начале оккупации, где находились сборные пункты, как и когда формировались пересыльные лагеря. Свидетельских показаний за этот период было очень мало, а иных источников информации не было совсем. В настоящее время появился доступ к документам, хранящимся в архивах США и Германии, в том числе и к некоторой части документации лагерей военнопленных. Определенные сведения можно также получить на основе анализа фотографий, сделанных в период оккупации. Исследователи разных стран достаточно активно работают над темой лагерей и плена, затрагивая, в том числе, и вопросы смоленских лагерей. Поэтому современные данные гораздо полнее того, что было отражено в документах ЧГК.

Нельзя сказать, что в настоящий момент информация о лагерях военнопленных Смоленска является полной и исчерпывающей. Вовсе нет. До сих пор вопросов больше, чем ответов. Приходится констатировать, что серьезное научное изучение того, что происходило в нашем городе в годы оккупации, и, в частности, изучение темы лагерей военнопленных, находится пока на самой начальной стадии. Поэтому целью серии статей в этом номере журнала является представление современных сведений по этому вопросу, а также публикация ряда документов и свидетельств очевидцев тех страшных событий. Плюс анализ того, что уже известно, а что еще предстоит выяснить.

Источники информации о смоленских лагерях военнопленных

До сих пор основным источником информации о лагерях военнопленных, действовавших на территории города Смоленска, являются материалы, собранные в ходе работы Чрезвычайной государственной комиссии. Некоторые из них начали публиковать уже в октябре 1943 г.¹⁰, практически сразу после освобождения города. В 1945 г. вышла вторая часть сборника «Документы обвиняют»¹¹, в которой вместе с иными свидетельствами

Охранник лагеря «Северный». Зима 1942 г.

преступлений были представлены документы о массовом истреблении военнопленных и мирных советских граждан в лагерях Смоленска; акт судебно-медицинской экспертизы, составленный в ходе эксгумации и судебно-медицинского исследования трупов в местах погребения в городе Смоленске и его окрестностях; фотографии вскрытых захоронений и работы судебно-медицинской комиссии. Кроме того, в сборнике документов присутствуют материалы о массовом истреблении советских военнопленных в Смоленске и на автомагистрали Москва–Минск, заявление врачей А.С. Погребнова и П.П. Ерпылева о ситуации в лагерях военнопленных Смоленска и отношении к раненым военнопленным.

Там же был опубликован список военных преступников: «Чрезвычайная государственная комиссия установила, что за разрушение города Смоленска, за массовое истязание и убийство мирных советских граждан и военнопленных ответственны германское правительство и следующие непосредственные исполнители злодеяний: генерал-майор Науман, шеф гестапо обер-лейтенант Торман, руководитель полиции обер-лейтенант Шит, старший следователь гестапо капитан Майер, зондерфюрер гестапо при лагере военнопленных №126 Эдуард Гисс, военный комендант города Смоленска фон Швец, унтер-офицер

Гатлин, рядовой Рудольф Радтке, шеф комендатуры по медицинским учреждениям Гампель, шеф жандармерии №907 лейтенант Кельм, руководитель полиции по линии жандармерии лейтенант Опец, дежурный начальник тюрьмы штабс-фельдфебель Лемхен, дежурный начальник тюрьмы оберфельдфебель Немке, шеф штаба Розенберга доктор Нерлинг, начальник отдела пропаганды капитан доктор Думф, заместитель начальника отдела пропаганды Миллер и профессор Еше».

После рассекречивания архивных материалов периода оккупации Смоленска в 2003 г. вышел в свет сборник документов «...Все судьбы в единую слиты...»¹², в котором наряду с ранее опубликованными были представлены еще неизвестные документы из Государственного архива Смоленской области (ГАСО). Однако массив опубликованных документов до сих пор не полон. Поскольку документы ЧГК хранятся еще и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), смоленские исследователи до них не добиваются, и ряд важной информации до сих пор неизвестен широкому кругу читателей. А в архивных делах ГАРФ информация о смоленских лагерях гораздо более подробная, чем в ГАСО.

Во всех перечисленных выше публикациях фигурирует все тот же собирательный образ смоленских лагерей

военнопленных «концентрационный лагерь №126», никакие иные лагеря не упоминаются. Такая ситуация продолжалась до 2015 г., несмотря на то, что еще в 2004 г. в справочнике «Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941-1944 гг.»¹³, составленном на основе материалов немецких архивов, появилась информация о трех сборных пунктах и девяти пересыльных лагерях с указанием их номеров и другой подробной информации, для которых местом дислокации в разное время указан Смоленск¹⁴. Информация о смоленских лагерях в этом справочнике обусловлена тем, что существенная часть перечисленных там лагерей и сборных пунктов военнопленных с продвижением линии фронта на восток передислоцировалась в Смоленскую область. Однако эта важная информация осталась незамеченной.

Незамеченной осталась и вышедшая в 2005 г. (переиздана в 2022 г.) книга Арона Шнеера «Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941-1945»¹⁵, в которой упоминается о существовании Dulag 240 в Смоленске и приводятся цитаты из отчета коменданта этого лагеря. Равно как и вышедшая в 2013 г. на английском языке книга «Смоленск при нацистах: повседневная жизнь в оккупированной России»¹⁶, в которой также перечислялись пересыльные лагеря (Dulag), действовавшие в Смоленске, с кратким описанием, где находились

Босой военнопленный в районе «Большого» лагеря Dulag 126. В немецком альбоме под фотографией была надпись: «Так называемый смоленский палач, который, как говорят, убил 260 немецких солдат. Он умер во время нашего пребывания там (в Смоленске)»

некоторые из них (в частности Dulag 240 и Dulag 126).

В смоленской краеведческой литературе информация о том, что пересыльный лагерь военнопленных Dulag 126 не был единственным, появ-

ляется лишь в 2015 г., когда при подготовке к публикации фотоальбома «Смоленск в оккупации»¹⁷ была обнаружена фотография центральной площади Смоленска с указателем «Dulag 240».

Более подробная информация о лагерях военнопленных появилась в 2019 г. в ходе работы над книгой о бургомистре города в годы оккупации Борисе Меньшагине¹⁸. Автор-составитель этого сборника Борис Полян работал в немецком архиве и целенаправленно искал информацию именно по Смоленску. Кроме того, он работал и в ГАРФ. В сборник была включена лишь часть найденных архивных материалов. Остальные он передал мне (я тогда совместно с Борисом Поляном работал над сборником о Меньшагине), и часть из них будет опубликована в этом номере журнала. Из этих документов наибольший интерес представляет отчет коменданта Dulag 240 за период с 20 сентября по 20 октября 1941 г. Этот отчет содержит массу интересной информации и фактически описывает процесс создания лагеря военнопленных, его структуру и основные задачи лагерной администрации. Кроме того, в самой книге о Меньшагине содержится много информации о лагерях военнопленных Смоленска.

Еще одним источником информации являются немецкие фотографии, сделанные в период оккупации Смоленска. Их сохранилось очень много (на данный момент известно несколько тысяч). На некоторых из них запечатлены лагеря военнопленных и сами военнопленные во время их транспортировки или во время работ в городе. Эти фотографии также позволяют выяснить некоторые подробности содержания военнопленных.

Большое количество информации по теме лагерей можно почерпнуть в работах коллег из Республики Беларусь, где эта тема исследуется уже давно и очень серьезно. А поскольку лагеря на территории Белоруссии были тесно связаны с лагерями Смоленска (многие пересыльные лагеря из Белоруссии позже переместились в Смоленск и Смоленскую область), то эти исследования очень важны для понимания того, что происходило в Смоленске.

Указатель «Dulag 240» на площади Смирнова в оккупированном Смоленске. Начало октября 1941 г.

Одно из направлений таких исследований касается очень важной темы – восстановление имен погибших военнопленных. До сих пор в Смоленске все их захоронения являются безымянными. Однако сейчас появилась возможность восстановить свыше 7 тыс. фамилий военнопленных, погибших в смоленском лазарете, находившемся на Киевском шоссе (ныне пр. Гагарина) и захороненных в районе проезда Маршала Конева. Этот список был найден в 1944 г. при освобождении территории Белоруссии, но долгое время его относили к лазарету лагеря Шталаг 352. Совсем недавно белорусским коллегам удалось восстановить полный список погибших в лазарете этого Шталага¹⁹ и добиться внесения корректив в паспорта воинских захоронений в соответствии с уточненными списками. Попутно удалось доказать, что список погибших в неизвестном лазарете к Шталагу 352 не имеет никакого отношения. На данный момент совокупность признаков говорит о том, что это список смоленского лазарета военнопленных, вероятнее всего, составленного по лазаретной картотеке в апреле 1943 г. при подготовке к возможной эвакуации из-за приближения линии фронта. Более подробно о списке можно прочитать в материале Александра Шведа, публикуемом в этом номере журнала.

Кроме этого в журнале публикуется ряд материалов из смоленских архивов: материалы Чрезвычайной государственной комиссии, включающие фотографии ее работы по эксгумации останков военнопленных, план лагеря №126, ранее не публиковавшиеся воспоминания бывшего узника этого лагеря Михаила Казиминова, который находился в нем с ноября 1941 по сентябрь 1943 г., а также фрагменты воспоминаний военврача Мстислава Яковенко, находившегося в лагере с ноября 1941 г., долгое время он работал в госпитале военнопленных и участвовал в массовом побеге из этого госпиталя в конце июля 1943 г. Полный текст воспоминаний Мстислава Яковенко редакция «Края Смоленского» планирует опубликовать в следующем году, они слишком велики для помещения в данном номере.

Примечания

1. ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Справка о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере №126. Л. 104-116.
2. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков – государственная комиссия СССР в годы Великой Отечественной войны. Образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. в республиках, краях, областях и освобождаемых городах создавались аналогичные комиссии для содействия ЧГК из представителей советских, партийных, военных органов и местного населения. Акты и сообщения ЧГК стали одним из важнейших доказательств обвинения нацистских преступников в ходе Нюрнбергского трибунала, а также в ходе судебных процессов над военными преступниками в освобожденных городах СССР (в том числе и в Смоленске).
3. 15-20 декабря 1945 г. в Смоленске проходил судебный процесс над группой из 10 бывших немецких военнослужащих, принимавших участие в военных преступлениях на территории Смоленска и Смоленской области. Открытые судебные процессы по делам избранных в зверствах против советских граждан бывших военнослужащих германской армии, немецких карательных органов и их пособников прошли в 1943-1946 гг. в 20 городах СССР.
4. Система немецких лагерей для советских военнопленных на Украине: <https://zwiabel.ucoz.ru/forum/23-359-1>
5. Там же.
6. В публикуемом в этом номере отчете коменданта Dulag 240 подробно указан численный состав этого подразделения.
7. WAST – Справочная служба вермахта о военных потерях и военнопленных.
8. Комендант лагеря Dulag 240 докладывал, что в сентябре-октябре 1941 г. военнопленные в лагере находились всего 1-2 дня, поэтому личный досмотр проводился только при поступлении в лагерь. За месяц в лагерь постоянно содержания было отправлено 75 тыс. военнопленных.
9. В некоторых источниках упоминается Stalag 126 в Смоленске. Но на данный момент никаких документов, подтверждающих существование Stalag 126, не обнаружено. Вероятно, это ошибочно названный Dulag 126, функционировавший до сентября 1943 г. Согласно воспоминаниям М.М. Казиминова, в Dulag 126 некоторые узники содержались по несколько меся-

цев и более, поэтому этот лагерь, судя по всему, частично выполнял функции лагеря постоянного содержания, формально не являясь таковым.

10. Сообщение ЧГК «О разрушении гор. Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами» // Известия. 1943. 6 ноября.

11. Документы обвиняют: Сб. док. о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советских территориях. Вып. II / Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. – 392 с.

12. Все судьбы в единую слиты... : По рассекреченным арх. док. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Администрация Смоленск. обл., Департамент Смоленск. обл. по делам арх.; авт.-сост. Н.Г. Емельянова и др. Смоленск: Маджента, 2003. (Серия «Свидетельствуют документы»). – 152 с.

13. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941-1944 – Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941-1944: справочник / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.]; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. Мн.: НАРБ, 2004. – 192 с.

14. Большая часть из девяти пересыльных лагерей, вероятно, отнесена к Смоленску как к промежуточному пункту дислокации и фактически в городе не функционировала. По крайней мере, на данный момент есть документы, подтверждающие наличие в городе только трех пересыльных лагерей, но пока не известен номер пересыльного лагеря в Красном Бору. Возможно, некоторые из этих пока не идентифицированных лагерей действовали некоторое время в 1941 г. в ближайших окрестностях Смоленска.

15. Шнеер А. Плен. Солдаты и офицеры Красной Армии в немецком плену. М.: Пятый Рим, 2022. – 608 с.

16. Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. By Laurie R. Cohen. Rochester Studies in East and Central Europe. Edited by Timothy Snyder. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2013. Pp. xiv+364.

17. Смоленск в оккупации: фотоальбом / С.А. Амелин, Д.А. Ивочкин, И.А. Трапезников. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015. – 435 с.

18. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / сост. и подг. текста П.М. Полян. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

19. Мох Е.Н. Единый комплекс документов по медицине шталага №352, Масюковщина // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2021. №9. С. 88-96.

СИСТЕМА СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СМОЛЕНСКЕ В 1941-1943 ГОДАХ

Сергей АМЕЛИН,
г. Смоленск

В годы Великой Отечественной войны Смоленск был одним из крупнейших центров концентрации и распределения многочисленных советских военнопленных в оперативной зоне группы армий «Центр». Это связано с тем, что летом-осенью 1941 г. на территории области в плен попали сотни тысяч бойцов и командиров Красной Армии. 5 августа 1941 г. генерал-фельдмаршал фон Бок, подводя итоги 25 дней Смоленского сражения, отмечал, что группа армии «Центр» захватила 309 110 военнопленных. С 5 по 8 августа в районе Рославля танковая группа Гудериана взяла в плен 38 тысяч человек. В результате операции вермахта «Тайфун» под Вязьмой были окружены соединения 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий. По разным оценкам там только в плен попало от 400 до 600 тысяч бойцов и командиров Красной Армии. Цифры общих потерь и попавших в плен в этом «котле» до сих пор являются предметом дискуссии, однако о масштабах можно судить хотя бы по захваченному немцами высшему командному составу. В ходе этой операции оказались в плену тяжелораненый командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, командующий 32-й армией генерал-майор С.В. Вишневский, командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков. Пленены начальник артиллерии 20-й армии генерал-майор И.П. Прохоров, начштаба 19-й армии генерал-майор В.Ф. Малышкин, начальник артиллерии 24-й армии генерал-майор С.А. Мошенин, комкор Ф.А. Семеновский (расстрелян немцами в плену как комиссар), бригадвоенюрис И.А. Ваганов. Пропали без вести генерал-майоры Т.К. Силкин, комдив А.Н. Шустин, комбриги Б.А. Алексеев, К.Н. Березкин, В.Г. Ванеен, П.Н. Иванов, В.Н. Кафанов.

Большее количество свидетельских показаний, собранных Чрезвычайной государственной комиссией о

Военнопленные в районе Смоленска. Август 1941 г.

смоленских лагерях военнопленных, даны людьми, попавшими в плен в районе Вязьмы. Публикуемые в этом номере фрагменты воспоминаний военврача Мстислава Яковенко также начинаются с описания пленения в вяземском «котле».

Являясь важным транспортным узлом, Смоленск стал крупным перевалочным пунктом при транспортировке военнопленных – в нем располагалось несколько пересыльных лагерей (дулагов). Но история мест содержания военнопленных в Смоленске начинается не с дулагов. Очевидно, что бойцы и командиры Красной Армии начали попадать в плен с первых дней боев за город, т.е. с 15 июля 1941 г. Эти пленные направлялись на полковые и дивизионные сборные пункты, организованные соответствующими воинскими частями. Оттуда сравнительно небольшие группы военнопленных конвоировались в армейские сборные пункты. Все эти сборные пункты подчинялись непосредственно тем соединениям вермахта, которые этих людей брали в плен.

Есть немало свидетельств того, что первые военнопленные и, соответственно, лагеря для них появились в Смоленске уже в конце июля 1941 г. При этом стоит учитывать, что свидетели не понимали разницы между сборными пунктами военнопленных и дулагами. Они все это называли концентрационными лагерями, что по сути абсолютно верно. Внешне сборные пункты и дулаги ничем не отличались: и там, и там территория, огороженная колючей проволокой, вокруг охрана, внутри военнопленные. Отличие лишь в подчиненности, задачах и персонале. А этих нюансов свидетели знать не могли. Поэтому и возник конструкт «концентрационный лагерь №126», включивший в себя все сборные пункты военнопленных и площадки дулагов, находившихся на территории Смоленска.

Согласно немецким документам, в Смоленске в разное время находилось три армейских сборных пункта военнопленных, а также семь дулагов¹, но сколько-нибудь продолжительное время функционировали только четыре из них: №240, №126,

№231 и еще один дулаг с неустановленным пока номером в Красном Бору.

Армейские сборные пункты в Смоленске

Всего в Смоленске было три армейских сборных пункта военнопленных: 2-й, 6-й и 7-й. Точное и документально подтвержденное местоположение известно только для одного из них – 7-го армейского сборно-пересыльного пункта. Он находился в районе совхоза «Печерск», рядом с пересечением шоссе Москва–Минск и дороги, идущей на Смоленск². Организован он был на месте советского лагеря для заключенных, занимавшихся строительством шоссе Москва–Минск. Впоследствии на основе этого сборного пункта был организован пересыльный лагерь «Северный» – одна из двух площадок содержания военнопленных Дулаг 240.

В качестве мест дислокации 2-го армейского сборно-пересыльного пункта помимо Смоленска указан «Красный», поэтому наиболее вероятное местоположение этого армейского сборного пункта – артиллерийские склады на Краснинском шоссе. Впоследствии на этом месте будет организован еще один смоленский пересыльный лагерь военнопленных – Дулаг 126. Этот район города был захвачен одним из первых, еще 15 июля 1941 г. Затем бои шли в северной части города, поэтому положение для сборного пункта весьма подходящее – рядом с крупным шоссе и не в зоне активных боевых действий, угрозы захвата сборного пункта в результате контратак Красной Армии, продолжавшихся практически до конца июля 1941 г., не было. Вероятно, свидетельские показания о том, что военнопленных в этом месте содержали практически сразу после начала боев за город, и дали основание указать в качестве даты создания «концентрационного лагеря №126» 20 июля 1941 г. На самом деле, это дата создания сборного пункта военнопленных. Дулагом 126 эта территория станет полтора месяца спустя, в сентябре 1941 г. А в конце июля Дулаг 126 еще находился в Минске, что подтверждается сохранившимися документами.

Лагерь НКВД вблизи шоссе Москва–Минск. В одном из таких лагерей был организован 7-й армейский сборно-пересыльный пункт, а впоследствии Дулаг 240

Можно предположить, что последний из перечисленных 6-й армейский сборно-пересыльный пункт в Смоленске находился в районе Красного Бора (впоследствии там тоже был Дулаг). Предположение обосновывается тем, что смоленский железнодорожный узел до конца июля 1941 г. находился в зоне активных боевых действий и не мог использоваться для отправки военнопленных в пересыльные лагеря (ближайший на то время дулаг был в Минске). А станция Красный Бор вполне подходила для организации отправки военнопленных в этот дулаг по железной дороге. Предыдущие места дислокации этого сборного пункта – Минск и Орша.

Армейские сборные пункты были достаточно крупными, известно, что в 6-м армейском сборно-пересыльном пункте 10-11 сентября 1941 г. содержалось около 5 тыс. военнопленных. Просуществовали они в Смоленске достаточно долго, от трех недель до полутора месяцев. Согласно распоряжению командования германской армии всем жителям оккупированного Смоленска предписывалось немедленно сообщать ближайшим немецким учреждениям о вновь приходящих красноармейцах. Запрещалось оказывать им какое-либо содействие, предоставлять ночлег и укрывать. Жители должны были немедленно направлять их в ближайшую германскую часть для сдачи в плен.

По воспоминаниям бывших военнопленных, нахождение в сборных пунктах было одним из самых тяжелых этапов нахождения в плену. Такие сборные пункты часто представляли собой просто огороженную колючей проволокой площадку под открытым небом. Попавших туда военнопленных иногда не кормили по нескольку дней, остро не хватало питьевой воды. Такое положение не было случайным – тяжелейшие условия содержания и голод были призваны сломить волю, устранить возможность побега обессиленных военнопленных и не использовать для их охраны большое количество солдат, которых приходилось для этого отвлекать из действующих частей.

Дулаг 240

Самым первым смоленским пересыльным лагерем стал Dulag 240. До недавнего времени про смоленский период этого дулага вообще ничего не было известно, однако в сохранившемся в немецком архиве отчете коменданта этого лагеря³ за 20 сентября – 20 октября 1941 г. дана очень подробная информация о его создании и функционировании. Можно сказать, что на данный момент именно по этому смоленскому дулагу есть наиболее полные и достоверные данные.

Дулаг 240 появился в Смоленске 10 августа 1941 г. Прибыл он к нам из

Польша (предыдущее место дислокации Яблонна). В Смоленске этот дулаг находился сравнительно недолго, неполных три месяца. 7 ноября 1941 г. он убыл в Ржев. И хотя пребывание его в Смоленске было недолгим, но в этот период он был крупнейшим дулагом Смоленска.

Дулаг 240 состоял из двух площадок. Первая – лагерь «Северный». Он находился южнее автомагистрали Москва–Минск, вблизи перекрестка с дорогой, идущей на Смоленск, в полукилометре от деревни Липуны и села Печерск, на территории бывшего Вяземского лагеря НКВД⁴.

Именно на эту площадку прибыл личный состав Дулага 240, и 10 августа лагерь уже начал функционировать как пересыльный. Ранее на этой площадке находился 7-й армейский сборно-пересыльный пункт. Как уже отмечалось выше, до войны в этом месте был лагерь НКВД для заключенных, занятых в строительстве шоссе Москва–Минск. Изначально в сохранившихся бараках можно было разместить около 500 человек. Однако в конце августа в лагере находилось уже до 12 тыс. военнопленных, в основном под открытым небом. Баланду для них также варили под открытым небом во вкопанных в землю котлах. Позже в лагере были построены бараки и кухня.

Персонал Дулага 240 к концу сентября 1941 г. подготовил для содержания военнопленных вторую площадку – лагерь «Южный». Он находился в подвалах и во дворе здания общежития медицинского института на Рославльском шоссе (ныне главный корпус Смоленского медицинского университета). Здание полностью сгорело, но подвалы хорошо сохранились. Согласно отчету коменданта лагеря, в крытых помещениях можно было разместить до 10 тыс. военнопленных. Однако лишь половина из них могла провести ночь на трехъярусных деревянных нарах. Остальные лежали на деревянных или каменных полах.

К концу октября 1941 г. суммарно на двух площадках Дулага 240 находилось свыше 15 тыс. военнопленных, и в ближайшее время общую вместимость лагеря планировалось увеличить до 35 тыс. человек за счет

Перекресток шоссе Москва–Минск и дороги, идущей на Смоленск. Вблизи этого места находилась первая площадка лагеря Дулага 240

Лагерь «Северный» Дулаг 240. Осень 1941 г.

Кухня лагеря «Северный» Дулага 240. Осень 1941 г.

Лагерь «Южный». Октябрь 1941 г. Фото из собрания И.А. Трапезникова

Военнопленные в лагере «Южный» Дулага 240. Осень 1941 г.

Военнопленные на разгрузке вагонов. Район железнодорожной станции Смоленска

расширения огороженной территории «Северного», строительства барачных, установки дополнительных нарядов в «Южном». Это расширение было обусловлено необходимостью принятия огромного потока военнопленных из вяземского «котла».

В октябре 1941 г. на работы отправлялись 1500-2000 военнопленных ежедневно. В основном они занимались расчисткой завалов, подготовкой стройплощадок, земляными и погрузочно-разгрузочными работами.

Помимо военнопленных в лагере «Южный» содержались арестованные и направленные туда гражданские лица, что вызывало недовольство коменданта, поскольку он не понимал, что с ними делать. Поскольку вывезти их в лагерь постоянного содержания было нельзя, их пришлось привлекать к постоянным работам внутри лагеря.

В октябре 1941 г. в «Северном» непосредственно в лагере работали 280 военнопленных. Это медицинский и санитарный персонал, повара и поварской персонал, лагерная полиция, коноводы и возницы для гужевого поезда, строительные рабочие и уборщики.

Военнопленные в этот период находились в пересыльном лагере всего по несколько дней, иногда менее суток. После личного досмотра и внесения в регистрационные списки им выдавали паек на дорогу, формировали колонны и под конвоем вели к железнодорожной станции Смоленска, где грузили в вагоны и отправляли в лагерь постоянного содержания. Раненых везли в госпиталь военнопленных, легкораненых транспортировали вместе со здоровыми. В период с 8 по 22 октября из Дулага 240 по железной дороге было вывезено около 75 тыс. военнопленных.

Очень недолгое пребывание в лагере, а также сравнительно короткое время нахождения Дулага 240 в Смоленске, видимо, и обусловило полное отсутствие упоминания об этом лагере в показаниях бывших военнопленных, собранных ЧГК.

Комендантом Дулага 240 был полковник Маленц. Личный состав по штату состоял из 11 офицеров, 6 служащих, 114 унтер-офицеров и рядовых, т.е. всего 131 человек. Охрана ла-

геря осуществлялась подразделениями 721-го охранного батальона, позже подразделениями 455-го охранного батальона. Внутренний порядок обеспечивала лагерная полиция, набранная из числа военнопленных.

Более подробно о Дулаге 240 можно прочитать в отчете коменданта лагеря, публикуемого в этом номере журнала. Стоит отметить, что в этом отчете фигурируют некоторые цифры, совершенно нетипичные для сложившегося представления об условиях жизни в лагере военнопленных. В частности, комендант отмечает, что в лагере в этот период было максимум 20 кишечных больных одновременно. Для 15 тыс. военнопленных это фантастически мало. Но и врать во внутреннем документе коменданту лагеря не было никакого смысла.

О смертности в лагере вообще нет ни слова. Комендант лишь отмечает, что попыток побега собственно из лагеря не было, но во время каждой из железнодорожных перевозок в среднем от 5 до 10 военнопленных были расстреляны при попытке побега. В отчете нет ни слова о массовых убийствах военнопленных во время прохождения колонн, описанных в многочисленных показаниях бывших военнопленных, собранных ЧГК. Вероятно, в это время это еще не было распространенной практикой, хотя уже совсем скоро (25 октября 1941 г.) все тот же комендант Дулага 240 докладывал: «Неоднократно случалось, что охрана обращается с военнопленными с преувеличенной жестокостью. Так, в ночь с 19 на 20 сего месяца около 30 000 пленных, которых не смогли принять в лагере „Северный“, были отправлены обратно в город. Утром 20 числа только на одном участке от вокзала до лагеря „Северный“ насчитывалось 125 убитых военнопленных. Большинство из них лежало на дороге с простреленной головой. При этом в большинстве случаев речь шла не о попытке к бегству и не о фактическом сопротивлении, которые только и могут служить оправданием применению оружия».

И совсем фантастично выглядит описание рациона питания и усилий, которые комендант прилагал для обеспечения приготовления пищи. В

Легкораненые в общей колонне военнопленных. Смоленск, площадь Смирнова. Август 1941 г.

Военнопленные на спуске с виадука к железнодорожному вокзалу. Осень 1941 г.

Колонна военнопленных. Предположительно, шоссе Москва–Минск. Осень 1941 г.

частности, в отчете указано, что ежедневный рацион в октябре 1941 г. состоит из: «картофель (750 г), пшено (50 г) или гречка (50 г), мука (100 г), конина (75-100 г) или рыба (125 г), или мясные отходы со скотобойни. Кроме того, каждому военнопленному ежедневно выдавалось 300 г хлеба. Эти нормы отпуска продуктов соответствуют калорийности рациона питания, установленной ОКХ». На этот период ОКХ установило следующие нормы калорийности питания военнопленных: для незанятых на работах – 1487 ккал, для занятых на работах – 2175 ккал, для занятых на тяжелых работах – 2411 ккал. Если пересчитать указанный выше рацион в калории, то он действительно соответствовал нормам (порядка 1800 ккал).

Однако такое положение сохранялось очень недолго. Уже в конце октября прекратилась выдача продовольствия для лагеря с армейских складов, и коменданту было предложено самостоятельно изыскивать продовольствие из местных ресурсов. А кроме картофеля ничего найти не удалось. К тому же возникли существенные проблемы с его подвозом – не было в достаточном количестве транспорта. И это еще в сравнительно благополучный период, когда основная волна военнопленных из вяземского «котла» до Смоленска еще не добралась. Пройдет всего неделя-две и положение с обеспечением военнопленных продовольствием станет просто катастрофическим. Сюда же добавятся очень ранние и сильные морозы. Холод, голод и ужасающая смертность. Все это в отчет еще не вошло, хотя будет уже совсем скоро. В начале ноября 1941 г. Дулаг 240 переместился в Ржев. Положение дел в месте новой дислокации описано в многочисленных публикациях, и оно радикально отличается от октябрьского отчета.

Комендант по делам военнопленных округа «J» полковник Маршалл, инспектировавший дулаги группы армий «Центр», в своих донесениях признавал, что питание пленных ненормально – 150 г хлеба и 50 г сухого пшена в сутки на одного человека. Этот рацион имел максимально от 200 до 700 калорий, что составля-

Раздача пищи в неустановленном лагере или сборном пункте военнопленных. Август 1941 г.

Голодные военнопленные тянутся за едой. Предположительно, конец лета 1941 г.

ло меньше половины жизненно необходимого уровня. В результате смертность в лагерях резко возросла и достигала 1% в день и более.

После перемещения Дулага 240 в Ржев лагерь «Южный» был передан в ведение Дулага 126, уже почти два месяца находившегося в Смоленске. Но просуществовала эта площадка недолго, до конца зимы 1941-1942 гг. В феврале 1942 г. в разгар эпидемии

тифа оттуда перевели на другие площадки всех оставшихся здоровых военнопленных, а заболевших тифом оставили умирать.

Что стало с лагерем «Северный», пока непонятно. Его либо также передали в Дулаг 126, либо в какой-то из семи перечисленных в немецких документах дулагов. Документальных сведений об этом пока нет. Дело в том, что еще в октябре 1941 г. комен-

дант Дулага 240 в отчете жаловался, что у него не хватает личного состава, чтобы выполнять все возложенные на них обязанности. А тогда было только две площадки. Если и «Северный», и «Южный» передали в управление Дулагу 126, то личный состав этого дулага должен был обеспечивать работу уже четырех площадок, причем значительно удаленных друг от друга. Рекомендуемая численность военнопленных на один дулаг составляла 5 тыс. человек, а на четырех площадках Дулага 126 в ноябре 1941 г. могло быть до 40 тыс. военнопленных, поэтому совершенно непонятно, как с таким потоком справлялся личный состав в полтора раза человек.

Одно известно точно – лагерь «Северный» функционировал и дальше. В справке, подготовленной ЧГК, говорится, что он действовал до сентября 1943 г. Его комендантами были Бесс, Шройде, Курц. Кроме того, имеются многочисленные фотографии этого лагеря летом 1942 г. Однако, судя по фото, расположен он был уже на другой площадке. В новом месте военнопленные размещались в основном в больших армейских палатках, кроме того, на территории имелось несколько барачков. Тот факт, что «Северный» находился в разное время в двух разных местах, подтверждается картой захоронений, составленных ЧГК (каждая из лагерных площадок имела свое захоронение). Еще одно подтверждение этого – надпись на архивной фотографии: «Пос. Печерск Смоленского р-на, перекресток магистрали Москва–Минск и дороги из Смоленска. Первоначальное место концлагеря в Печерске до декабря 1941 г.».

Причина, по которой в декабре была оставлена площадка вместе с совсем недавно специально построенными барачками и иной лагерной инфраструктурой, не известна. Можно предположить, что это произошло из-за эпидемии тифа: администрация дулага считала, что проще создать лагерь на новом месте, чем провести серьезную обработку старой площадки⁵.

По заключению ЧГК, в двух могильниках этого лагеря захоронено свыше 16 000 пленных советских бойцов и командиров Красной Армии.

Лагерь «Северный». Вероятно, уже Дулаг 126. Лето 1942 г.

Фотография 1988 г. Надпись на обратной стороне фотографии: «Пос. Печерск Смоленского р-на, перекресток магистрали Москва–Минск и дороги из Смоленска. Первоначальное место концлагеря в Печерске до декабря 1941 г.»

Дулаг 126

Дулаг 126 – самый известный из смоленских пересыльных лагерей и единственный упоминаемый в документах ЧГК (концлагерь №126). Он начал действовать в Смоленске 16 сентября 1941 г.⁶ В Смоленск он прибыл из Минска⁷. Этот дулаг функционировал в городе весь оставшийся период оккупации, примерно до середины сентября 1943 г., т.е. ровно два года.

Сначала комендантом лагеря был майор Ритшер (Ritscher). Начальником отдела «С» был лейтенант Эттке Гиссе. Затем комендантом стал полковник Франке, после него – Гиссе.

Первым русским комендантом лагеря был капитан-кавалерист Костромин, попавший в плен еще под Волковыском, а его заместителем – Зелинский. Костромин сменил Романенко. Первым начальником русской лагерной полиции был Григоренко, вторым – бывший председатель Износковского райсовета Смоленской области Тимофей Азарович Долганов, а третьим – Тупицын. Согласно показаниям бывших военнопленных, все они были патологическими садистами, но Долганов – в особенности.

Осенью Дулаг 126 состоял из двух изолированных площадок (лагерей). Так называемый «Большой» лагерь

размещался на обширной территории разрушенных складов РККА в районе Краснинского шоссе, практически у городской черты, а «Малый» – в складах и конюшнях Нарвских казарм, рядом со склоном Чуриловского оврага, на котором находилось захоронение лагеря.

«Большой» лагерь, вероятно, в июле-августе 1941 г. был армейским сборным пунктом военнопленных. Место для «Малого» лагеря было выбрано сотрудниками Дулага 240 в середине октября 1941 г., однако сразу было решено, что он войдет в состав Дулага 126, и организовывал его уже личный состав этого дулага⁸. Дополнительная площадка понадобилась для размещения военнопленных, прибывающих из района вяземского «котла». Позже, с декабря 1941 г., «Малый» лагерь использовался в качестве тифозного изолятора (об этом можно почитать в воспоминаниях М.М. Казимилова, публикуемых в этом номере).

В ноябре 1941 г. после передислокации Дулага 240 в Ржев в состав Дулага 126 вошел лагерь «Южный» и, возможно, «Северный» (как уже было сказано выше). Лагерь «Южный» просуществовал до конца зимы 1941-1942 гг. О судьбе лагеря «Северный» достоверной информации пока нет.

Вместимость «Большого» лагеря составляла около 25 тыс. чел. Помещения для военнопленных практически не отапливались и не освещались. Температурные и санитарные условия в лагере – чудовищные, питание – отвратительное, на грани или за гранью истощения, зимой 1941-1942 гг. свирепствовал тиф. Обезумевшие от голода люди доходили до трупоедства, за что карали виселицей⁹.

Данные, собранные ЧГК, в этом плане несколько не противоречат немецким. Так, в журнале боевых действий группы армий «Центр» в записи за 13 ноября говорится о результатах инспекции Дулага №126: ежедневная смертность – около сотни, главная причина – от истощения. Наличный состав военнопленных в лагере – 15 тыс. чел., что в 10 раз больше его нормальной вместимости. При этом для военнопленных не хватает ни барачных, ни нар, ни соломы, нет печного обогрева. Рацион: 300 г хлеба,

Главный вход в «Большой» лагерь Дулага 126. В центре одноэтажный дом, в котором находился русский комендант лагеря (из военнопленных). Четырехэтажное здание справа на заднем плане – ныне д. 6 по ул. Кирова

Военнопленные рядом с бараками «Большого» лагеря Дулага 126

100 г конины и 200 г картофеля или пшена. Никакое трудоустройство столь обессиленных военнопленных невозможно. К 17 декабря смертность достигла уже 200-250 чел., поскольку началась эпидемия тифа¹⁰.

Санитарно-медицинское обслуживание военнопленных сводилось к тому, что после ухода здоровых на работу врачи отправляли в изоляторы и госпиталь заразных и тяжелых больных, обслуживающий же персонал железными крючьями вытаскивал умерших за ночь, их зарывали в ямы у лагеря. Позже для борьбы со

вшами в лагере была построена баня с дезинсекционной камерой (подробности – в воспоминаниях М.М. Казимилова).

У входа в лагерь располагалась немецкая комендатура и русский комендант лагеря (см. схему). В лагере было два больших барака (бывшие склады), в которых содержались здоровые военнопленные, способные выходить на работу. В одном из этих барачных помещений проживала еще и лагерная полиция (из числа военнопленных). Рядом с комендатурой был барак для военнопленных офицеров, а в восточной

части – отделенный от остальных барак для пленных из политсостава. В лагере был также барак-изолятор (тифозный барак) и барак для тяжелобольных (барак смертников). В центре лагеря находились баня и санпропускник, рядом с ней в 1941-1942 гг. – кухня. В 1943 г. кухню перенесли в восточную часть лагеря. Лагерные мастерские (слесари, плотники и т.п.) жили в отдельном бараке. В западной части лагеря находился барак, в котором отдельно проживали военнопленные неславянской национальности (казахи, узбеки, татары, калмыки), которых администрация лагеря пыталась вербовать в национальные батальоны.

В северо-западной части лагеря на свободной площадке была установлена виселица, где казнили военнопленных.

Кроме военнопленных, в бараках 5, 6, 7 (на схеме они не указаны, видимо, в восточной части лагеря) содержалось также и гражданское население из окрестных районов, которое было заключено в лагерь за поддержку партизанского движения и саботаж мероприятий немецко-фашистских властей.

Условия содержания этой части заключенных были еще хуже, чем военнопленных. Продовольствием они не снабжались и обязаны были жить за счет передач родственникам. Часто и эти передачи не попадали заключенным, так как лучшие продукты забирала охрана лагеря. Вследствие тяжелых условий содержания в лагере среди гражданского населения смертность от голода, тифа, дизентерии, хо-

«Малый» лагерь Дулага 126 – склады комплекса построек казарм Нарвского полка. Современное фото

лада была даже выше, чем среди военнопленных.

В 1942-1943 гг. на территории лагеря находились гражданские лица, которых немцы угоняли на работу в Германию.

Деятельность Дулага 126 в Смоленске несколько отличалась от классических функций пересыльного лагеря. Начиная с 1942 г., он выполнял некоторые функции лагерей постоянного содержания. Военнопленные в нем могли находиться по несколько месяцев и более. Из лагеря рабочие команды постоянно направлялись на выполнение работ по очистке завалов, на погрузочно-разгрузочные работы на железнодорожной станции, на хлебозавод, электростанцию и т.п. Это подтверждается как свидетель-

скими показаниями бывших военнопленных, так и многочисленными немецкими фотографиями времен оккупации.

По воспоминаниям М.М. Казимиrowa, в отдельном бараке политработников он издала видел политрука Ильященко, попавшего в плен еще осенью 1941 г. Казимиров предполагает, что Ильященко находился в лагере вплоть до самой его эвакуации в сентябре 1943 г.

Также он неоднократно встречался с майором Евдокимом Васильевичем Бородиновым, который проживал в офицерском бараке, причем достаточно долго. По крайней мере, Михаил Казимиров утверждает, что Бородинов рассказывал о попытках вербовки его в армию Власова, что

Северо-западная часть «Большого» лагеря Дулага 126.

На переднем плане площадка, где была виселица для казни военнопленных. За ней барак для смертников (тяжелобольных). Справа – бараки лагеря. Октябрь 1943 г. Панорама из двух фотографий, сделанных в ходе работы ЧГК.

не могло быть раньше конца 1942 г. Правда, по архивным данным, потом Бородинов был переведен в лагерь постоянного содержания Шталаг 342. Таким образом, в лагере постоянно находились не только военнопленные, занятые на постоянных работах в лагере (врачи, повара, кочегары, банщики и т.п.), там подолгу содержались и обычные военнопленные.

Еще одной особенностью является освобождение из плена для постоянной работы и проживания в городе по ходатайству городской управы. Бывший бургомистр Смоленска Борис Меньшагин в своих воспоминаниях говорит минимум о двух-трех тысячах освобожденных. О массовости освобождения из плена говорит тот факт, что для ходатайства об освобождении был напечатан бланк типографским способом. В архивных документах ГАСО сохранилось несколько десятков таких ходатайств.

В ходе работы ЧГК в октябре 1943 г. был составлен план «Большого» лагеря. Казимиров в своих воспоминаниях также приводит план лагеря. На основании этих планов и немецкой аэрофотосъемки удалось восстано-

Военнопленные роют могилы на кладбище немецкого госпиталя, находившегося в здании электротехникума (ныне Смоленский техникум электронных приборов). Район ул. Жукова. Предположительно, зима 1941-1942 г.

Военнопленные на расчистке завалов во дворе гостиницы на пл. Смирнова (после войны – гостиница «Смоленск»), в которой располагались штабы и личный состав немецкой армии

ANTRAG
AUF ENTLASSUNG/BEURLAUBUNG
(ehemal. russ. Soldaten)
AUS DER KRIEGSGEFANGENSCHAFT

Name: *Alfred Schwaner*
Nationalität: *Polen*
Geburtsort u. -Ort: *1908 S. Dzedz. Ray, Holant. Geb. Poln.*
wohnt vor dem: *22.6.41 S. Dzedz. Ray. Geb. Poln.*
jetziger Aufenthaltsort: *Ray. Geb. Poln.*
bzw. Kriegsgefangenenlager: *188. Stalag*
Erlerner Beruf: *Zimmerer* Ausübter Beruf: *Zimmerer*
Verheiratet: *Kinder* Ausgebühter Beruf: *Zimmerer*
Einzelspapiere vorhanden?

Entlassung/Beurlaubung beantragt nach: *1.2.42*
bzw. zur Arbeit einzusetzen in: *1.2.42*
Grund der Antragstellung: *Ich bin ein deutscher Staatsbürger, der sich in der Lage befindet, seinen Heimatort zu besuchen.*
Name des Antragstellers: *Alfred Schwaner*
Beziehung zum Gefg. (Eltern, Frau usw.): *Eltern*

Beschreibung d. Krgf.
Größe: *1,75 m*
Haare: *braun*
Augen: *blau*
Bes. Kennz.: *188. Stalag*

Bürgerschaftserklärung
Die Richtigkeit der obigen Angaben bescheinige ich. Der *Schwaner* *Alfred* wird sich den deutschen Interessen nicht entgegenstellen. Ich bürgere für seine politische Zuverlässigkeit.

Der Bürgermeister: *Schwaner*
Ort u. Datum: *1.2.42, Smolensk*

Nur für deutsche Dienststellen!
Obiger Antrag wird befürwortet von: *Schwaner*
Begründung: *1.2.42*

(Dienststempel u. Unterschrift)
Der Antrag wird durch die Kommandantur Smolensk befürwortet.
Für die Kommandantur:
Der Chef des Kommandostabes
A. B.
1.2.42
Oberkriegsverwaltungsrat.

Прошение смоленской городской управы для отзыва военнопленного на постоянную работу в городе (увольнение из плена). Дополнялось прошением на русском языке с поручительством бургомистра. ГАСО. Ф. Р2573. Оп. 1. Д. 4. Л. 48

вить достаточно точное местоположение объектов «Большого» лагеря и составить их краткое описание.

Данные из разных источников разнятся, и пока есть сомнения, где именно находился барак для политсостава и барак лагерных мастеровых-ремесленников. Также нет никаких сведений о местоположении бараков для гражданского населения.

В ходе работы ЧГК было собрано большое количество свидетельских показаний об ужасающих условиях

содержания военнопленных и гигантской смертности в Дулаге 126, особенно в осень 1941 г. – зимой 1942 г. В этом номере публикуется ряд из них.

Согласно заключению ЧГК¹¹, за время существования Дулага 126 в Смоленске в нем погибло порядка 60 тыс. советских военнопленных (около 45 тыс. – в «Большом» и примерно 15 тыс. – в «Малом»). Это почти вдвое больше, чем все население оккупированного Смоленска.

Дулаг 231

Дулаг 231 появился в Смоленске во второй половине декабря 1941 г. и просуществовал до конца апреля 1942 г. Как ни странно, он передислоцировался в Смоленск не с запада, а с востока, из Вязьмы, видимо, после того, как большая часть военнопленных из вяземского «котла» была вывезена в места постоянного содержания.

Комендантом Дулага 231 в смоленский период был майор Йоханнес Гутшмидт¹². Более известен его предшественник на посту коменданта – майор фон Штитенкрон (von Stietenkron), когда дулаг еще был в Вязьме. Он «отличился» тем, что 20 ноября 1941 г. во время личной инспекции фон Шенкендорфа¹³ получил грубую выволочку за неудовлетворительную организацию работы лагеря, приведшую к гибели 4 тыс. военнопленных. Это дело потом рассматривал военный трибунал, но Штитенкрон отделался легким испугом – его всего лишь понизили в должности.

Дулаг 231 в Смоленске был сравнительно небольшим (от нескольких сот до 2500 чел.), размещался на территории авиазавода №35, но отвечал и за две внешние площадки на маршруте эшелонов в Рейх – пункты горячего питания в Гусино и Рудне.

Первоначальной задачей, поставленной перед Дулагом 231, была помощь Дулагу 126 (в списках действующих на январь-апрель 1942 г. дулагов это особо отмечается). Вероятно, личный состав Дулага 231 помогал обеспечивать функционирование четырех смоленских лагерей военнопленных («Северный», «Южный», «Большой», «Малый»), которые вошли в состав Дулага 126 после убийства Дулага 240 в Ржев.

Подробной информации по этому дулагу пока не обнаружено. По оценкам ЧГК, в могильниках вблизи завода №35 захоронено 2,5 тысячи военнопленных.

Дулаг в Красном Бору

В районе железнодорожной станции Красный Бор находился еще один смоленский дулаг, номер которого установить пока не удалось. Он про-

Дом-холодильник Особого белорусского военного округа, одно из мест содержания военнопленных в Красном Бору

существовал фактически все время оккупации города. Пленные содержались в нем на нескольких площадках – в районе холодильника и складов БВО¹⁴ и возле самого поселка Красный Бор, дачного пригорода Смоленска. Вместимость каждой из площадок – от 300 до 1000 чел., но своего максимума число военнопленных достигло в конце 1941 – начале 1942 г., когда в него пригоняли колонны военнопленных из разбомбленных районов Брянско-Вяземского «котла» для погрузки на железную дорогу. По оценке ЧГК, в могильниках возле лагеря находятся останки около 12,5 тыс.

красноармейцев, не доживших до отправки на запад, в шталаги Рейха.

Рабочие лагеря

Помимо основных лагерей дулагов («Северного», «Южного», «Большого», «Малого» и Краснорборского) на территории Смоленска и ближайших окрестностей находилось несколько так называемых рабочих лагерей. В них содержались военнопленные, постоянно занятые на каком-либо объекте, чтобы ежедневно не конвоировать военнопленных в основной лагерь и обратно. Места таких лагерей,

Военнопленные в районе СмолГЭС. Зима 1941-1942 г.

как и остальные места содержания военнопленных, опознаются по могильникам, в которых хоронили погибших военнопленных. Такие лагеря обычно были небольшими, от нескольких десятков до нескольких сот человек.

Лагерь Смоленской городской электростанции. Согласно документам ЧГК, на территории СмолГЭС¹⁵ проживали 300-350 военнопленных¹⁶. Их использовали для выполнения трудоемких работ: подвозки топлива для станции, прокладки новых водопроводных коллекторов, сооружения дополнительных железнодорожных путей. Физически слабых и больных военнопленных немцы расстреливали на месте, после чего трупы бросали в вагонетку горячего шлака и вывозили на место свалки золы. За 1941-1942 гг. так было уничтожено около 50 человек.

Пасовский лагерь. В совхозе Пасово Корохоткинского с/совета Смоленского района Смоленской области в 1941-1943 гг. был гражданский рабочий лагерь¹⁷. Старостой гражданского лагеря был Галактионов, бывший рабочий совхоза. На территории этого гражданского рабочего лагеря находилось три концентрационных лагеря советских военнопленных: в недостроенной мастерской в сторону деревни Корохоткино, между кладбищем и деревней Щеткино, в телятнике, в центре совхоза, в сарае для хранения сельхозинвентаря. Военнопленных гоняли на работы на аэродром.

Вследствие невыносимых, нечеловеческих условий, издевательств, отсутствия элементарной медицинской помощи, содержания в неотапливаемых помещениях, постоянных избиений и непосильного физического труда в этом лагере гибли сотни бойцов и командиров Красной Армии.

В Пасове зафиксирован ужасающий случай: в конце осени 1941 г. один из лагерей сожгли вместе с военнопленными, а потом заставили местное население таскать в овраг обгоревшие трупы. Вероятно, таким варварским способом немцы пытались бороться с эпидемией тифа в лагере, сжигая не только вшей, но и военнопленных. Согласно заключению ЧГК, в могильниках этого лагеря захоронено порядка 1000 военнопленных.

Военнопленные на работах в районе медгородка Западной железной дороги.
Yad Vashem Photo Collections, № 4577/536

Лагерь железнодорожной больницы. Военнопленные работали на отделке и восстановлении зданий медгородка Западной железной дороги, получивших повреждения в ходе боев в июле 1941 г. Согласно показаниям хирурга-гинеколога Павла Ивановича Кесарева, в годы оккупации являвшегося врачом городской больницы, помимо военнопленных на отделке здания работали еще и евреи-ремесленники, причём часть из них была из Польши. Позже их всех расстреляли.

Согласно материалам ЧГК, в могильниках в районе железнодорожной больницы обнаружено порядка 1500 трупов.

Лагерь в районе деревни Чечино. Находился на территории бывшего имения Илюшино в Дивасовской неполной средней школе¹⁸. Был создан организацией Тодта в сентябре 1941 г.¹⁹ Комендантом лагеря был Файгель, шефом лагеря – Павлуш. Пленных содержали в сараях и конюшнях и только в зимние холода поместили в дома, но невероятно скученно, отчего вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Кормили их жиденькой болтушкой из овсяной муки и картофельными очистками. Хлеба выдавали 200 г. Соли не давали совершенно. Вследствие голода и холода пленные умирали. Также часто были случаи расстрела и избиения пленных. Трупы немцы зарывали в око-

пах. Всего в этом лагере погибло свыше 200 человек.

Вероятно, существовали и другие рабочие лагеря, например, в районе лесопильного и ликеро-водочного заводов. В могильниках у этих заводов, по заключению ЧГК, захоронено около 500 военнопленных. Рабочий лагерь был и в районе хлебозавода.

Госпиталь военнопленных

Еще одним объектом, связанным с содержанием военнопленных, появившимся в первые дни оккупации, стал госпиталь на Киевском шоссе. По совокупности данных есть основания считать, что он начал свою деятельность примерно с 20 июля 1941 г. и функционировал до сентября 1943 г.²⁰ Госпиталь состоял из двух корпусов: хирургический – корпус находился в здании фельдшерской школы, а второй – смешанный, располагался в недостроенном здании акушерско-гинекологической школы. Здания могли вместить не более 1000-1600 чел., но реально в них находилось одновременно до 4500 чел.

Этот госпиталь (иногда его называют «лазарет военнопленных» по аналогии с немецкими документами) является одним из самых малоисследованных элементов структуры содержания военнопленных в Смоленске. Никакой немецкой документации этого госпиталя пока не обнаружено (ис-

Крыльцо фельдшерской школы, в котором находился первый корпус госпиталя (лазарета) военнопленных. Конец июля 1941 г.

ключение составляет список умерших, который, по мнению его исследователей, относится к документации одного из корпусов госпиталя). Вся имеющаяся информация о госпитале основана на показаниях свидетелей, собранных следователями в ходе работы Чрезвычайной государственной комиссии, а также более поздних воспоминаниях жителей оккупированного Смоленска, бывших узников смоленских лагерей военнопленных и врачей, работавших в этом госпитале. Но эта информация фрагментарна и не дает полной и понятной картины создания и работы госпиталя, а также подчинения его немецким структурам и взаимодействия с лагерями военнопленных и немецкими госпиталями.

Госпиталь военнопленных был организован на базе советского госпиталя, созданного в Смоленске в конце июня 1941 г. в здании фельдшерской школы. Этот район города был захвачен немцами 15 июля 1941 г., в первые часы боев за город. При этом в плен попали находившиеся там раненые бойцы и командиры Красной Армии и медперсонал госпиталя. Впоследствии немцы стали отправлять туда раненых пленных. В сентябре-октябре 1941 г. во дворе больницы

были расстреляны и зарыты в общей могиле тяжелораненые командиры, политработники и коммунисты²¹. Ежедневно от истощения, болезней и изнурений в госпитале погибали десятки и сотни раненых. Сначала их хоронили тут же, во дворе. На территории госпиталя захоронено более полутора тысяч советских воинов. Фамилии захороненных неизвестны.

Функционирование этого госпиталя в более поздний период описано в воспоминаниях военврача Мстислава Яковенко, а также в статье о списке военнопленных, вероятно, погибших в этом госпитале.

Некоторые документальные сведения о госпитале военнопленных имеются в отчете коменданта Дулага 240²². Из этого отчета следует, что в октябре 1941 г. в госпитале находилось 3100 раненых бойцов и командиров Красной Армии. Из Дулага 240 туда отправляли только тяжелораненых, легкораненые транспортировались в лагерь постоянного содержания в общем порядке. Уже ко второй половине октября госпиталь был переполнен, и комендант области по делам военнопленных издал приказ о выписке из госпиталя некоторых категорий раненых. Это касалось раненых с ампутированными конечностями и с открытой формой туберкулеза. 500 из них планировалось перевезти в Минск (вероятно, в Шталаг 352). Что делать с остальными, комендант Ду-

лага 240 не знал (что и отметил в отчете). Но требовалось срочное освобождение мест в госпитале в связи с резко возросшим потоком военнопленных, в первую очередь из вяземского «котла». Вероятно, большая часть выписанных из госпиталя военнопленных погибла, так как в нечеловеческих условиях содержания в лагерях в период осени 1941 г. и зимы 1941-1942 гг. шанса выжить не было даже у большинства здоровых военнопленных.

Сколько всего военнопленных прошло через этот госпиталь, сколько из них погибло, до сих пор точно неизвестно. Военврач Мстислав Яковенко, работавший в этом госпитале, оценивает число погибших в 20 тыс. человек. В ходе работы ЧГК в совместном захоронении лагеря «Южный» (сначала Дулаг 240, с ноября 1941 г. по весну 1942 г. Дулаг 126) число погибших оценивается в 30 тыс. человек. Сейчас на месте этого захоронения находится мемориал по пр. Маршала Конева. Имена захороненных там бойцов и командиров Красной Армии пока не установлены, но в настоящее время имеется реальный шанс восстановить данные на свыше 7000 из них (более подробно об этом в статье Александра Шведа, публикуемой в этом номере).

Самые ранние фотографии этого госпиталя датируются первой половиной августа 1941 г. Но ни архивных

Южная окраина г. Смоленска, район Киевского шоссе. На заднем плане четырехэтажное здание акушерско-гинекологической школы (ныне Смоленская областная больница), в котором находился второй корпус лазарета военнопленных. Конец лета 1941 г.

данных, ни воспоминаний очевидцев по этому периоду нет.

Подчиненность госпиталя достоверно не установлена. По аналогии с подобными госпиталями Минска, документация которых хорошо исследована, каких-либо собственных номеров госпиталь не имел. В немногочисленных известных немецких документах он упоминается просто как «лазарет военнопленных в Смоленске», без какой-либо конкретизации. В материалах ЧГК госпиталь называется «госпиталем военнопленных лагеря №126». Но, как уже было сказано выше, ЧГК отнесла к «концентрационному лагерю №126» всю инфраструктуру содержания военнопленных в Смоленске, что не всегда соответствовало действительности.

Из отчета коменданта лагеря Дулаг 240 следует, что госпиталь военнопленных не входил в перечень объектов содержания военнопленных, находившихся под управлением этого дулага, т.е. этот дулаг не обеспечивал ни охрану, ни питание военнопленных в госпитале, только в лагерях «Северный» и «Южный». Тем не менее тяжелораненые из данного дулага доставлялись именно в этот госпиталь. И именно комендант Дулага 240 обеспечен тем, что делать с выписываемыми из госпиталя ранеными военнопленными.

В своем отчете комендант Дулага 240 подробно описывает историю создания объектов лагеря, их структуру, функционирование и т.п. В том числе пишет про лагерные медицинские пункты. О том, что в состав дулага когда-либо входил госпиталь, равно как и о передаче его Дулагу 126 в отчете коменданта нет ни слова.

Если предположить, что госпиталь находился под управлением Дулага 126, то непонятно, какая немецкая структура обеспечивала питание и охрану лагеря до 16 сентября 1941 г., когда в Смоленске появился Дулаг 126. К тому же комендант Дулага 240 в своем отчете пишет «лазарет в Смоленске», а не «лазарет Дулага 126» (на момент составления отчета Дулаг 126 в нашем городе функционировал уже месяц). И во всех других известных на данный момент документах госпиталь фигурирует именно как «лазарет военнопленных в Смоленске».

Вхождение госпиталя в состав какого-либо дулага сомнительно еще и по той причине, что достаточно существенный промежуток времени госпиталь принимал военнопленных как минимум из двух дулагов (Дулага 240 и Дулага 126 в сентябре-октябре 1941 г. и Дулага 126 и Дулага 231 в январе-апреле 1942 г.). Да и сам госпиталь находился далеко от мест содержания военнопленных (кроме лагеря «Южный», который просуществовал только до начала весны 1942 г.).

Можно предположить, что госпиталь был неким самостоятельным элементом структуры содержания военнопленных в Смоленске, в который поступали раненые из армейских сборных пунктов военнопленных и дулагов. Такой же позиции придерживается Павел Полян, автор ряда книг и публикаций о лагерях военнопленных²³. Функционирование госпиталя, вероятно, обеспечивалось непосредственно городской комендатурой (по крайней мере, по состоянию на 1941 г.).

Иногда госпиталь военнопленных относят к немецкому госпиталю 551. Вряд ли это правомерно, более вероятно, что госпиталь 551 просто использовал раненых в качестве доноров (что следует из материалов ЧГК). Но как это формально оформлялось, пока неизвестно.

Согласно всем воспоминаниям, условия содержания военнопленных в госпитале были ужасные, он был все время переполнен (это следует как из материалов ЧГК, так и из отчета коменданта Дулага 240), поэтому смертность в лазарете была очень высока.

Согласно материалам, собранным ЧГК, режим, созданный оккупационными властями в этом заведении, скорее способствовал истреблению, чем лечению. Рацион – баланда и 200 г хлеба с опилками. Здание не отапливалось, во многих окнах не было стекол; больные и раненые лежали прямо на полу. Не узники, а скелеты, обтянутые кожей. С декабря 1941 по август 1942 г. в госпитале царил эпидемия тифа. Советские военнопленные врачи всячески старались помочь больным и раненым, но малый рацион, антисанитарные условия, холод и почти полное отсутствие ле-

карств приводили к высокой смертности.

Немецким главврачом госпиталя был штабартц Хорс, часто во время обходов требовавший снимать повязки с ран – в надежде разоблачить укрывательство здоровых среди больных. Русским же главврачом был военврач А.Г. Сергеев, в прошлом главврач госпиталя для советских военнопленных в Минске.

Просуществовал госпиталь до самого конца оккупации, как и Дулаг 126. По крайней мере, когда военврач Яковенко бежал оттуда 27 июля 1943 г., госпиталь был еще действующим, и признаков близкой эвакуации не было заметно.

Считается, что в госпитале умерло 20-25 тыс. военнопленных. Сначала их захоранивали рядом с госпиталем (сейчас это мемориал на территории областной больницы). Позже (ориентировочно с ноября-декабря 1941 г.) умерших начали хоронить рядом с Братским кладбищем (сейчас это мемориал по пр. Маршала Конева²⁴).

Марши смерти

Военнопленные гибли не только в лагерях. Огромное количество военнопленных умерло или было убито на маршах из сборных пунктов в дулаги либо по пути из дулагов в места постоянного содержания. Все это проходило на глазах у местного населения, поэтому осталось большое количество свидетелей. Особенно ужасные события происходили в октябре-декабре 1941 г., когда в Смоленск потянулись пешие колонны военнопленных из вяземского «котла». Обессиленные переходом в несколько сот километров военнопленные отставали от колонн или вообще не могли двигаться дальше. Конвоиры их пристреливали. Это не было единичным случаем. Один из таких маршей – из «Северного» лагеря Дулага 240 – состоялся в ночь с 19 на 20 октября: наутро по маршруту следования было подобрано 125 трупов без каких бы то ни было признаков побега или иного сопротивления.

В материалах ЧГК описан массовый расстрел в эту же ночь и в течение дня 20 октября 1941 г. военнопленных в районе ул. Большая Совет-

ская, Рославльского и Киевского шоссе. По свидетельству очевидцев, выстрелы звучали всю ночь. По заключению ЧГК, тогда были убиты не менее 5000 бойцов и командиров Красной Армии.

Вот как описаны события «маршей смерти» в Смоленске в более позднем послевоенном источнике²⁵: «12 ноября 1941 года смоляне были свидетелями дикой расправы фашистских садистов над колонной беззащитных военнопленных. По Рославльскому шоссе через город медленно двигалась большая колонна военнопленных. Изможденные, голодные пленные красноармейцы едва передвигали ноги. Некоторые падали прямо в дорожную грязь и тихо стонали. Конвоиры тотчас же приканчивали их выстрелами в затылок или висок. Совершались эти убийства на глазах жителей, толпившихся в смятении у обочины шоссе.

При входе в город произошла смена конвоиров. Вечерело. Моросил дождь, дул пронизывающий ветер. Пьяные конвоиры решили подтянуть растянувшуюся колонну пленных. Прикладов, пинков и ударов палок фашистам показалось мало. Тогда в ход пошло оружие. Автоматные очереди и pistolетные выстрелы огласили улицы древнего Смоленска. Колонна в ужасе бросилась враспылку. Военнопленные начали прятаться по дворам, в ямах, в развалинах сгоревших зданий. В городе начались облавы и повальные обыски. Немцы расстреливали на месте каждого русского, на ком была военная гимнастерка. Трупы убитых свозились и сбрасывались в ямы у крепостной стены в Пионерском (б. Сосновском) саду и во дворе бывшего дома Красной Армии (ныне советско-партийная школа).

Через несколько дней произошел другой случай. В колонну военнопленных, пересекавшую площадь Смирнова в направлении улицы Большая Советская, врезалась легковая автомашина с пьяными офицерами, выскочившая на площадь со стороны „Деткино“. Мотор заглох, передние колеса вздыбились над кучей окровавленных тел. Военнопленные, потеряв выдержку, набросились на автомашину и задушили офицеров. Конвоиры подняли стрельбу. Началась

Колонна военнопленных на ул. Б. Советская. Начало осени 1941 г.

Военнопленные на ул. 1-я Краснинская (ныне ул. Николаева), на пути к «Большому» лагерю Дулага 126. Конец октября 1941 г.

очередная расправа над беззащитными людьми. Улицы города вновь обогривались кровью невинных жертв».

В октябре 1943 г. во дворе Дома Красной Армии, в овраге за этим домом и в Пионерском саду ЧГК были обнаружены захоронения, в которых суммарно находилось примерно 2000 трупов военнопленных.

Высокая смертность была и при транспортировке военнопленных в лагерь постоянного содержания. В октябре-ноябре 1941 г. военнопленных везли в открытых вагонах. Морозы ударили очень рано. Многие из военнопленных замерзали насмерть. В каждом из таких эшелонов гибли десятки и сотни военнопленных.

Согласно заключению ЧГК, количественная характеристика трупов в раскрытых ямах-могильниках и изучение участков территории массовых погребений делает возможным вывод, что в обследованных пунктах гор. Смоленска и его окрестностей количество трупов советских граждан, умерщвленных и погибших в период временной оккупации немцами, превышает 135 тыс. человек.

Примечания

1. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941-1944 – Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941-1944: справочник / авт.-сост. В.И. Адамушко [и

др.]; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. Мн.: НАРБ, 2004. – 192 с.

2. ВА/МА. РН. 49/78.

3. Там же.

4. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 112-119.

5. Примерно в этот же период (осенью 1941 г.) немцы сжигают рабочий лагерь в д. Пасово (недалеко от лагеря «Северный») вместе с находившимися там военнопленными. Но потом лагерь в этом населенном пункте восстанавливают. Вероятно, таким варварским способом велась борьба с эпидемией тифа – сжигались завшивленные помещения вместе с их обитателями (ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 221-223).

6. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / сост. и подг. текста П.М. Полян. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

7. ВА/МА. РН. 49/9. Вл. 71.

8. ВА/МА. РН. 49/78.

9. А.И. Валобуев рассказал о публичной казни четырех таких трупоедов в ноябре 1941 г. (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1090. Л. 48).

10. ВА/МА. РН. 19 II/121. Вл. 57-67.

11. ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Справка о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере №126. Л. 104-116.

12. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / сост. и подг. текста П.М. Полян. М.; СПб.: Нестор-История, 2019

13. Максимилиан фон Шенкендорф, немецкий генерал, командовал частями обеспечения и тылом группы армий «Центр».

14. БВО – Белорусский военный округ (со 2 октября 1926 г.), позже БОВО – Белорусский особый военный округ (с 26 июля 1938 г.). С 1931 по 1939 г. года в Смоленске находился его штаб, и за это время была выстроена соответствующая инфраструктура обеспечения работы округа, в том числе склады и дом-холодильник в районе Красного Бора. На картах эти склады не обозначены (стратегический объект), но на аэрофотосъемке 1941 г. они хорошо видны, к ним ведет специальная железнодорожная ветка.

15. Смоленская городская электростанция, позже ТЭЦ-1.

16. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 120-122.

17. ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 221-229.

18. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 112-119.

19. Организация Тодта (ОТ) – военно-строительная организация, действовавшая во времена нацистской Германии. До ноября 1942 г. части организации Тодта обладали статусом вспомогательных подразделений вермахта, в ноябре 1942 г. немецкий личный состав был полностью приравнен по статусу к военнослужащим вермахта, весной 1944 г. тот же статус получил остальной личный состав (лица, не являвшиеся немцами).

Двор Дома Красной Армии. Июль 1941 г. Место массового захоронения советских военнопленных, расстрелянных октябре 1941 г. во время бунта и побега из колонны, двигавшейся по ул. Большая Советская

Военнопленные в открытых вагонах следуют через Смоленск к местам постоянного содержания. Ноябрь 1941 г. Состав находится на выезде из города. Фотография с обложки журнала «Вермахт», выпуск 23-5, ноябрь 1941 г.

20. ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 118-221.

21. Учетная карточка воинского захоронения №16-18: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89379702&static_hash=ee8bcbe226df02e6f6b6a84206031e9dv6

22. ВА/МА. РН. 49/78.

23. Павел Маркович Полян – советский и российский географ-демограф, публицист, писатель, доктор географических наук, профессор факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики. Автор ряда книг, в том числе: Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Советские военнопленные и оstarбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация. М.: ВАШ ВЫБОР ЦИРЗ, 1996. – 442 с.; Полян П.М. Между Аушвицем и Ба-

бим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М.: РОССПЭН, 2010. – 583 с.; Чиров Д.Т. Среди без вести пропавших: воспоминания советского военнопленного о Шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф, 1941-1945 гг. Составление и комментарии П.М. Поляна. М.: РОССПЭН, 2010; Полян П.М. Жизнь и смерть в аушвицком аду. М.: АСТ, 2018. – 640 с.

24. Учетная карточка воинского захоронения № 16-19: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89379705&static_hash=99c37823a34445fcd401aaf9ea861145v7

25. Смоленск социалистический. Очерки. Под ред. Г.Т. Рябкова. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1958. – 296 с.

ИЗ НЕБЫТИЯ

Сергей АМЕЛИН,
г. Смоленск;
Александр ШВЕД,
г. Минск

По сведениям, собранным Чрезвычайной государственной комиссией (ЧГК), в смоленском госпитале (лазарете)¹ военнопленных в 1941-1943 гг. от ран, болезней и тяжелейших условий содержания погибло около 20 тыс. бойцов и командиров Красной Армии². Захоронения осуществлялись в двух местах: рядом с лазаретом (около 1500 военнопленных, сейчас там мемориал³ на территории областной больницы) и рядом с Братским кладбищем, в совместном захоронении с лагерем военнопленных «Южный», находившемся в подвалах общежития медицинского института по Рославльскому шоссе (всего порядка 30 тыс. военнопленных, сейчас на этом месте мемориал по проезду Маршала Конева⁴). На данный момент все захороненные там военнопленные являются безымянными. Хотя дулаги и лазарет обязаны были пересылать (и наверняка пересылали) сведения об умерших военнопленных в Справочную службу вермахта о военных потерях и военнопленных (WASt), документы умерших в Смоленске до сих пор не обнаружены. Соответственно, все захороненные в городе и его окрестностях военнопленные (свыше 100 тыс.) до сих пор считаются пропавшими без вести. Родственники так и не знают, где упокоился прах их предков.

Долгое время пофамильному восстановлению списков погибших и внесению их в паспорт воинских захоронений практически не уделялось внимания, хотя еще осенью 1943 г. в ходе работы ЧГК при вскрытии захоронений были найдены 16 документов, удостоверяющих личность погибших (три паспорта, одна красноармейская книжка и 12 воинских медальонов)⁵. Но в местах захоронений на территории Смоленска отсутствуют сведения даже об этих идентифицированных личностях. Вероятно, это связано с предвзятым отноше-

Мемориал военнопленным, погибшим в лазарете и лагере «Южный»

нием к военнопленным, возникшим в результате пропаганды времен войны. Сдавшиеся в плен считались изменниками Родины. А выяснить, попал ли ты в плен вследствие непреодолимых обстоятельств или сдался добровольно, было часто очень трудно. Оставшиеся в живых бывшие военнопленные проходили через фильтрационные лагеря, но даже если выяснялось, что они себя ничем не запятнали, клеймо «был в плену» оставалось у них на всю оставшуюся жизнь. И уж точно погибших в плену не считали героями. Мемориалы на месте их гибели начали появляться далеко не сразу, только с 1960-х гг. И лишь в 1993 г. был издан Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г., который гласит: «Статья 1. Увековечению подлежит память погибших, умерших в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине».

Лазаретные журналы как источник информации о военнопленных

Последние десятилетия уделяется достаточно много внимания поиску останков без вести пропавших бойцов и командиров Красной Армии на местах боев и их захоронению на воинских кладбищах, восстановлению имен погибших воинов. Активно работают поисковые отряды, регулярно проходят Вахты Памяти. С мертвой точки сдвинулось и восстановление имен погибших военнопленных, в том числе и в Смоленской области.

В 2011 г. исследователь Владимир Кравченко во время работы с архивными документами обнаружил лазаретные журналы Дулага 130, находившегося в городе Рославле. Вот что он тогда писал: «Уважаемые друзья, во время работы в трофейном фонде РГВА я случайно нашел документы из фонда 1509, опись 1, дела 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, представляющие собой журналы учета больных и ра-

ненных медицинского лазарета лагеря советских военнопленных в городе Рославль. Первые записи датированы августом 1941 г., последние заканчиваются в 1943 г. Работать с этими документами очень трудно. Понимаешь, что наши солдаты и командиры, будучи ранеными, зачастую тяжело, находились в лагере без лекарств, без нормального питания и лечения. Наши врачи и медицинские сестры, тоже из числа пленных, делали то немногое, что было в их силах. Поверьте, читать очень сложно, тяжелая аура...

Журналы содержат сведения о наших солдатах и командирах, а именно: фамилия имя и отчество, место рождения или домашний адрес, дата рождения, дата поступления в лазарет, характер ранения, если поступивший в лазарет умер, то дата смерти, если выжил, то дата выписки из лазарета.

Общее количество учетных записей приблизительно 4500. Четыре с половиной тысячи судеб людей! Пробыл шестерых, случайно выбранных из списков, по базе данных obd.memoial – все пропавшие без вести! Откровенно говоря, берет оторопь».

С тех пор началась работа по составлению списка погибших в этом лазарете и, соответственно, захороненных в Рославле. Владимир Кравченко выложил списки в сети интернет, насколько можно понять, ни в официальные базы, ни в паспорта захо-

ронений Дулага 130 они пока не внесены.

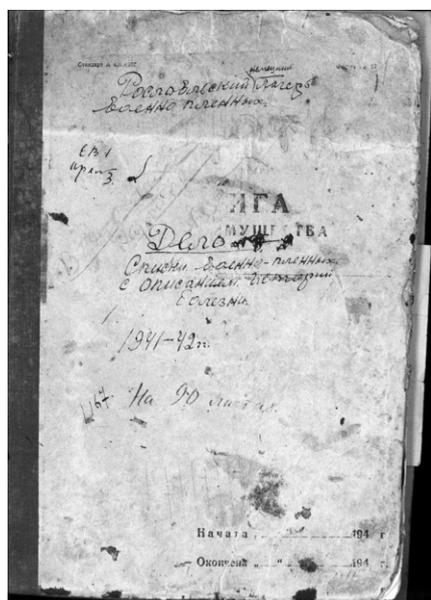
Обнаружены также списки военнопленных и мирных граждан, погибших в лазарете №1 Дулага 184 в Вязьме. В 2017 г. была издана книга «Ад-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «дулагов», вспоминают»⁶, в которой помимо прочего опубликован список погибших в лазаретах этого лагеря.

В предисловии книги говорится: «...Поисковиками России и других стран СНГ была проделана беспрецедентная работа по уточнению имен и судеб советских военнопленных и мирного населения, упомянутых в похоронных списках лазаретов №1, 2 и 3 „Дулага-184“ за семь неполных месяцев 1942 г. Общими усилиями найдено более 500 семей погибших из более 50 регионов России (от Хабаровского края до ее западных границ), других стран СНГ, а также проживающих в Литве, США, Канаде и Израиле, ничего не знавших о трагических судьбах своих родных, местах их гибели и захоронения; собраны семейные воспоминания и фотографии.

В ходе работы поисковиками были установлены имена более 40 военврачей и медработников вяземских лагерей, найдены семьи некоторых из них.

...У центрального мемориала по ул. Репина планируем установить плиты с известными именами 4037 человек, погибших в „Дулаге-184“ – военнопленных и гражданских лиц (в том числе стариков, женщин, детей). Для получения этих данных из общих списков были исключены повторяющиеся имена (объединены в одну персоналию), имена узников, погибших не в Вязьме, а позже, в других местах (в плену или в бою), и выживших узников, вернувшихся домой после войны. Из списков выделены в отдельную группу упоминания о людях, числившихся как „Неизвестные“, поступивших в лазареты в бессознательном состоянии, в агонии, без документов (их укажем на мемориальных плитах общим числом в 1239 человек). По имеющимся в списках сведениям, всего погибло: в лазарете №1 – 2372 человека, в лазарете №2 – 1282 человека, в лазарете №3 – 383 человека. Эту огромную итоговую работу провела поисковик из Липецка Ольга Ивановна Смольянинова».

На данный момент списки погибших в лагерях и лазарете военнопленных, которые можно было бы однозначно идентифицировать как относящиеся к г. Смоленску, в архивах пока не обнаружены. Но есть шанс

Журнал учета военнопленных в лазарете Дулаг 130 (Рославль)

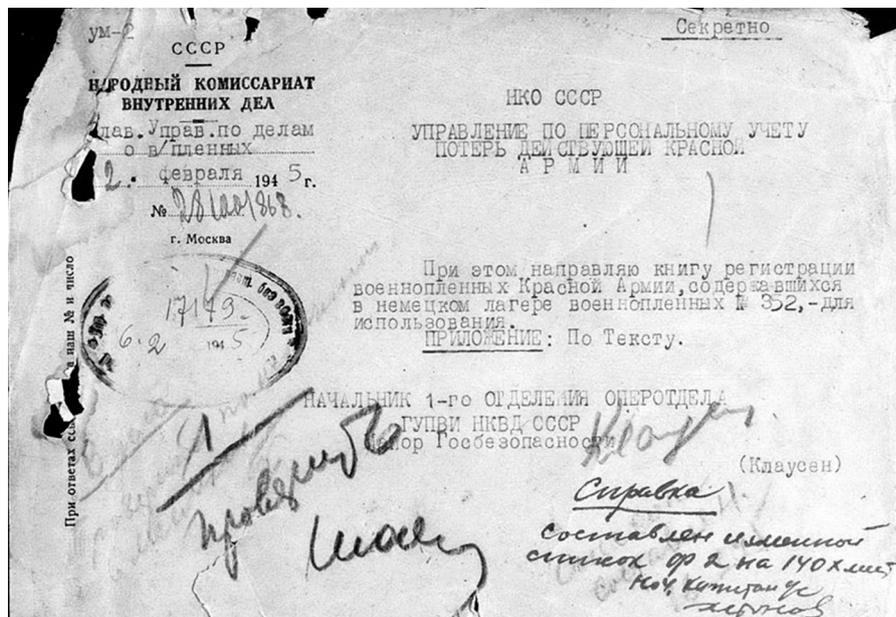
Мемориал советским военнопленным, погибшим в фашистском пересельном лагере Дулага 184 в 1941-1943 гг. в Вязьме. Создан по проекту народного художника России С. Щербакова. Открыт в 2014 г. Композицию обрамляют снимки людей, сделанные с подлинных фотографий погибших, переданных скульптору родственниками и поисковиками. Фамилии идентифицированы по спискам трех лазаретов Дулага 184, располагавшихся на примыкающих к лагерю территориях

восстановить свыше 7000 имен. Дело в том, что после освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков при неизвестных обстоятельствах был найден список погибших в некоем лазарете военнопленных (далее – Список). Первоначально его отнесли к лагерю военнопленных, на территории которого его нашли, – минскому Шталагу 352. И это выглядело вполне логично. Но впоследствии оказалось, что это не так.

Единственное указание на принадлежность данного документа к определенному лагерю имеется в донесении №17179 от 6 февраля 1945 г. в Управление по персональному учету потерь действующей Красной Армии⁷. В сопроводительном листе к этому донесению начальник 1-го отделения оперативного отдела ГУПВИ НКВД СССР майор госбезопасности Клаусен указал: «При этом направляю книгу регистрации военнопленных Красной Армии, содержащихся в немецком лагере №352, для использования».

При создании электронной базы данных ОБД «Мемориал» информация из сопроводительной записки майора госбезопасности Клаусена (а именно, фраза «содержащихся в немецком лагере №352» и фраза из именного списка ф. 2 от капитана а/с Харитонова – «Находился в лагере в/п 352. Дальнейшая судьба неизвестна»⁸) попала в информацию о военнопленном в ОБД «Мемориал» и была впоследствии растиражирована в разных источниках (в «Книгах Памяти» и др.).

Сомнения о принадлежности Списка к Шталагу 352 начали возникать еще лет 10 назад, после того как комплекс документов о военнопленных появился в открытом доступе в интернете на сайте МО РФ ОБД «Мемориал» и группа поисковиков на форуме «Авиация СГВ»⁹ начала его изучение. Первоначальные сомнения подтвердились. В 2021 г. кандидат исторических наук Елена Николаевна Мох и врач Александр Анатольевич Швед из Республики Беларусь, занимающиеся историей лазарета военнопленных Шталаг 352, однозначно доказали, что Список к этому лагерю никакого отношения не имеет¹⁰. На основе сохранившейся медицинской документации этого лагеря им удалось восстановить почти полный спи-

Сопроводительная записка к Списку, отправленному в Управление по персональному учету потерь действующей Красной Армии

сок военнопленных, прошедших через этот лазарет и умерших в нем за все время его существования. И оказалось, что ни одна из 7303 фамилий, перечисленных в Списке, в документации лазарета шталага никогда не упоминается, т.е. это гарантированно подтверждало, что Список не минский и нужно искать лазарет, в котором он мог быть составлен. Первый кандидат по целому комплексу косвенных признаков – Смоленск. Однако, поскольку признаки косвенные, для подтверждения или опровержения принадлежности Списка к Смоленску нужно было провести комплексное исследование. Что и было сделано. С декабря 2021 г. началась активная работа группы энтузиастов по анализу Списка и восстановлению перечисленных в нем имен солдат и командиров Красной Армии, а также сравнению его данных с имеющимися в открытом доступе базами проектов «Память народа» и обобщенного банка данных «Мемориал». Координатором проекта был Александр Швед. Результаты этого исследования и легли в основу материалов данной статьи.

Проблемы атрибуции списков погибших в лазаретах

Ошибочное причисление Списка к лазарету Шталага 352 вызвано тем,

что его принадлежность к конкретному городу или лагерю военнопленных в явном виде не указана, поэтому для определения принадлежности Списка нужны специальные исследования. И это не единичная проблема, ситуация типичная. Часто лазаретные документы причисляли к лагерям, на территории которых они были найдены, причем без какой-либо проверки (как в нашем случае). Или же их находили вместе с документацией какого-либо лагеря и причисляли ее к этому лагерю. Такой подход давал много ошибок. В конце войны при эвакуации лагерных документов на восток часть из них могла теряться, часть оказаться вместе с документацией других лагерей. Поэтому в архивах лазаретные списки очень часто неверно атрибутированы. На сайте Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) исправлению ошибок определения принадлежности лазаретных списков посвящена большая статья – «Нет пропавших без вести»¹¹.

В материалах статьи, в частности, говорится, что в ходе изучения комплекса документов концлагеря Майданек внимание сотрудников архива привлек документ, значащийся в описи как «Книга регистрации больных г. Люблин 1943-1944 гг.», (далее: «Книга...»). Ранее архивистам неоднократно приходилось обращаться к ней при

работе с запросами граждан. Именно тогда и появились первые сомнения об ее принадлежности к комплексу документов данного лагеря.

Для проверки принадлежности данного документа к комплексу лагеря Майданек сотрудниками ГАРФ был проведен сравнительный перекрестный анализ ее информации и размещенных в ОБД «Мемориал» данных из документов ЦАМО РФ и РГВА, которые содержат сведения об упомянутых в названной книге военнопленных. Документально подтвердилось, что эта книга является фрагментом некогда единого комплекса документов Шталага 352.

Почему данный документ получил название «Книга регистрации больных г. Люблин 1943-1944 гг.» и соответственно был включен в опись с материалами ЧГК по лагерю Майданек? Была ли это просто техническая ошибка сотрудника архива комиссии или документ был вывезен с территории СССР и неизвестными путями оказался где-то рядом с фрагментом лазаретной книги учета смертности в Майданеке¹²? В настоящее время правомерны обе версии.

Предварительный поиск информации в ОБД «Мемориал» о военнослужащих, которые значатся в «Книге...», показал, что этот документ является пока единственным, но очень важным свидетельством пленения и пребывания в лагере многих из них, особенно рядовых солдат. Он чрезвычайно важен для потомков военнопленных, обращающихся в архивы, в том числе в ГАРФ, и не теряющих надежды на получение новой информации о близких, не вернувшихся с войны.

Кроме того, в статье говорится еще о нескольких списках военнопленных, которые удалось верно атрибутировать только в результате комплексных исследований.

Аналогично дела обстоят и со списком погибших в лазарете, найденным на территории Белоруссии. Для тысяч без вести пропавших этот документ является единственным, указывающим на их судьбу и место захоронения. На данный момент место захоронения определено неверно. В 1945 г. найденный Список был направлен в Управление по персональному учету потерь действующей Красной

Армии. Местом гибели свыше 7000 военнопленных из этого списка был указан Шталаг №352, а место захоронения вообще не было указано. Впоследствии запись «находился в Шталаге №352» начали трактовать как «умер в лазарете и захоронен в Шталаге №352» и приписывать ее к лагерному захоронению Лесного лагеря Шталага №352 около Масюковщины. Однако это не соответствует действительности.

Приведенный выше пример ГАРФ показывает, что неверно атрибутированная документация лазарета – не редкость. И для выяснения истины архивисты пользуются примерно теми же средствами, что и группа энтузиастов по исследованию Списка – комплексным анализом и сличением с другими имеющимися документами.

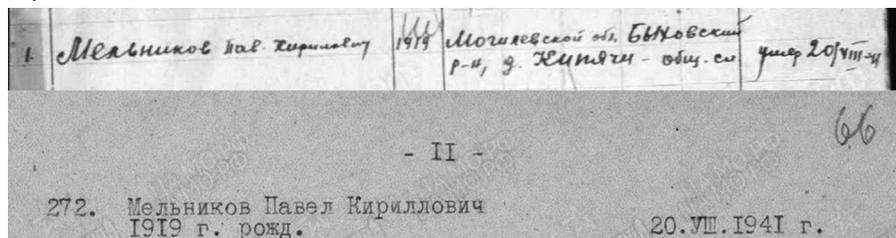
И еще один пример¹³. При освобождении Белостока 27 июля 1944 г. в лагере военнопленных Шталага №316 был обнаружен комплекс лагерных документов, среди которых находились и различные лазаретные документы. 19 августа 1944 г. в Управление по персональному учету потерь действующей армии из Управления тыла 3-й танковой армии поступило донесение №75103, к которому прилагались персональные карты, списки, анкеты военнопленных, истории болезней и др. документы, найденные в лагере военнопленных в Белостоке¹⁴. Среди документов оказалась и книга, подписанная следующим образом: «Данная книжка найдена в лагере русских военнопленных в г. Белостоке». В этой книге были зафиксированы социально-демографические данные советских военнопленных, умерших в июле-декабре 1941 г. в неизвестном лагере. Про места их захоронений в документе также не было никаких сведений. Авторы, сравнивая два документа – «Список военнопленных, погибших в лагере-лазарете 352, составленный на основе

надписей, сохранившихся на могильных крестах лагерного кладбища»¹⁵, и «Данная книжка найдена в лагере русских военнопленных в г. Белостоке»¹⁶, отметили, что по военнопленному Павлу Кирилловичу Мельникову, 1919 г. р., умершему 20 августа 1941 г., имеется совпадение по семи признакам (фамилия, имя, отчество, год рождения, год смерти, месяц, дата).

По этим двум документам наблюдается совпадение более чем у 400 военнопленных. Авторы установили, что данный список военнопленных, зафиксированный в документе «Данная книжка найдена в лагере русских военнопленных в г. Белостоке», относится к Шталагу 352, а, следовательно, книга, найденная в Белостоке, является журналом регистрации умерших в лазарете Шталага 352 в Масюковщине за август-ноябрь 1941 г.

На основании данного исследования по заявлению А.А. Шведа в Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны Республики Беларусь в список захороненных паспорта воинского захоронения №1154 г. Минска были внесены сведения о 868 военнопленных. А Корпорация «Элар» на основании решения Управления по увековечению изменила записи в ОБД «Мемориал» с «погиб в Шталаге 316» на «погиб в Шталаге 352». Послевоенная ошибка была исправлена. Родственники воинов узнали реальное место захоронения, куда они могут поехать, чтобы поклониться праху своих героических предков. В Минск...

Аналогичная ошибка возникла и с анализируемым в этой статье Списком, обнаруженным в Минске и причисленным к Шталагу 352. И эту ошибку надо аналогичным образом исправлять, чтобы родственники 7300 погибших могли почтить их память на месте их реального захоронения, т.е. в Смоленске.

Фрагменты из документов о военнопленном П.К. Мельникове

**Общие сведения
о списке погибших
в неустановленном лагере**

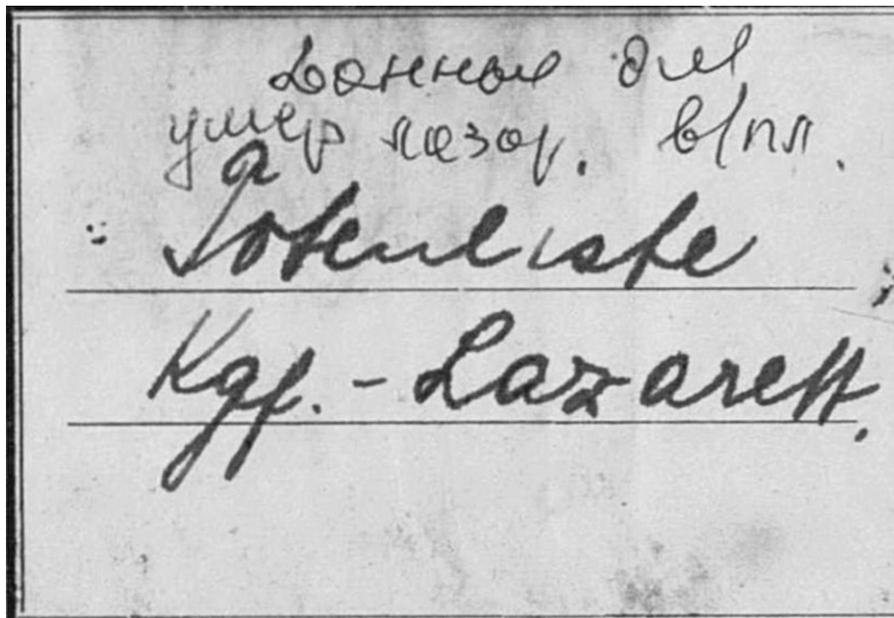
Официальное название Списка, найденного на территории Белоруссии, – «Totenliste Kgf.-Lazarett» («Список умерших лазарета военнопленных»).

Этот Список состоит из двух частей. Первая часть представляет собой 732 записи хирургического отделения 2-го корпуса лазарета¹⁷. Вторая часть – 7028 записей терапевтического, инфекционного, сыпнотифозного отделений.

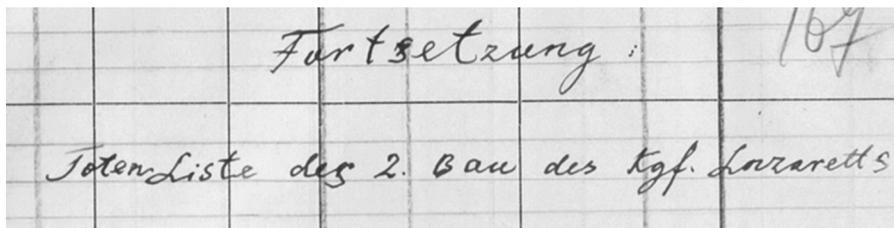
Написали Список четыре писаря (четыре разных почерка), вероятно, регистраторы этих четырех отделений. Список был написан одновременно¹⁸ в марте-апреле 1943 г. Первая часть написана не ранее 10 марта 1943 г., вторая часть – немного позднее, ориентировочно в начале апреля 1943 г., что видно по самым поздним датам смерти в каждой из частей Списка.

То, что Список написан одновременно и именно в 1943 г.²⁰, можно понять по чередованию дат смерти при последовательном заполнении каждой страницы, когда после 1942 г. идет 1941 г., после 1943 г. – 1942 г. и т.д. Такое заполнение страницы было возможно только на основе первичных документов (о смерти и о захоронении), написанных в хронологическом порядке в 1941-1943 гг., и которые, видимо, хранились в ящиках архива лазарета в алфавитном порядке. В марте 1943 г. писарь из хирургического отделения создал свою 1-ю часть Списка из 732 фамилий и передал его в другие отделения для продолжения работы. Примерно 7 апреля 1943 г. Список был полностью завершен, сложен из отдельных сдвоенных типографских листов в одну книгу и шит. Обе части последовательно были пронумерованы. Всего в Списке 7860 фамилий.

Почему Список содержит даты умерших только по апрель 1943 г., достоверно выяснить не удалось. Вероятнее всего, написание Списка было связано с наступлением Красной Армии и освобождением Ржева (3 марта 1943 г.), в результате чего возникла угроза приближения линии

Заголовок на обложке немецкого Списка.
Надпись на русском языке добавлена позже

«Fortsetzung: Totenliste des 2 Bau der Kgf.-Lazarett's»
«Продолжение¹⁹: Список умерших во 2-м корпусе лазарета военнопленных»
Заголовок говорит о том, что и первая часть Списка из 722 человек также относится ко 2-му корпусу

фронта к Смоленску. Поэтому появилась необходимость готовиться к возможной эвакуации Дулага 126 с уничтожением части документации лазарета, перевозить которую было нецелесообразно. Есть версия, что после получения приказа уничтожить акты умерших военнопленных и акты о захоронениях советские патриоты сделали с этой документацией конспект в виде Списка, который позднее и попал из Дулага 126 в Шталаг 352 в руки майора НКВД Клаусена. Подробностей обнаружения Списка в архивах, в том числе и в архиве ФСБ, установить не удалось.

Список написан на немецком языке. Вероятно, что и язык первичных документов, на основе которых он составлялся, тоже был немецким.

Список составлен по алфавиту, но алфавит каждой части отличается. Первая часть написана на немецком, но в порядке букв русского алфави-

та. Вторая часть написана в порядке немецкого алфавита.

Нумерация сквозная для двух частей, т.е. применяется для всего Списка. 1-я часть – 732 записи, 2-я часть – идет продолжение с 733 до 6000 записи²¹, далее нумерация отсутствует.

Для написания списка были взяты стандартные типографские сдвоенные листы с графами на немецком языке. Такие листы использовались лагерями (лазаретами) для отчетов в WAST²².

Диагнозы²³, указанные в списке погибших: 1-я часть – хирургия: Wervundete (ранение), Meningitis (менингит), Peritonitis (перитонит), Sepsis (сепсис); 2-я часть – терапия: Herzschwäche (сердечная слабость), Erschöpfung (истощение), Oedema (головой отек), Avitaminose (авитаминоз); инфекционное отделение: Durchfall (понос), Lungentuberkulose (легочной туберкулез); сыпнотифозное отделение: Flecktyphus (сыпной тиф).

Особо стоит отметить, что Список нестандартный, он не похож ни на один регистрационный журнал лазаретов дулагов или шталагов, несмотря на то, что он написан на типографски отпечатанных листах с 15-ю стандартными графами.

Ошибки и дубли в Списке

Следует отметить, что в этом Списке есть ошибки, и их достаточно много. Это связано с тем, что данные в Списке переписаны с первичных документов (о смерти и о захоронениях), которые, в свою очередь, были написаны на основе регистрационных записей лазарета, сделанных со слов военнопленного. Так как первичным источником информации служили пояснения военнопленного, а не его документы, при этом запись осуществлял регистратор (писарь) на слух, то ошибки были неизбежны. Особенно часто они встречаются при написании сложных фамилий воинов из регионов РСФСР (Татарская АССР, Удмуртская АССР и др.) и союзных республик (Кавказа, Средней Азии), а также при написании названий населенных пунктов. Поэтому при идентификации воинов приходится учитывать эти ошибки и перебирать разные варианты написания ФИО и населенных пунктов. Нужно учитывать и транскрипцию с русского языка на немецкий, а впоследствии при обработке Списка обратную транскрипцию с немецкого на русский язык, которые увеличивают количество ошибок многократно.

Помимо ошибок в Списке достаточно много дублей, когда один и тот же человек записан дважды. Это связано с тем, что на каждого умершего заполнялось два документа: о смерти (в день смерти) и о захоронении (в день захоронения). Если человек умер и был захоронен в один день, то, следовательно, дата в двух оформленных на него документах (о смерти и о захоронении) была одна. И эта дата попала в Список дважды. Но в Списке имеется большинство дублей с разницей даты смерти в один день, т.е. 01.01.1942 г. умер, а 02.01.1942 похоронили. И документ о смерти заполнен на день ранее, чем документ о захоронении. Очевидно, что при составлении Списка дату захоронения тоже

вносили в графу «дата смерти», поэтому и имеем две разные даты смерти.

Иногда разница составляет несколько дней, что для зимы 1941-1942 гг. неудивительно. Смертность высокая, похоронная команда не успевала хоронить, но при этом мороз, как естественный холодильник, позволял отложить захоронение на несколько дней.

К отдельной категории ошибок относятся записи о выживших в лазарете, хотя они отмечены в Списке умершими. Практика известная. Военнопленные советские врачи (фельдшера), ответственные за оформление актов о смерти, записывали военнопленного умершим, и при содействии похоронной команды он среди мертвых попадал на кладбище, откуда и совершал побег. Например, Сесюлин Федор Андреевич, 1911 г.р., Чувашская АССР, согласно Списку, умер 25 апреля 1942 г.²⁴ Однако в донесении №64224 Управления тыла 31-й армии от 6 сентября 1944 г. говорится, что Сисюлин Федор Андреевич, 1911 г.р., Чувашская АССР, находился на оккупированной территории противника и был вновь призван в армию Ворошиловским РВК Белорусской ССР, г. Минска²⁵. Такая ситуация была не редкой. Вероятно, и Сисюлин (правильное написание фамилии) совершил побег с помощью врача и находился на территории, занятой немцами, возможно, в партизанском отряде. После освобождения Смоленской области (или Белоруссии) вступил в Красную Армию повторно.

Устранением ошибок и дублей этого Списка команда энтузиастов занималась с декабря 2021 по август 2022 г. Проверено 7860 записей. В настоящее время создан итоговый список, в который вошли 7303 фамилии.

Анализ дат смерти, указанных в Списке

Первое, что было сделано для подтверждения гипотезы о составлении Списка именно в Смоленске, это анализ дат смерти. Очевидно, что лазарет военнопленных мог находиться в Смоленске только в период оккупации. Южная часть города, в которой находился лазарет военнопленных на

Киевском шоссе, была оккупирована в период с 15 июля 1941 г. по 25 сентября 1943 г., поэтому даты смерти в Списке должны соответствовать этому периоду.

Самая ранняя дата, которая теоретически могла быть связана с функционированием лазарета и не была бы ошибочной, это 22 июня 1941 г., день начала войны Германии против СССР. Имеется в виду функционирование где бы то ни было на оккупированной территории, а не конкретно в Смоленске. Однако в Списке фигурируют и более ранние даты, начиная с января 1941 г. Эти даты являются явными ошибками переписчика (их причины уже были указаны выше).

К периоду до 22 июня 1941 г. относится 27 таких явно ошибочных записей. После проверки обнаружено, что 12 из них идут подряд на одном листе, т.е. единым блоком. Всего в книге четыре таких явно ошибочных блока записей. Возможную причину возникновения таких ошибок можно проиллюстрировать на примере Александра Вяткина, у которого в этом Списке в одном месте указана дата смерти 11.01.1941 г. (чего не может быть), в другом – 11.01.1942 г. Две записи – это один из дублей, причины возникновения которых описаны выше. И одна из записей этого дубля дает нам правильную дату смерти – 11.01.1942 г. А ошибочная дата, видимо, появилась из-за того, что переписчик иногда автоматически писал 1941 г. вместо 1942-го, что неудивительно при огромном объеме переписываемых данных.

Априори ошибочными и также неподлежащими рассмотрению являются даты позднее освобождения территории Белоруссии (после августа 1944 г.). Такая запись в Списке одна, датированная 03.05.1945 г.

Эти ошибочные записи при дальнейшем анализе дат смерти из Списка можно не учитывать. Но при этом принять за доказанный факт наличие ошибок в Списке, в том числе и по датам смерти, и дальнейшие рассуждения вести с учетом этих фактов.

Если отбросить явно ошибочные записи, то на период от начала войны и до захвата немцами южной части Смоленска (15 июля 1941 г.) в Списке имеется всего две записи: Петр Ми-

щенко (02.07.1941 г.) и Петр Агафонов (14.07.1941 г.) Эти записи нельзя считать априори ошибочными, поскольку такое могло быть. Но и считать их доказательством того, что лазарет не мог быть в Смоленске, тоже нельзя. Во-первых, как было показано выше, в Списке есть ошибочные записи. Во-вторых, до 15 августа 1941 г. записи в Списке нерегулярны, и их вряд ли можно считать записями лазарета с нормально поставленным документооборотом, что еще больше повышает вероятность ошибок. От начала войны и до 15 августа (т.е. почти за два месяца) в Списке зарегистрированы смерти всего шести человек. 15 августа фиксируется смерть сразу девяти человек. И после этой даты записи становятся более-менее регулярными. Эту дату можно считать началом работы лазарета на регулярной основе, в том числе с ведением документации. Следует обратить внимание, что хронологически это происходит практически сразу после появления в Смоленске первого пересыльного лагеря Дулаг 240²⁶. График усредненной смертности с 14 июля 1941 г. по 31 марта 1943 г., построенный на основе информации из Списка, представлен на рисунке.

На графике видно, в какой период записи в журнале умерших ведутся регулярно, т.е. являются наиболее достоверной частью Списка. С начала ноября 1941 г. и до конца марта 1943 г. он ведется ежедневно без единого пропуска.

Примерная дата начала регулярной работы лазарета военнопленных (точнее, рассматриваемого корпуса этого лазарета) дает нам ориентир самого восточного из возможных расположенных лазарета. Этот ориентир – линия фронта по состоянию на 15 августа. Очевидно, что лазарет был западнее, но можно рассмотреть самый крайний случай. Фронт в это время находился примерно на линии Ельня–Ярцево. Соответственно, лазарет не мог находиться в Дорогобуже, Вязьме, Ржеве и других городах западнее этой линии, поэтому отпадает версия, что Список заканчивается в начале апреля 1943 г., потому что лазарет закрыли из-за приближения к месту его расположения частей Красной Армии. От линии Ельня–Ярцево в это время

9	Kasani Jwan		st. Orscha	22.1.41	
3382	Konow Jwan B.		Sula st. D. Puschnaiskaja	"	"
1	Kirjanow	1910	Jwanowo st.	"	"
2	Kasjarew Fedor	1907	st. Kirovsk	"	"
3	Koshunskij		Odessa st.	"	"
4	Krasnikow Nikolaj	1920	Kisow D. Selskij	22.1.41	"
5	Kowalew Grigorij		Waronesh st.	"	"
6	Kiselow Nikolaj		Altaj D. Stworopnikow	24.1.41	"
7	Kudakov Alezej	1914	st. Tscherewan	25.1.41	"
8	Krupa Nikolaj		st. Kirovograd	21.1.41	"
9	Kuabnikow Jwan	1911	As. SSR D. Anbulak	31.1.41	"
3390	Kusnezow Filanrij		st. St. Sibirsk	"	"
1	Kulikov Sergej	1919	Kirovsk st. D. Bazow	"	"
2	Kapanow A. J.		st. Alexandrowsk	"	"
3	Kenzow Stepan	1923	Altaj	"	"
4	Komanow Pavel	1927	Komel st. D. Sakrion'skaja	"	"
5	Kornienko Jlja	1913	st. Tschistopol	"	"
6	Kolesnikow Wiktor	1915	Rjasani D. Plowotowa	5.1.41	"

Фрагмент Списка с ошибочными записями, относящимися к январю 1941 г.

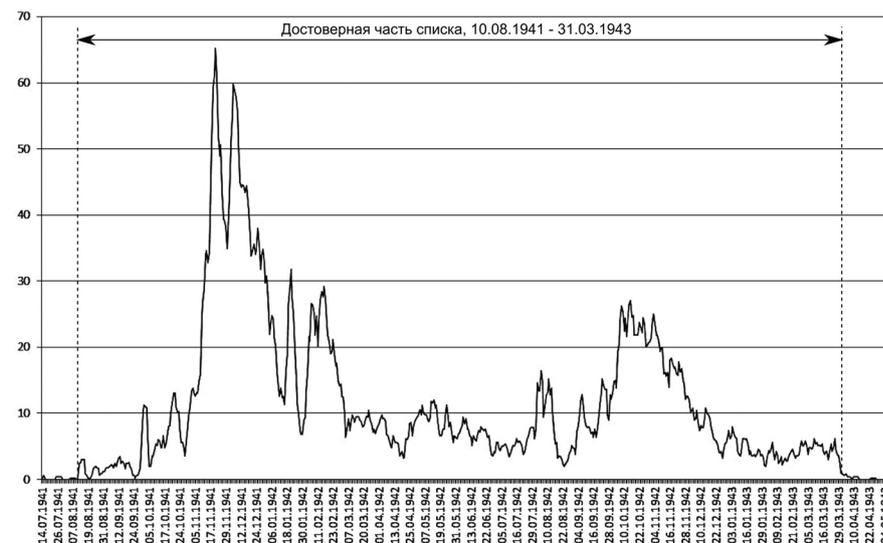

График усредненной за 5 дней смертности. Предполагаемая дата начала активной деятельности рассматриваемого корпуса лазарета – 15 августа 1941 г. Пик смертности соответствует эпидемии тифа в конце 1941 г. Максимальная дневная смертность 85 человек зафиксирована 20 декабря 1941 г.

советские войска были еще далеко. И составление Списка не связано с закрытием лазарета.

С учетом положения линии фронта на 15 августа самые очевидные возможные места расположения лазарета это Рославль и Смоленск. Либо го-

рода Белоруссии, но вероятность этого меньше, поскольку дата начала работы лазарета для Белоруссии является слишком поздней.

Списки погибших в лазарете Дулага 130 в Рославле известны, поэтому этот вариант отпадает. Самым вероятным

и, по сути, единственным кандидатом становится Смоленск. Анализ показал, что в списке всего девять записей, даты которых не соответствуют периоду оккупации южной части Смоленска: 02.07.1941, 08.07.1941, 14.07.1941, 12.10.1943, 28.10.1943, 18.11.1943, 07.12.1943, 14.12.1943, 21.12.1943.

Даты после 25 сентября 1943 г. вдвойне сомнительны, поскольку список явно составлялся в конце марта и начале апреля 1943 г. Более поздний период Списка состоит из нерегулярных отрывочных данных, все из которых, вероятно, являются следствием ошибок переписчиков (всего таких записей 21 за период в девять месяцев, в то время как обычно записи шли ежедневно).

Если учесть, что всего в списке свыше 7300 записей, то даже 9 записей составляют всего 0,13%. Столь ничтожную долю данных можно смело считать ошибочной (статистической погрешностью), тем более что наличие ошибок в записях дат в списке доказано: выявлено 30 гарантированно ошибочных записей. Кроме записей с датами до начала войны однозначно ошибочными являются два случая невозможной даты (29.02.1942). Выявленных гарантированно ошибочных записей в несколько раз больше, чем записей, ставящих под сомнение принадлежность рассматриваемого Списка к Смоленску, поэтому эти записи нельзя считать доказательством того, что лазарет не мог быть в Смоленске.

Подтверждения смертей военнопленных из Списка в лазарете Смоленска

На данный момент нет ни одного официального свидетельства о захоронении кого-либо из обнаруженного Списка на территории Смоленска. Согласно ответам на запросы в адрес Администрации г. Смоленска, Военного комиссариата Смоленской области и Государственного архива Смоленской области следует, что в этих организациях отсутствует информация о персональных данных военнопленных, умерших в лазарете немецкого лагеря Дулаг 126 в годы Великой Отечественной войны. Единственным доступным источником информации являются мемуары и воспоминания

родственников военнопленных, а также данные из военкоматов, подтверждающие попадание бойцов и командиров Красной Армии в лазарет Смоленска.

Очень важная информация для идентификации Списка и определения места захоронения, фигурирующих в нем военнопленных содержится в воспоминаниях военврача 2-го ранга Мстислава Владимировича Яковенко (фрагментарно публикуются в этом номере журнала). Он с декабря 1941 г. и по август 1943 г., т.е. до момента своего побега, был врачом лазарета советских военнопленных, который находился по Киевскому шоссе в г. Смоленске и стал свидетелем множества событий, происходивших в этом лазарете, в том числе и смерти от сыпного тифа в январе-феврале 1941 г. своего бывшего сослуживца, командира 499-го отдельного медсанбата 13-й дивизии народного ополчения Александра Ивановича Слободчикова²⁷, под началом которого он служил командиром взвода до момента их пленения в октябре 1941 г.

Анализ Списка показал, что в нем имеется следующая запись: Slobodstchakov Al-dr, 1897, st. Moskau Ulansk, 19.2.42 (gestorben), Flecktyphus (Слободчаков Ал-др, 1897, г. Москва, Уланск[ий переулоч], 19.2.42 умер, от сыпного тифа). Сопоставление указанных данных позволяет утверждать, что это один и тот же человек. *Указанных сведений достаточно для идентификации личности.*

При дальнейшем изучении Списка идентифицировано еще несколько военнопленных, которые по тем или иным данным умерли в лазарете военнопленных в г. Смоленске.

Жарский Ульянов Иванович

Касплянский районный военный комиссариат Смоленской области 25 августа 1950 г. в донесении начальнику отдела по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава²⁸ сообщил:

«Жарский Ульянов Иванович, года рождения 1914, уроженец Смоленской области, Касплянского района, Сыр-Липецкого с/совета, д. Данилково, призван в Советскую Армию Заднепровским РВК г. Смоленска 24 июня 1941 года.

В боях на фронте Отечественной войны был ранен и находился на лечении в эвакогоспитале г. Смоленска. С наступлением немцев на г. Смоленск Жарский из госпиталя не был эвакуирован и вместе с другими ранеными бойцами был захвачен немцами, после чего от ранения умер 28 августа 1941 года в данном госпитале.

Родные и ряд колхозников д. Данилково Сыр-Липецкого с/совета Касплянского района имели свидание с Жарским перед его смертью, о чем подтверждает своей справкой правление колхоза „Большевик“».

В Списке он фигурирует как Sharskij Uljjan, 1914, D. Danilkovo, R. Kasplanskij, G. Smolenskaja, 19.10.41 (gestorben), – [Verwundete]. *Указанных сведений достаточно для идентификации личности.*

Пышьев Артем Ефимович

В донесении №69669 от 10.08.1946 г. Уразовского РВК Курской области указано, что Пышьев Артем Ефимович, 1913 г.р., урож. Курская²⁹ обл., Уразовский р-н, с. Колыхалино, призван Уразовским РВК, Курская обл., Уразовский р-н, последнее место службы п/п 568, мл. командир, помощник командира взвода, убит 08.08.1941 г.

Его товарищи видели, как он был ранен в бою в районе г. Смоленска 07.08.1941 г. И они решили, что он был убит и захоронен там же. В реальности Артем Пышьев умер от ранения только 10.10.1941 г. в лазарете для военнопленных. В списке он фигурирует как Pyshjjew Artem, 1913, D. Kalychalino, R. Uralskij, G. Kurskaja, 10.10.41, Verwundete. *Указанных сведений достаточно для идентификации личности.*

Чмыхало Филипп Васильевич

Подтверждение [Справка]³⁰

«Дана Чмыхаловой Елизавете Харитоновне в том, что я, Паленый Семен Кузмич, житель станицы Должанской Краснодарского края, видел ее мужа Чмыхало Филипп Васильевича под городом Смоленском в одной из школ, где собрали раненых, тяжело раненого в голову, дальнейшей судьбы его не знаю, так как эта территория была оккупирована немцами, и раненые не были вывезены. Это было 19 июля

1941 года. Что и подтверждаю. Подпись».

В списке он фигурирует как Tschmychalo Filipp, 1911, D. Domshanskaja, R. Koltowskij, Kreis Krasnodarskij, 26.8.41, Verwundete. Указанных сведений достаточно для идентификации личности.

Тяжелораненые никогда не перевозились в лагерь постоянного содержания (что следует из отчета коменданта Дулага 240). Соответственно, раненый мог попасть только в ближайший лазарет. А ближайший в это время был только в Смоленске.

Сведения о месте попадания в плен

В самом Списке данных о месте пленения нет, но в ходе работ по идентификации ФИО по ОБД «Мемориал» было обнаружено множество советских документов (из военкоматов и пр.), по которым можно точно установить воинские части, в которых служили советские военнопленные, а по ним и определить, где примерно на конкретную дату (момент пленения) находилась данная воинская часть. А по именованным спискам некоторых воинских частей можно установить и точное место пленения.

По всем идентифицированным фамилиям воинов из Списка было установлено, что пленение для всех них происходило в пределах ответственности группы армий «Центр» от Смоленска (включительно) до Москвы. Соответственно г. Смоленск для предполагаемого лазарета – самая оптимальная локализация.

Выжившие на поле боя и умершие в лазарете

Некоторые фигурирующие в Списке бойцы и командиры Красной Армии согласно советским документам числятся погибшими и захороненными по именованным спискам боевых частей на поле боя. Вероятно, они ранеными попали в плен и только спустя какое-то время умерли в лазарете.

Так, в списке безвозвратных потерь 145-й стрелковой дивизии за период с 1 по 9 августа 1942 г. значится Яшников³¹ Максим Кириллович, 1897 г.р.,

Колонна военнопленных на шоссе Смоленск–Рославль. Конец лета 1941 г.

Московская обл., д. Зеленый луг, ул. Чкаловская, д. 22, призван Загорским РВК Московской обл., Загорского р-на, 145 сд, красноармеец, убит 22.07.1942 г., первичное место захоронения – Смоленская обл., Демидовский р-н, д. Лапиха. А в Списке умерших лазарета военнопленных в Смоленске имеется запись о том, что Яшников³² Максим, 1897, Московская обл., Загорский р-н, д. Зеленый Мыс, погиб в плену 07.01.1943 г. То, что это один и тот же воин, нет никаких сомнений (совпадение по шести признакам), 145-я стрелковая дивизия участвовала в боевых действиях в Смоленской области, «убит» Яшников был 22 июля 1942 г., но в реальности он умер в хирургическом отделении лазарета в Смоленске только 7 января 1943 г. По поводу мнимого захоронения в д. Лапиха 22 июля 1942 г. Подробностей данного события нет, но по многочисленным примерам можно предположить, что сослуживцы видели его раненым в бою возле д. Лапиха. Из боя он не вернулся, поэтому командованием части было принято решение считать его погибшим. На самом деле, он попал в плен раненым и умер через 5 месяцев в Смоленске.

Зафиксированные в советских документах места гибели бойцов и командиров Красной Армии дают информацию о том, где именно военнопленный попал в плен. А разница дат мнимой гибели на поле боя и реальной смерти в лазарете позволяет оценить, насколько далеко от линии

фронта мог быть лазарет. И в отдельных случаях эта разница составляет всего несколько дней.

Например, Лоханков Иван Васильевич, 1915 г.р., по советским документам погиб 04.12.1942 г. в районе г. Белый Смоленской области³³ (ныне это Тверская область). А согласно Списку, он умер в лазарете через 12 дней, 16.12.1942 г.³⁴ Как известно из отчета коменданта Дулага 240, тяжелораненых военнопленных в лагерь постоянного содержания не отправляли, поэтому никуда с территории Смоленской области его не вывозили. Однако в Дулаг 126 он попасть мог, а оттуда был направлен в лазарет военнопленных, где вскоре умер.

Яблонский Максим Семенович, 1914 г.р. Согласно советским документам, 12.06.1942 г. убит в бою в районе деревни Липки Демидовского р-на Смоленской обл.³⁵ А согласно Списку, он умер в лазарете военнопленных 15.06.1942 г.³⁶, т.е. всего через три дня. За это время его не могли вывезти за пределы области, т.е. умер он в смоленском лазарете военнопленных.

Базаров Даши-Нима, 1920 г.р. Согласно советским документам, погиб (остался на поле боя) 20.01.1943 г.³⁷ в Пречистенском р-не Смоленской области (ныне входит в состав Духовщинского района). Согласно Списку, умер 21.01.1943 г.³⁸ в лазарете военнопленных, т.е. всего через день. Лазарет гарантированно не мог быть далеко от места боя.

Указанные примеры говорят о том, что в лазарет иногда доставляли раненых практически сразу с поля боя, т.е. лазарет не мог быть лазаретом шталага, и находился этот лазарет гарантированно на территории Смоленской области. Причем лазарет Рославля не подходит по двум причинам: во-первых, как уже было сказано выше, списки погибших там известны. А во-вторых, в Списке есть воины, раненные в районе Демидова, Пречистого и Белого. Это все на севере области, а Рославль – на юге. И попасть в Рославль раненые могли только через Смоленск. Очевидно, что раненых так не возили, они остались в лазарете Смоленска.

Материалы Чрезвычайной государственной комиссии

Когда верстался номер, появилась информация о наличии в ГАРФ важных документов ЧГК по смоленскому госпиталю военнопленных³⁹. Большая часть этих документов отсутствует в ГАСО. Наибольший интерес представляет план госпиталя (лазарета), а также акт, подтверждающий обнаружение документов, относящихся к этому госпиталю: тетради с записями о движении больных в госпитале с 20 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г., тетради умерших по 1-му этажу 2-го корпуса госпиталя с записями с 17 августа 1941 по 16 марта 1943 г. и книги записей больных по одному из этажей 1-го корпуса (1-й этаж), начатая 28 августа 1941 г., и др. (акт публикуется в этом номере журнала).

Самих документов в деле нет, но их список дает важное направление для дальнейших поисков с целью создания списка погибших в смоленском госпитале (лазарете) военнопленных. Причем даже на основе информации, содержащейся в акте, можно уже сделать определенные выводы:

1. Документы лазарета существуют и хранятся, вероятно, в ГАРФ, но так как мы не имеем их архивных реквизитов, то поиск потребует времени.

2. Документы лазарета существовали еще в 1943 г. и позволяли уточнить ФИО и другие данные на значительное количество советских воинов, умерших в этом лазарете, однако это до сих пор не было сделано.

3. Лазарет находился по ул. Киевской в Смоленске, имел в своем составе два многоэтажных здания, одним из которых была фельдшерская школа. О наличии 2-го корпуса указано в акте четко и однозначно, хотя в паспортах воинского захоронения №16-18 и воинского захоронения №16-19 речь почему-то идет только про здание фельдшерской школы, хотя по факту в ней находилось и умерло меньше воинов, чем во 2-м корпусе.

4. Лазарет лагерей советских военнопленных в Смоленске начал функционировать 20 июля 1941 г.

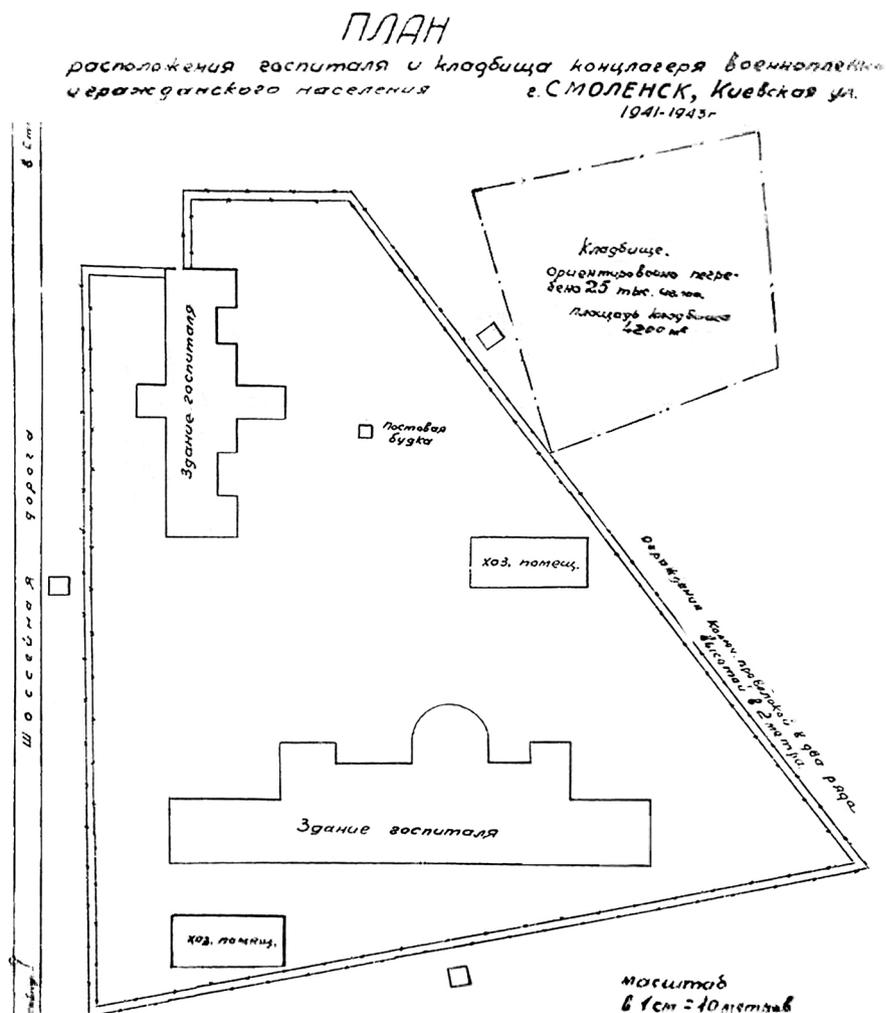
5. Тетрадь умерших по 1-му этажу 2-го корпуса с 17 августа 1941 по 16 марта 1943 г. косвенно указывает на то, что в середине марта 1943 г. в лазарете готовились к эвакуации, но ее после отменили (см. выше о датах в лазарете).

6. Во 2-м корпусе имелось хирургическое отделение и операционная

(как и писал Яковенко), и есть в наличии данные на всех прооперированных раненых по 18 июня 1942 г. (за искл. №122-160), включая и всех тех из них, кто умер впоследствии.

7. Наличие историй болезней, диаграмм, журналов учета умерших, больных, прооперированных и прочих документов говорит о том, что лазарет в Смоленске принципиально ничем не отличался от других лазаретов для военнопленных, в которых велась многочисленная документация и которая в достаточном количестве сохранилась и доступна сейчас для свободного изучения в ОБД «Мемориал».

Но самое главное, фамилии умерших в документах, перечисленных в акте, гарантированно имеются. И никаких проблем с тем, чтобы на воинском захоронении №16-18 и воинском захоронении №16-19 появились фамилии советских воинов, умерших

План госпиталя (лазарета) военнопленных, составленный на основе материалов ЧГК

в лазарете в Смоленске, никогда и не было. Просто ни у кого не возникало желания, чтобы они там появились...

К слову, оказывается, на могильных крестах лазаретного захоронения фамилии тоже были написаны. Но и они были не нужны...

Подводя итог, можно сказать, что документы существуют, их поиск впереди, и они дадут четкие ответы и по фамилиям реально умерших в лазарете и захороненных в братских могилах рядом с ним, и по Списку 7303, который группа исследователей приписывает к лазарету Смоленска.

Продолжение следует...

Выводы по результатам исследования

В результате проведенного исследования удалось выяснить:

1. В лазарет, для которого был составлен Список, доставляли бойцов и командиров, попавших в плен в основном на территории Смоленской области, в полосе действий группы армий «Центр» вермахта, т.е. лазарет гарантированно находился в полосе действий этой группы армий. Обнаружение его документов в Белоруссии также подтверждает, что лазарет находился в тыловой области группы армий «Центр», поскольку именно в Белоруссию эвакуировались дугаги из этой области, в том числе и смоленский Дугаг 126.

2. Зафиксированы случаи попадания раненых в лазарет практически сразу с линии фронта. По советским документам они считались погибшими, т.е. их ранения были средними или тяжелыми, и сослуживцы посчитали их убитыми. Таких раненых в шталаги не отвозили, поэтому это не мог быть лазарет шталага.

3. В документации лазарета минского Шталага 352 не упоминается ни одной фамилии из 7300, фигурирующих в Списке. Это неопровержимо доказывает, что Список никакого отношения к этому лагерю не имеет и приписан к нему ошибочно.

4. Начало регулярного ведения лазаретной документации 15 августа 1941 г. позволяет утверждать, что лазарет не мог находиться восточнее линии Ельня–Ярцево (в соответствии

с положением линии фронта на середину августа).

5. Разница всего в несколько дней между датами попадания в плен и смертью в лазарете свидетельствует о том, что лазарет находился недалеко от места пленения.

6. Начало регулярного ведения лазаретной документации (примерно 15 августа 1941 г.) совпадает с началом записей в тетради умерших по 1-му этажу 2-го корпуса лазарета военнопленных в Смоленске (17 августа 1941 г.).

7. Завершение записей Списка примерно соответствует окончанию записей в тетради умерших по 1-му этажу 2-го корпуса лазарета военнопленных в Смоленске (16 марта 1943 г.).

8. Лазарет располагался в двух корпусах, в каждом из которых было несколько отделений. Число погибших только в одном из этих корпусов свыше 7300. Это говорит о том, что он находился в крупном узле транспортировки и содержания военнопленных, и там были большие захоронения. Западнее линии Ельня–Ярцево в Смоленской области было всего два таких центра – Смоленск и Рославль.

9. Смоленский лазарет военнопленных имел два корпуса, и описание второго корпуса, сделанное военврачом Мстиславом Яковенко, а также информация, содержащаяся в материалах ЧГК, полностью соответствует информации из Списка.

10. Места пленения в северной части области (Демидовский, Пречистенский и Бельский районы) говорят о том, что лазарет не мог быть южнее Смоленска, поэтому Рославль отпадает.

11. Фамилии умерших в лазарете военнопленных в Рославле известны, и среди них нет пересечений со Списком.

12. Даты записей в Списке в целом соответствуют периоду оккупации южной части Смоленска. Девять записей, не соответствующих этому периоду, с учетом множества доказанных ошибок в датах Списка не могут считаться доказательством того, что лазарет не мог быть в Смоленске.

13. Имеются свидетельские показания о смерти военнопленных, числящихся в Списке, именно в лазарете города Смоленска.

14. На основании совокупности перечисленных фактов можно сделать однозначный вывод, что Список является списком погибших в лазарете военнопленных г. Смоленска. Проверить этот вывод можно сличением фамилий Списка с тетрадью умерших по 1-му этажу 2-го корпуса лазарета военнопленных в Смоленске. Однако архивные реквизиты этого документа неизвестны, и его поиск может занять неопределенно много времени.

15. Лазарет в Смоленске действовал все время оккупации, соответственно, все перечисленные в Списке погибшие военнопленные захоронены в Смоленске.

16. Лазарет имел два захоронения. Одно сейчас находится на территории Смоленской областной больницы, второе – вблизи Братского кладбища (мемориал по проезду Маршала Конева).

17. Как распределены погибшие из Списка между двумя этими захоронениями, неизвестно. Однако захоронения на территории нынешней областной больницы прекратились к середине ноября 1941 г. В соответствии с записями Списка, в период с 15 июля 1941 г. по 15 ноября 1941 г. во втором корпусе лазарета погибло 570 военнопленных. Согласно учетной карточке этого захоронения, там покоятся останки 1500 советских граждан, погибших в немецком госпитале. С учетом того, что это совместное захоронение двух корпусов лазарета военнопленных, очевидно, что подавляющее большинство погибших из Списка было захоронено вблизи Братского кладбища.

Доказанный факт захоронения подавляющего большинства погибших военнопленных из Списка вблизи Братского кладбища в братской могиле по проезду Маршала Конева (учетная карточка воинского захоронения №16-19) дает основание обратиться к соответствующим структурам Администрации г. Смоленска и Администрации Смоленской области с предложением о внесении фамилий из Списка, уточненного в ходе работы инициативной группы, в учетную карточку воинского захоронения №16-19 с целью увековечения памяти тысяч советских воинов, отдавших жизнь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Примечания

1. В советской, а потом и в российской литературе крупные лечебные заведения для военнопленных называли госпиталями, в немецкой документации они назывались лазаретами. Во многом это обусловлено различием национальных терминологий. В дальнейшем в этой статье будет использоваться термин «лазарет», поскольку проводится анализ немецкой документации.
2. Справка УНКГБ по Смоленской области о злодеяниях немецко-фашистских войск в г. Смоленске и на территории Смоленского района Смоленской области в период оккупации. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 128-131.
3. Учетная карточка воинского захоронения №16-18: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89379702&static_hash=2904d3ef21e4b70272f47d60c49d3510v7
4. Учетная карточка воинского захоронения №16-19: https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=89379705&static_hash=2904d3ef21e4b70272f47d60c49d3510v7
5. Акт судебно-медицинской экспертизы по обследованию мест массовых захоронений и эксгумации трупов советских граждан, казненных немецко-фашистскими оккупантами, в г. Смоленске и его окрестностях. Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 154-159.
6. Ад-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «дулагов», вспоминают. Коллектив авторов. Сост. Е.А. Иванова. М.: Алгоритм, 2017.
7. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78723747&page=281&p=1>
8. №1793. Соловьев П. И., урож. г. Куйбышев. «Находился в лагере в/п 352. Дальнейшая судьба неизвестна» (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78725421>)
9. <https://www.sgvavia.ru/forum/>
10. Мох Е.Н. Единый комплекс документов по медицине шталага №352, Масюковщина / Е.Н. Мох, А.А. Швед // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2021. №9. С. 88-96.
11. Киселева Е.Л. Нет пропавших без вести. Сотрудники ГАРФ устанавливают судьбы советских военнопленных в немецких концлагерях (документы о гибели советских военнопленных в фонде «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...») Сайт «ГАРФ»: <http://statearchive.ru/1240>
12. Этот фрагмент также хранится в материалах ЧГК.
13. Мох Е.Н. Единый комплекс документов по медицине шталага №352, Масюковщина / Е.Н. Мох, А.А. Швед // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2021. №9. С. 88-96.
14. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1473: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=1>
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 87. Д. 137: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78801219>
16. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1473: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990898>
17. Смоленский лазарет военнопленных состоял из двух корпусов. Первый находился в здании фельдшерской школы на Киевском шоссе (ныне госпиталь ветеранов войн), второй – в здании акушерско-гинекологической школы (ныне корпус областной больницы). По словам военврача М.В. Яковенко, хирургическое отделение находилось на 4-м этаже второго корпуса. Там была палата на 14 коек для послеоперационных больных.
18. В данном случае под «одномоментно» понимается отрезок времени, необходимый для написания нескольких тысяч фамилий каждому писарю. А это может быть и несколько дней, и неделя, и месяц.
19. Заголовок «Продолжение Списка умерших во 2-м корпусе лазарета военнопленных» говорит о том, что и первая часть Списка из 722 человек также относится ко 2-му корпусу.
20. Пример одной страницы Списка, в которой после 1942, 1943 г. одним почерком пишется 1941 г. другим почерком. Агафонов Константин, 1907, Удмуртская АССР, д. Вехполно, погиб в плену 13.12.1942 г. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78727099>)
21. №6000 Радионов Андрей, г. Москва, погиб в плену (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78731608>)
22. ВАС – Справочно-информационная служба вермахта. Дулаг 126 в Смоленске в 1943 г. тоже должен был заполнять такие же листы. Но по неизвестной причине во всем массиве документов по плену в ОБД «Мемориал» аналогичных документов из Дулага 126 нет.
23. Несмотря на то, что в Списке нет указаний на название отделений лазарета, в которых находились больные и раненые военнопленные, по диагнозам несложно установить их профиль. Поэтому 1-я часть Списка – это хирургическое отделение, 2-я часть – терапевтическое, инфекционное, сыпнотифозное.
24. Сесюлин Федор Андреевич, 1911, Чувашская АССР, погиб в плену 25.04.1942 г. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78732394>)
25. Сисюлин Федор Андреевич, 1911, Чувашская АССР, призван Ворошиловским РВК, Белорусской ССР, г. Минска (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1628: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66162087>)
26. Этот дулаг начал работу в Смоленске 10 августа 1941 г.
27. Слободчиков Александр Иванович, 04.11.1897 г. р., уроженец Иркутской обл., Нижне-Илимского р-на, д. Большой, в Красной Армии с 27.02.1918 г., военврач 2-го ранга, последнее место службы до войны – 49-й отдельный строительный батальон 10-й армии (ЦАМО. УПК, шкаф: 191, ящик: 23: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70008014186>)
Из приказа войскам 32-армии по личному составу от 26.09.1941 г. №057/л.
28. Начальник санитарной службы 49-го отдельного строительного батальона ПРИБОВО военврач 2-го ранга Слободчиков Александр Иванович – командиром 499-го отдельного медико-санитарного батальона 13-й стрелковой дивизии. Рождения 1897, русский, б/п, служащий. В Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны и боев у озера Хасан. В царской армии служил 2 года и 10 месяцев в должности медфельдшера. В белой армии не служил. Наград не имеет.
29. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977523. Д. 157: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70688907>
30. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 485: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57862878>
31. Яшников Максим Кириллович, 1897, Московская обл., Зеленый луг, ул. Чкаловская, д. 22, призван Загорским РВК Московской обл., Загорского р-на, 145 сд, красноармеец, убит 22.07.1942, первичное место захоронения – Смоленская обл., Демидовский р-н, д. Лапиха (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 282: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1444900>)
32. Яшников Максим, 1897, Московская обл., Загорский р-н, д. Зеленый Мыс, погиб в плену 07.01.1943 г. в Смоленске, БМ №16-19 (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726995>)
33. Лоханков Иван Васильевич, 1915. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1310: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=53482360>)
34. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726570>
35. Яблонский Максим Семенович, 1914 г.р. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 283: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1445181>)
36. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78729094>
37. Базаров Даши-Нима, 1920 г.р. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 764: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3047624>)
38. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726306>
39. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1093.

ЛАЗАРЕТ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДУЛАГА 126 В СМОЛЕНСКЕ, ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ВРАЧА М.В. ЯКОВЕНКО

Александр ШВЕД,
г. Минск

С конца июня 1941 г. в здании фельдшерской школы по Киевскому шоссе начал функционировать госпиталь для раненых воинов Красной Армии¹. Но уже 15 июля 1941 г. немецкие войска захватили южную часть г. Смоленска, и раненые красноармейцы совместно с медицинским персоналом в полном составе попали в немецкий плен. Вскоре после этого в связи с большим количеством раненых, поступающих из немецких армейских сборно-пересыльных пунктов, и недостатком помещений для отделений госпиталя стали использовать недостроенный акушерско-гинекологический корпус. Впоследствии, т. е. после 10 августа 1941 г., этот лазарет начал принимать больных и раненых советских военнопленных сначала из Дулага 240, а после 16 августа 1941 г. и из Дулага 126.

Лазарет функционировал в Смоленске по сентябрь 1943 г., и большинство раненых и больных советских военнопленных, которые прошли через него, были из Дулага 126.

В октябре 1941 г. в Дулаг 126 с очередным этапом военнопленных прибывает военврач 2-го ранга Мстислав Иванович Яковенко². В своих послевоенных воспоминаниях³ он писал, что с декабря 1941 г. и до 27 июля 1943 г., т. е. до момента своего побега, он был врачом лазарета советских военнопленных, который находился по Киевскому шоссе в г. Смоленске. Яковенко стал свидетелем множества событий, происходивших в этом лазарете, в том числе и смерти от сыпного тифа в январе-феврале 1941 г. своего бывшего сослуживца, командира 499-го отдельного медсанбата 13-й дивизии народного ополчения Александра Ивановича Слободчикова⁴, под началом которого он служил командиром взвода до момента их пленения в октябре 1941 г.

Военврач 2-го ранга М.В. Яковенко после мобилизации в 1944 г.

По словам М.В. Яковенко, смерть командира случилась в период, когда ему пришлось лечить больных военнопленных в инфекционном отделении, располагавшемся во 2-м корпусе лазарета (акушерско-гинекологический корпус, который после войны стал корпусом Смоленской областной больницы).

Этот указанный в воспоминаниях факт является прямым подтверждением того, что список умерших в некоем госпитале для военнопленных (подробно об этом списке речь идет в отдельной статье, также публикуемой в этом номере журнала) является списком смоленского госпиталя. Однако для того, чтобы опереться на этот факт, необходимо выяснить, насколько Яковенко как свидетель событий точен в своих показаниях, ведь на момент написания этих воспоминаний в 1957 г. прошло 15 лет.

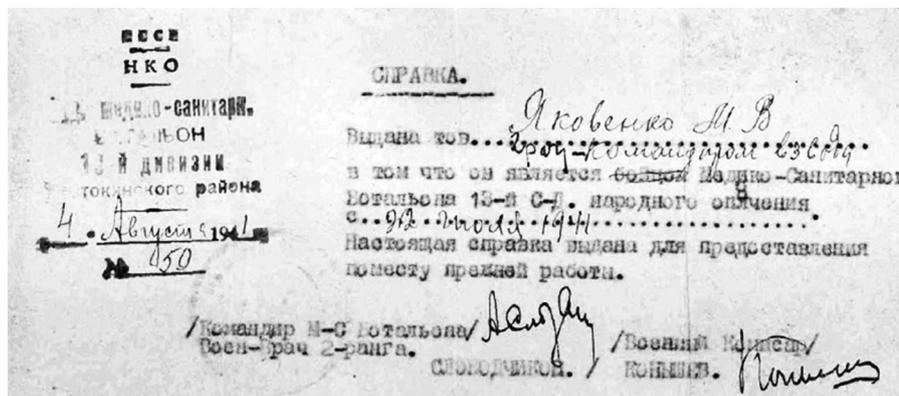
Фактические сведения из воспоминаний М.В. Яковенко были проверены по советским и немецким документам. Да, у него встречаются небольшие ошибки в написаниях фамилий, например, Алейников – Олейников, но это и понятно, так как фами-

лию этого человека он запомнил на слух. Такие же ошибки встречаются и в других мемуарах. Например, в публикуемых в этом же номере журнала воспоминаниях Казимирова неоднократно называется фамилия своего непосредственного начальника как майор Бородин. На самом деле это Евдоким Васильевич Бородинов. Однако такие ошибки не мешают идентифицировать личность того, о ком идет речь. Кроме того, в мемуарах Яковенко упоминается много деталей, которые подтверждаются документами и фотографиями оккупированного Смоленска. На данный момент не выявлено ни одной сколь угодно серьезной фактической ошибки, поэтому вывод исследователей однозначен: воспоминания М.В. Яковенко – источник информации, достоверность которой близка к 100%.

А теперь в конспективном виде познакомимся с мемуарами М.В. Яковенко. Основное внимание в статье уделяется той части воспоминаний, в которой идет речь о лазарете военнопленных Дулага 126 в Смоленске. Точные цитаты даются прямым шрифтом, а фрагменты воспоминаний в пересказе автора данной статьи – курсивом. Разбивка текста М.В. Яковенко на главы и их наименования сделаны автором статьи.

**Призван. Служил.
Попал в плен. Лагерь в Смоленске.
Лагерь «Южный»**

В двадцатых числах июля я был мобилизован и попал в медико-санитарный батальон (МСБ) Ростокинской ополченческой 13-й стрелковой дивизии. Батальон формировался в здании школы на Ростокинском шоссе. Я был назначен командиром санвзвода, который состоял из лаборатории и отделения химзащиты⁵.

Справка для М.В. Яковенко по месту прежней работы из 499 МСБ 13 СДНО Ростокинского района

Участвовал в боях с немецкими войсками. 13 октября 1941 г. попал в плен под Вязьмой. Направлен пешим этапом в лагерь п. Холм-Жирковский. 25 октября пешим этапом в 3 тысячи человек из п. Холм-Жирковский направлен до трассы Москва-Минск и по ней на запад, до д. Дурово. Оттуда автомашиной в составе группы врачей доставлен в г. Ярцево, где был присоединен к этапу в 1000 военнопленных и на открытых платформах по железной дороге доставлен в лагерь военнопленных Дулаг 126 в г. Смоленске, расположенный в каких-то помещениях складского типа на окраине города, на Краснинском шоссе. Большинство строений – высокие деревянные бараки, оборудованные четырехэтажными нарами. Но есть бараки и без нар, через полуразрушенные крыши беспрепятственно проникает внутрь мелкий осенний дождь, иногда с крупой и снегом.

В санчасти лагеря часто появлялся... штаб-арцт Закс (Sax) – главный немецкий врач лагеря [Dulag] №126. Советский врач Богданов⁶ был в нем заведующим санчастью.

На третий день моего пребывания в лагере был отправлен большой этап на запад, в том числе около 40 врачей. Богданову удалось задержать меня и Левыкина под тем предлогом, что необходимо два врача для южного отделения лагеря, находящегося на Рославльском шоссе. Мы, конечно, с радостью согласились на эту работу, так как это закрепляло нас в Смоленске.

...мне сообщил Богданов, что на следующий день он должен по приказу Закса отправить в южный лагерь

для работы там двух врачей, трех фельдшеров и пять санитаров.

«Южный» лагерь. Санчасть

Нас выстроили и повели. Через полчаса мы уже входили на территорию южного отдельного лагеря, расположенного в разрушенном многоэтажном здании Смоленского мединститута, при выходе из города на Рославльское шоссе. В здании были обитаемы подвалы и несколько комнат первого этажа, бывшие уборные и умывальни, ввиду их сводчатых крепких бетонированных перекрытий. В этих сырых уборных располагалась санчасть.

Условия существования главной массы военнопленных были кошмарными. В подвальном помещении, без света и вентиляции, были установлены жидкие нары в три этажа⁷. Проход в эти помещения шел по узкому коридору, с лужами от выступающей почвенной воды. В проходе стояли

полицей с дубинками, торопили при входе и при выходе и беспощадно били дубинками. Ночью они далеко не всегда разрешали выходить за совершением естественных надобностей. Утром свежему человеку, попавшему в этот подземный ад, перехватывало дыхание, и казалось непонятным, как могут существовать люди в такой обстановке.

С питанием военнопленных было скверно. Они получали буханочку плохого хлеба, весом около 1,2 кг на четверых, редко на троих. В обед варилась почти неочищенная от грязи полугнилая картофель в мундирах. Воды не хватало для питья, не говоря уж об умывании. Дистрофия разыгралась вовсю, начались отеки и голодные поносы. Люди теряли человеческий облик, и число умерших с каждым днем увеличивалось.

Будучи в главном лагере, я спрашивал у Богданова о ежедневном количестве смертей, на что он мне ответил, что если в день умирает 2% от общего количества, то этот день считается благополучным. Обычно же умирает значительно больше. Однажды утром я отправился с ним на утренний обход барачков. Трупы еще не успели увезти, и они наваливались кучами при выходе из барачков в ожидании транспорта и ручных тележек. Все умершие были ужасно истощены, с темными грязными лицами. Одежда их представляла сплошные лохмотья, ноги были босы или в невозможных опорках, все, могущее быть использованным, было снято с них еще живыми товарищами. Увозили их на ручных тележках почти такие

Лагерь «Смоленск-Южный» в здании мединститута

же истощенные, как и умершие. Один из уже уложенных в тележку трупов начал дышать, и Богданов распорядился, чтобы его опять поместили к живым...

Мы – трое врачей и фельдшер Новохацкий – разместились в комнате, где раньше жил Алимов, и условия нашего существования улучшились, чего нельзя было сказать о других военнопленных лагеря.

В лагере военнопленные стали умирать от сыпного тифа, который начал быстро разыгрываться в декабре 1941 года. В связи со все увеличивающейся смертностью от дистрофии и тифа мы начали направлять большие партии больных в расположенный вблизи лазарет для военнопленных⁸. Партии сопровождал всегда кто-нибудь из врачей, и при первом же посещении мною лазарета... познакомился с большим русским патриотом, врачом А.П. Петровым⁹.

Лазарет был очень переполнен, и через пару дней к нам обратно возвращали более половины посланных нами больных, из которых многие по прибытию умирали.

Захоронения

«Южного» лагеря и лазарета

В середине декабря [1941 г.] у меня началась форменная дизентерия с большим выделением крови.

После перенесенной дизентерии я стал медленно поправляться. Смертность в лагере все возрастала. Довольно остро стоял вопрос с похоронами умерших. Земля была сверху мерзлая и с трудом откалывалась ломом, отходили только небольшие кусочки. Лопата не брала. Промерзлость в среднем доходила до метра. Теми силами, которые выделялись на это, – человек 40 могильщиков, достаточно истощенных и поэтому малотрудоспособных, – вырыть общую могилу для 50-60 человек ежедневно умиравших было невозможно. Хоронили в старых окопах, вырытых еще летом, но скоро ближайшие окопы были целиком использованы. Немцы, боясь вспышки эпидемии, дали приказ, чтобы над трупами был слой земли около полутора метров. Это еще более увеличивало трудности. Тогда немцы приказали хоронить на старом,

недалеко расположенном кладбище¹⁰. Здесь сверху была трава, промерзлость была значительно меньше, и земля была рыхлая. Ранее погребенные мертвецы извлекались и вновь погребались в братских могилах с красноармейцами. Все вещи, сохранившиеся на мертвецах, снимались могильщиками.

Недалеко от этого кладбища, около лазарета для военнопленных, было место, оставленное под кладбище лазарета. Однажды врач Левыкин, возвращаясь в лагерь после прохода больных военнопленных в лазарет, наблюдал картину: несколько местных жителей с большими узлами вещей умерших убегали с кладбища лазарета.

Новый год [1942 г.] начался нехорошо. Заболел врач Шлейн, и я его отвез в лазарет. Затем заболел Левыкин. Я тоже чувствовал себя нехорошо, прихварывал и фельдшер Новохацкий, одним словом – вся наша команда... Приезжали обеспокоенные немецкие врачи и не подпускали нас к себе ближе, чем за 4 метра. Они ужасно боялись заразиться. Их глава, Закс, перестал навещать лагерь и посылал вместо себя помощника Ламура. Но помощи от них нельзя было ждать. Единственным средством борьбы с сыпняком – обеззараживание – провести мы не могли. Не было воды, дров, пропускника, жаровой камеры, чистого белья. Тиф наступал развернутым фронтом, не встречая сопротивления. И в это время, в середине января [1942], нам объявили, что южное отделение ликвидируется.

Это известие произвело большое впечатление на меня и Новохацкого¹¹. Левыкин был мрачен, молчал и не реагировал. У Новохацкого в лазарете был хорошо знакомый ему врач, Попов¹², бывшее его начальство в Сталинграде. Я и Новохацкий решили употребить все усилия, чтобы остаться в Смоленске, а это было возможно, перейдя на работу в лазарет. Об этом нашем желании был извещен Попов, который заявил, что он нам будет способствовать. Мой новый знакомый, Петров, прямо мне сказал: «Переезжайте к нам явочным порядком». Но, к сожалению, этого сделать было нельзя – немцы вели точный учет врачей.

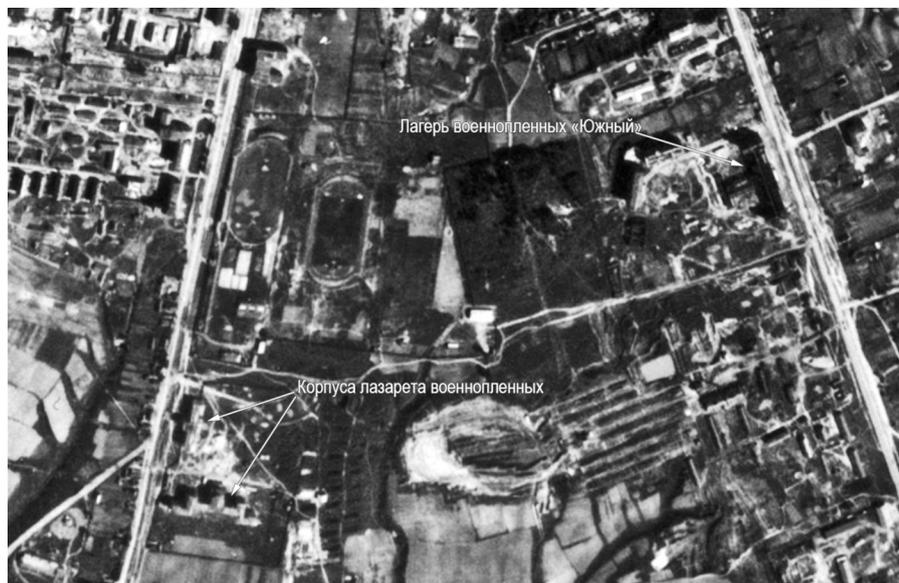
Накануне выезда всего лагеря к нам приехал Ламур, и я к нему обратился с просьбой перевести меня в лазарет для обслуживания больных сыпным тифом. Он был крайне [удивлен] этой просьбой и через переводчика сказал, что он считает это верной смертью для меня, на что я улыбнулся и весело ответил, что у меня уже был в прошлом сыпной тиф, я его нисколько не боюсь, а если даже заражусь, то он протечет у меня в легкой форме. Ламур дал свое согласие, после чего я передал ему такую же просьбу от Новохацкого, на тех же основаниях. Ламур разрешил и ему перейти на работу в лазарет. Туда же я хотел перевести в качестве санитаря и Львова, на что не требовалось разрешения немцев, но русское начальство лазарета на это не согласилось. Итак, на следующий день я отправил команду санитаров и фельдшеров во главе с врачом Смирновым в лагерь (основной), взял одну подводу для больного Левыкина, туда же погрузили медицинские книги, нужные лазарету, и вместе с Новохацким покинул опустевший «лагерь смерти», как его называли военнопленные.

Структура лазарета.

Инфекционное отделение. Коммуникации

Когда я приехал, вернее, пришел в лазарет, то так промерз, что я с трудом занес к русскому начальнику лазарета, врачу Сергееву¹³, книги, ранее отобранные мною.

Этот врач вместе с несколькими другими жил в 1-м хирургическом корпусе¹⁴. Корпус этот при полном наполнении вмещал не более 250-300 человек и был показным для демонстрации его высшему начальству и представителям других стран. Далее, в глубине двора, стоял второй корпус¹⁵, вмещавший иногда 5000 человек. В ряде палат там не только не было коек, как в первом корпусе, но больные не имели места для лежания и, по существу, сидели. Это положение было для подвальных помещений, куда помещались все вновь прибывшие пленные красноармейцы. Сюда редко заглядывали врачи, и царями были санитары этих палат. По мере подъема вверх положение не-

Фрагмент аэрофотоснимка г. Смоленска. Начало июля 1941 г.

сколько улучшалось, и на 4-м этаже, в хирургическом отделении, была даже одна палата на 12 коек для послеоперационных больных.

Инфекционное отделение

Инфекционное отделение было изолировано от других. Я сдал туда больного сыпным тифом Левыкина (для медицинского и офицерского состава было три палаты с койками) и узнал, что дела врача Шлейна плохи. Затем мы с Новохацким явились к замначальника 2-го корпуса, бывшему дивврачу Суржанинову¹⁶.

Наконец нас отвели в инфекционное отделение, где начальник его, бывший кадровый врач татарин Фарахшин, поместил нас в своей комнате, где было очень тесно и кроме нас жили врачи Миньков, Ширяев, Штоклянд и Ступин (кроме них в инфекционном отделении были врачи Позигун, Петров и ...).

Мне дали две палаты в 60 человек больных сыпным тифом. Моим помощником был назначен Новохацкий, фельдшер с большим опытом.

У меня в это время тоже был сыпной тиф, но я об этом никому не говорил и переносил его на ногах, за работой¹⁷.

Я ежедневно навещал инфекционное отделение. Врачи Бобров и Левыкин умерли.

Привезли врача Молчанова Владимира Ивановича¹⁸, бывшего ранее на-

чальником лаборатории моего медсанбата. Он, будучи худым, истощенным человеком, перенес сыпной тиф довольно хорошо. В ту же палату попал и врач Устименко, который вместо меня попал врачом на аэродром...

В этой палате и в других было еще много врачей, незнакомых мне, но раз я увидел знакомое лицо – моего бывшего командира медсанбата, врача Слободчикова Александра Ивановича¹⁹. Он был уже без сознания и так,

Военврач 2-го ранга А.И. Слободчиков

не приходя в себя, скончался²⁰. В карманах у него нашли много сердечных средств, очевидно, сердце было у него слабое.

Пересматривая списки поступивших в инфекционное отделение, я как-то увидел фамилию Кандиано²¹ и нашел его. Он оказался Виктором Ми-

хайловичем, сыном одного из спутников моего детства, Михаила Владимировича Кандиано. Я старался ему помочь в питании, чем только мог, но, к сожалению, мои ресурсы были очень слабы, а у него был огромный аппетит после тифа. Он был летчиком и попал в плен, когда его машину сбили немцы.

Суржанинов вызвал меня и предложил мне принять на себя обязанность санитарного врача, на что я охотно согласился.

На моей обязанности были: 1) присмотр за пищеблоками, 2) санитарное содержание помещений и двора, 3) установка карантинных и пропуск через дезкамеру в баню. Все это было крайне запущено.

Еще в инфекционном отделении я познакомился с бывшим санинструктором Латунем²² Борисом Афанасьевичем, харьковчанином. Это был высокий, сухощавый украинец, красивый мужчина с черными усами. До войны он работал механиком во флоте и на заводах, а сейчас был на все руки мастер и к тому же хороший советский патриот. Мы с ним близко сошлись и начали работать вместе по санитарной технике. Начали мы с того, что переделали систему нагрева в дезкамере, что дало несколько лучший эффект и улучшило тягу.

Начались более теплые дни. Начальник второго корпуса, врач Дурнов²³, передал в мое распоряжение свободных санитаров и рабочие команды для выноса трех гор отбросов в ямы за пределы проволоки, ограждавшей лазарет. Но эти люди не очень слушались меня, и тогда Дурнов пришел на помощь, заставляя их работать обещаниями и угрозами.

Первый корпус имел канализацию с выводами в овраг, метрах в трехстах.

Смотровые колодцы были расположены у 2-го корпуса, и по моему указанию Латунь оборудовал слив баков с нечистотами через решетку в один из колодцев. К этому месту впоследствии была подведена вода, и сам слив был утеплен для зимнего времени. Таким образом, корпуса лазарета очистились от окружающей их мерзоты, и были созданы вполне гигиенические условия в смысле их окружения. Уборные были перестрое-

ны, расширены, и специальные ассенизаторы следили за их чистотой, периодически выливая их содержимое в оборудованный канализационный колодец.

Оставалось еще только одно неупорядоченное место – это кладбище, где было похоронено около 15-20 тысяч человек. Хоронили их в братских могилах, кое-как засыпая комьями мерзлой земли, хоронили мелко. С таянием могилы начали проваливаться, пошел нехороший дух. Сюда тоже были мобилизованы люди из рабочих команд, и кладбище было приведено в порядок. Ведал кладбищем Воронин, сам москвич.

Лазарет. Весна 1942 – лето 1943 г. Подготовка к побегу

В начале весны [1942 г.] в лазарет с востока прибыло несколько врачей: Юзбашев (я полагаю, что его фамилия была другая), Мерейнис²⁴ – бывший хирург-консультант 32-й армии (ополченческой) и Кланг Глафира Антоновна.

Однажды, часов в 10 утра, около 1-го хирургического корпуса остановилась крупная автомашина, вся окрашенная в серо-стальной цвет. Она представляла из себя плотную камеру без окон и каких-либо вентиляционных приспособлений, с плотной дверью сзади²⁵.

Немцы отдали приказ вывести всех заранее отмеченных евреев, в том числе и врача Мерейниса. Когда эти люди спрашивали, брать ли им с собой свое имущество – узелки с переменной белья, кружкой, котелком и т. д., то немцы с усмешкой отвечали, что можно и брать. Их всех усадили в эту камеру, плотно заперли за ними дверь, и машина укатила.

Сведений мы о них больше не имели, за исключением того, что один из переводчиков принес через несколько дней нарукавную повязку врача Мерейниса, на которой было вышито «Arzt», и передал в кладовую для какого-нибудь из новоприбывших врачей. Свой печальный конец Мерейнис знал заранее и просил меня сообщить, если у меня будет возможность, его родным о своей смерти, для чего дал их адрес. Когда я говорил, что надо... бежать..., то он мне отве-

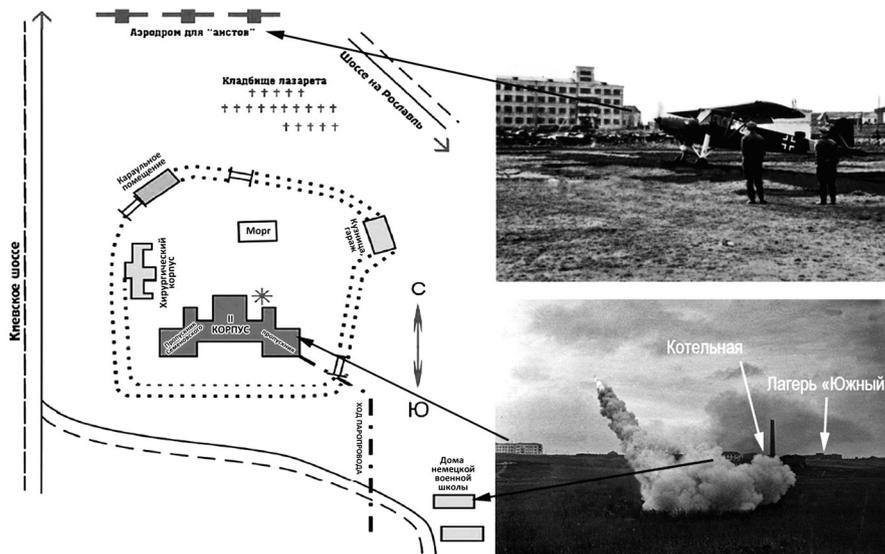

Схема лазарета по воспоминаниям М.В. Яковенко и немецкие фотографии времен оккупации

тил, что... ходить он много не может. А между прочим, ему было 47 лет, и по виду он казался здоровым человеком.

Начальство госпиталя стало косо смотреть на врача Дурнева, начальника 2-го корпуса. В конечном результате, его отправили в основной лагерь на Краснинском шоссе, а на его место назначили молодого врача Денисова²⁶, помощником которого остался Суржаниов.

Денисов настоял на том, чтобы я переселился с 1-го этажа от Исаева на 3-й этаж, где жил весь медперсонал корпуса. Я перебрался к Петрову третьим, с ним жил еще молодой врач Востриков²⁷ Георгий Яковлевич.

Из моей новой квартиры на 3-м этаже открывался более широкий вид на окрестности. Площадь, занимаемая лазаретом, лежала между двух шоссе, выходящих из города на Киев и на Рославль. Киевское шоссе шло непосредственно за проволокой, окружавшей лазарет. По ту сторону шоссе шли крестьянские дворы, со стороны же лазарета, дальше от города, шли огороды и пашни по склону в долину.

Несколько дальше от шоссе, как раз в том месте, где виднелась недостроенная котельная с большой трубой, к которой вел отопительный ход из пропускника лазарета, стояло два больших двухэтажных дома, служивших в основном как казарменные помещения для немецких крат-

ковременных школ обучения младшего комсостава. Схема расположения лазарета была такова (см. рис.).

Весной 1942 года авиационные налеты стали учащаться, и здание нашего лазарета служило, по-видимому, маяком для налетающих бомбардировщиков – они всегда летели с юга через корпуса лазарета. Это побудило немцев в конце 42 года произвести маскировочную окраску обоих корпусов.

Мы радовались каждому удачному попаданию и знали, что русскому командованию известно, что здесь расположен лазарет для военнопленных, и поэтому они нас не бомбят, и это действительно было так, об этом нам говорили наши летчики, попавшие в плен со сбитых самолетов – ведь они при этом получали ранения и поэтому попадали в наш лазарет на лечение.

По приказу немецкой администрации лазарета был создан большой пропускник в полуподвале части 2-го корпуса, ближе к Киевскому шоссе, для чего выселили оттуда сапожную, кожевенную и жестяночную мастерские...

...пропускник был сделан, немцы остались довольны, и этот пропускник начал обслуживать главным образом рабочие команды из города – заключенных из ближайшей тюрьмы (немцы очень боялись вшей как переносчиков сыпного тифа) – и больных лазарета.

Меня вызвал к себе Суржанинов и спросил, можно ли выстроить на месте существующего старого пропускника другой, вполне отвечающий названию «пропускник». Я сказал, что это вполне возможно и что я берусь это выполнить, начиная с проекта, который я могу дать к вечеру следующего дня, и вплоть до укладки последнего кирпича. Мне только будет нужна помощь в отношении установки котла на 12 секций. Я охотно брался за эту работу, в которую входила также и реорганизация прачечной, прилегающей к санпропускнику, так как это мне давало возможность сохранить существующий ход паропровода и использовать его для бегства²⁸ при установлении связи или же наличии проводников.

Стройматериалы для пропускника брали из недостроенного здания детской поликлиники, расположенного около недостроенной котельной, куда выходил ход паропровода...

Весною 1942 года Закса сменил Гиват.

Осенью 1942 года немцы особенно стали хвастаться разгромом нашей значительной группировки, окруженной к ЮЗ от Харькова.

Затем началось наступление на Сталинград, взятие которого немцы считали решающим ударом для всей русской кампании. Немецкая агитация через выпускаемые на русском языке газеты и иллюстрированные журналы работала вовсю.

Одновременно с этой немецкой агитацией враги советской власти, как, например, врач Ширяев²⁹ Николай Михайлович, начали вести беседы с санитарями о том, что пора всем вступить в ряды Власовской армии и активно помогать немцам против коммунистов...

Врач Штыкалев³⁰ упорно, но довольно неудачно организовал церковный хор, усиленно посещал Смоленский собор и завел знакомство со всеми антисоветскими церковными элементами.

К декабрю [1942 г.] немцы стали помалкивать про Сталинград, и нам стало известно, что их дела пошатнулись. Чем больше немцы мрачнели, тем больше мы веселели. Наконец мы узнали об окружении 6-й немецкой армии, о том, что немцы отступа-

ют – это уже в начале 43 года. Немцы стали усиленно говорить о несокрушимом стальном вале их обороны, о который разобьются все бессмысленные атаки Красной Армии, однако этот вал отступал все дальше на запад. Наконец нам стали известны имена победителей под Сталинградом – имена Рокоссовского и Воронова. После уничтожения 6-й армии немцы объявили трехдневный траур. Для нас это было праздником.

С легкой руки товарища из основного лагеря у нас организовался очень приличный хор, появились и солисты, организовался маленький джаз-оркестр. Хором заправлял врач Шипов³¹ Павел Амплиевич, оркестром врач..., сам скрипач. Ставили маленькие пьесы веселого содержания, появился конферансье Катаев, комик Пищальников, солист Сидоров (думаю, что его фамилия была другая). Содержание хоровых выступлений было схоже с выступлениями красноармейских ансамблей песни и пляски, у нас также нашлись плясуны. Выступления хора и солистов близко напомнили несчастным, полуголодным, оторванным от своих людей их родню и близких. На глазах у многих часто выступали слезы. Иногда репертуар удавалось расширить и экспромтом вдруг вставить песенку из «Веселых ребят» или еврейскую песенку из «Искателей счастья». Эти выступления вновь возвращали сознание забитой, униженной массе, военнопленные снова делались людьми, остро являлись желания, будились воспоминания, оживлялась психика.

Врач Штоклянд³² ведал секционной, куда для вскрытия часто приезжал немецкий врач анатомопатолог. Штоклянд был неосторожен, он забыл, что его раньше подозревали в неарийском происхождении и как-то раз попался на глаза шеф-арцту Заксу. Закс, увидев его, рассвирепел, раскричался – как мог этот «юда» сохраниться до сих пор – и дал приказ о немедленном его изъятии из лазарета и уничтожении. Изымал его переводчик Чак, с величайшим презрением отбирая наиболее ценные вещи из имущества Штоклянда. Штоклянд был отправлен в основной лагерь и уничтожен.

В начале лета внезапно были высланы на запад врачи Востриков, Омеличев³³ и Ступин³⁴, причем все лучшие носильные вещи были от них отображены. В любой день и нам могла грозить такая же участь, так как количество больных сильно сократилось и не пополнялось. Оно начало пополняться только при наступлении Красной Армии, когда немцы начали эвакуировать более восточные лазареты, расположенные ближе к Вязьме и затем к Ярцеву.

Нужно было бежать...

Побег

Семеновский против нашего желания посвятил в планы бегства зубного врача Кулакова³⁵...

Набралось нас около 40 человек – сапожники, банщики (среди последних был один капитан), слесаря, врачи, средний обслуживающий персонал.

Петров установил график, в какой очередности какая группа должна бежать. В первую очередь уходят работники пропускника, работавшие на прокладке хода, так как если ход обнаружат раньше времени, то им попадет больше, чем кому-либо из других. За ними уходим мы – я, Петров, Орлов³⁶, с нами Латун, санитар Сережка (лейтенант), Тоня (разведчица). За нами идут сапожники и далее летчики, которым труднее всего попасть в ход, так как они обитают в другом корпусе, и им надо перейти через двор...

Побег по подземному ходу с коммуникациями произошел ночью 27 июля 1943 г. ...

Через некоторое время Яковенко и Орлов были задержаны полицейским рядом с каким-то населенным пунктом. Эта деревня оказалась селом Голынки с железнодорожной станцией. Полицейский доставил нас к коменданту станции. Пообщавшись с ним, мы узнали, что у него здесь в Голынках нет для нас подходящей работы, но он нас отошлет в Рудню, где нам такую работу дадут.

Вскоре за нами пришел переводчик и немецкий офицер, нас посадили в пассажирский вагонграничного типа, с входом в каждое купе снаружи. Сопровождал нас немецкий офицер.

Приехав в Рудню, сопровождавший нас офицер отвел нас в фельдкомендатуру...

Руднянский комендант выделил для нас конвой, конвоир остановил одну из проезжавших грузовых машин, усадил нас в нее, и мы отъехали от Рудни километров на 5 на север по шоссе.

Нас высадили и повели влево от шоссе по проселочной дороге среди еще несжатых хлебов. Вскоре в ложбине мы увидели хорошо нам знакомую картину – наблюдательные вышки, три линии проволоки и ворота с часовыми. Вместо частных квартир нас привели в лагерь для военнопленных в дер. Переволочье.

Нас... отвели к врачам, находящимся в санчасти.

Здесь было 5 врачей:

– Олейников³⁷ из Средней Азии, бывший компаньон Папанина при посещении последним в Гражданскую войну крымских партизан.

– Пестяков³⁸ – врач-терапевт одной из московских больниц.

– Сумароков³⁹ – молодой московский врач.

Эта тройка считалась в штатах лагеря. Кроме того, было еще два молодых врача – Седов и Шилов.

При планировании побега выяснилось, что сочувствующий им украинский полицейский будет стоять на охране лагеря от 22 до 24 часов 28/VIII.1943 г. как раз за хаткой, к которой можно было незаметно подойти. Он даст возможность подрезать проволоку. Бежали Яковенко, Орлов, Алейников, Сумароков, Пестряков, Седов.

У д. Матушево встретили разведку первого отряда 14-й партизанской бригады Вишнева, а командовал разведкой Першиков – замечательный парень!

На самолете через линию фронта были доставлены в политотдел 4-й армии. Прошел спецпроверку при спецлагере №174 НКВД в г. Подольске 3 февраля 1944 г.

2 сентября 1944 г. прошел медицинское освидетельствование ВТЭК при п[оликлини]ке 109 Ростокинского р[айона] и получил III гр[уппу] инвалидности в связи с заболеванием, полученным на фронте. Отчислен из армии по состоянию здоровья.

Список врачей и фельдшеров, виденных мною в плену за время с октября 1941 г. по август 1943 г. включительно

1. Левыкин⁴⁰ – хирург, умер от сыпного тифа в 1942 г. в Смоленске.

10. Вр[ач] Слободчиков Ал. Ив. – умер от сыпного тифа в 1942 г., Смоленск.

36. Вр[ач] Мерейнис – хирург-консультант 32-й армии, расстрелян в 1942 г., Смоленск.

47. Вр[ач] Штоклянд – 1942-1943 гг., Смоленск, расстрелян.

64. Фельд[шер] Афанасьев – 1942-1943 гг., Смоленск, умер от т.в.с. [туберкулеза].

75. Вр[ач] Бобров – гигиенист, умер от с[ыпного] тифа, 1942 г., Смоленск.

90. Чижов А.И. –

Около 30 фамилий врачей не могу вспомнить.

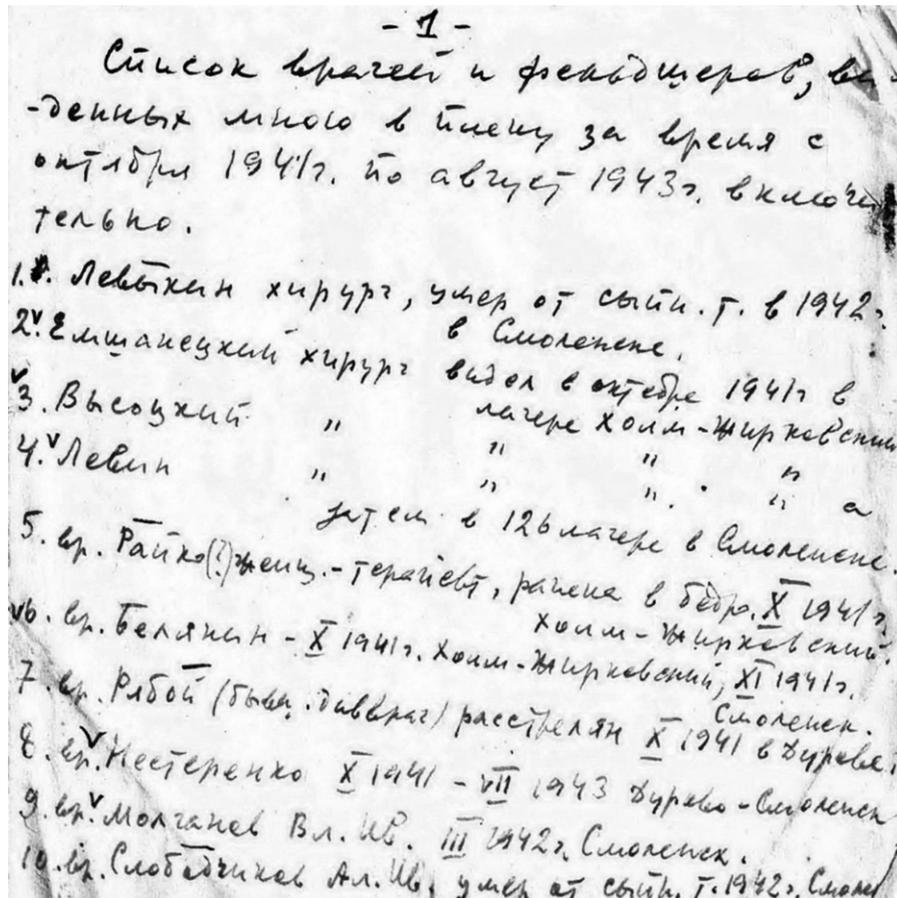
Выводы

Воспоминания военврача 2-го ранга М.В. Яковенко содержат документальные свидетельства смерти от сыпного тифа в 1942 г. в Смоленске.

ного тифа в январе-феврале 1942 г. его бывшего сослуживца командира 499-го отдельного медсанбата 13-й дивизии народного ополчения Александра Ивановича Слободчикова, проживавшего до призыва в г. Москве, пер. Уланский, д. 4, кв. 19, призванного Ростокинским РВК г. Москвы, а также военврача 3-го ранга Левыкина Ивана Григорьевича, хирурга операционно-хирургического взвода ОМСБ 248 сд, проживавшего в г. Москве, пер. 1-й Трехпрудный, 11/13-206, и об их вероятном захоронении на лагерном кладбище, которое располагалось в районе нынешнего Мемориала советских военнопленных по проезду Маршала Конева №16-19.

В воспоминаниях М.В. Яковенко содержатся также данные о военнопленных врачах, фельдшерах, санитарях, которых ему пришлось встретить за время его пребывания в плену. И эта информация подтверждается документами из Объединенной базы данных «Мемориал».

Военврач М.В. Яковенко описывает лазарет военнопленных в г. Смоленске.

Список медперсонала, написанный военврачом М.В. Яковенко. Из личного архива его внучки, О.И. Яковенко

ске и санчасть «Южного» лагеря со множеством деталей, которые подтверждаются документами как немецкими, так и советскими.

Примечания

1. Из учетной карточки воинского захоронения №16-18: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=89379702>
2. Яковенко М.И. – военврач 2-го ранга, командир взвода 13 сд (ДНО) 32 А, 1889 г.р., уроженец УССР, Полтавской обл., Шишацкого р-на, с. Шишаки, призванный Дзержинским РВК, г. Москва. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1590: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67375312>; ЦАМО. УПК, шкаф 241, ящик 5. <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70007466411>; РГВА: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=579833292>
3. Яковенко М.В. Воспоминания времен Отечественной войны: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich>
4. Слободчиков Александр Иванович, 04.11.1897 г.р., уроженец Иркутской обл., Нижне-Илимского р-на, д. Большой, в Красной Армии с 27.02.1918, военврач 2-го ранга, последнее место службы до войны 49 осб 10 А. ЦАМО. УПК, шкаф 191, ящик 23: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70008014186>
5. Справка подписана командиром 499 МСБ 13 СДНО военврачом 2-го ранга А.И. Слободчиковым.
6. Врача Богданова и некоторых других знакомых М.В. Яковенко по плену невозможно точно идентифицировать по документам из Объединенной базы данных «Мемориал» в связи с недостаточностью данных в книге воспоминаний. Хотя в целом при поиске по запросу в поисковике, например, «военврач Яковенко Мстислав» база выдает небольшое количество вариантов, среди которых можно выбрать правильный вариант по ФИО, возрасту, месту рождения или жительства, званию и воинской части и т. д. В данном случае с М.В. Яковенко вариант вообще только один, т. е. чем больше признаков для поиска, тем он будет более легким и точным. При недостатке же данных, как, например, при поиске «военврач Богданов», получаем не менее четырех вариантов. Один из них верный, но какой именно, установить невозможно.
7. Описание лагеря «Южный» полностью соответствует отчету коменданта Dulag 240: ВА/МА. RH. 49/78.
8. Имеется в виду госпиталь военнопленных в двух зданиях фельдшерской и акушерско-гинекологической школ на Киевском шоссе. Он, действительно, находился недалеко от лагеря «Южный», по прямой около 500 м.
9. Петров Александр Прохорович, 1896 г.р., Татарская АССР, Рыбно-Слободский р-н, с. Новые Починки, призван Алексеевским РВК, военврач 2-го ранга 105 мсб 18 сд 43 А. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1290: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3561117/>. Впоследствии А.П. Петров стал другом М.В. Яковенко.
10. Братское кладбище возникло в Смоленске в самом начале Первой мировой войны, в ноябре-декабре 1914 г. На месте мемориала, по справке Администрации Промышленного района г. Смоленска, до войны располагались братские могилы воинов 1-й мировой и Гражданской войн.
11. Новохацкий Николай Петрович, 14.10.1891, урож. Сталинградская обл., г. Сталинград, ст. военфельдшер, 196 медсб, в Красной Армии с 07.1918, пропал без вести 07.1941. ЦАМО. Шкаф 149, ящик 3: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70010287622>
12. Попов Федор Павлович, 1889 г.р., урож. г. Сталинград, призван Ворошиловским РВК, Сталинградской обл., Ворошиловского р-на, военврач 2-го ранга, 276 обс 129 сд, умер от ран 29.07.1941, место захоронения – Смоленская обл., Кардымовский р-н, ст. Кардымово. ЦАМО. Ф. 58. Оп. Н-18005. Д. 15: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73345918>; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 6: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3218011>. Попов Федор Павлович, военврач 2-го ранга, попал в плен 06.08.1941, 15.09.1943 из плена бежал и вышел к частям Красной Армии (освобожден). ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 260: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74194992>
13. Сергеев Григорий Алексеевич, 1905 г.р., урож. Псковская губ., Порховский уезд, Башковский уезд, д. Золушки, призван в 1929 г., последнее место службы – окружной Минский военный госпиталь, военврач 2-го ранга, пропал без вести в 1942 г. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 899: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=72390101>
14. Бывшее здание фельдшерской школы по Киевскому шоссе, ныне в нем размещается Смоленский областной клинический госпиталь для ветеранов войн, ул. Гагарина, д. 25.
15. Бывшее здание акушерско-гинекологической школы по Киевскому шоссе, ныне корпус Смоленской областной больницы по ул. Гагарина, 27-1.
16. Суржанинов Сергей Александрович, 1908 г.р., урож. Смоленская обл., г. Белый, военврач 2-го ранга, сан. див. 149 сд, попал в плен 02.08.1941 (освобожден). РГВА: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=579893455>
17. Врач скромно отметил это обстоятельство. Сам болел, но лечил других!
18. Молчанов Владимир Иванович, 1890 г.р., урож. Рязанская обл., Зарайский р-н, с. Столпово, военврач 3-го ранга, погиб (пропал без вести). ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594260. Д. 130: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75980989>; <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74863002>
19. Из приказа войскам 32-й армии по личному составу от 26.09.1941 №057/л: Начальник санитарной службы 49-го отдельного строительного батальона ПРИБОВО военврач 2-го ранга Слободчиков Александр Иванович – командиром 499-го отдельного медико-санитарного батальона 13-й стрелковой дивизии. Рождения 1897, русский, б/п, служащий. В Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны и боев у озера Хасан. В царской армии служил 2 года и 10 месяцев в должности медфельдшера. В Белой армии не служил. Наград не имеет.
20. В книге врача М.В. Яковенко дата смерти Александра Ивановича Слободчикова не указана, но по тексту она случилась в эпидемию тифа, в период с середины января 1942 г. и до первых весенних дней 1942 г., т. е. дата 19.02.1942 входит в этот период. Про захоронение А.И. Слободчикова в книге нет упоминаний, так как врач Яковенко лично в захоронениях не участвовал. Но по сложившейся в лазарете практике умершие от сыпного тифа зимой 1941-1942 гг. хоронились на лазаретном кладбище, которое он отметил на своей схеме. Ныне это братская могила по проезду Маршала Конева.
21. Кандиано Виктор Михайлович, 1915 г.р., урож. Воронежская обл., Щучинский р-н, с. Щучье, призван Борисоглебским ГВК, Воронежская обл., г. Борисоглебск в 1937 г, лейтенант, 233 иап 24 иак ПВО, погиб 03.10.1941 (ЦАМО. Учетно-послужная карточка, шкаф: 95, ящик: 11: https://pamyatnaroda.ru/heroes/kId-card_uchet_officer8944998). Кандиано Виктор Михайлович, 1915 г.р., призван Ленинским РВК, Московская обл., г. Москва, 233 иап корп. ПВО, лейтенант, попал в плен 04.10.1941 (освобожден) (ЦАМО. Ф. ФЗСП и АЗСП. Оп. 359 ЗСП. Д. 30038: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=85484393>). Кандиано Виктор Михайлович, 1915 г.р., шталаг Люфтваффе 2, регистрационный номер 65 (ЦАМО. Ф. Картотека военнопленных офицеров: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=272144133>). На основании 16 документов в ОБД «Мемориал» и упоминания о Кандиано военврачом М.В. Яковенко можно сделать следующий вывод: запись о В.М. Кандиано в УПК – «Погиб при штурмовке войск противника на реке Десна. Упал на территорию противника, Смоленская область, Ельнинский р-н, р-н реки Десна, 3 октября 1941 года» – неверна. В реальности, по записям в документах о плене, он не погиб, а попал в плен 4 октября 1941 г. в Смоленской области. Раненым оказался в лазарете Дулага 126 в Смоленске, где впоследствии его лечил от сыпного тифа военврач Яковенко. После выздоровления Кандиано был этапирован в шталаг Люфтваффе №2 в Лицман-

штадт (ныне г. Лодзь). Прошел и концлагерь Дахау. Выжил там, был освобожден. Воспоминания Яковенко добавляют недостающие в документах ОБД сведения о летчике, что служит еще одним подтверждением их достоверности. Очень подробные сведения о В.М. Кандиано даны на сайте Борисоглебского ВВАУЛ им В.П. Чкалова, но о Смоленске там сведений нет: <http://www.bvvaul.ru/profiles/6131.php>

22. Латун Борис Афанасьевич, 1910 г.р., Харьковский РВК, Украинская ССР, Харьковская обл., Харьковский р-н, 465 обс 127 д, рядовой, попал в плен 05.08.1941 в р-не Соловьевой переправы (освобожден). ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1413: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=65609328>

23. Здесь «Дурнов», а далее по тексту фамилия написана и как «Дурнов», и как «Дурнев». Эта ошибка сделана в печатной версии книги, хотя в оригинальных записях военврача Яковенко, предоставленных автору данной статьи его внучкой О.И. Яковенко, фамилия четыре раза написана как «Дурнев». Но в ОБД «Мемориал» военврач Дурнев не встречается. Зато в ОБД имеется военврач 3-го ранга Дурнов Михаил Акиндинович, 1907 г.р., урож. Ленинградская обл., Череповецкий р-н, призван в 1932 г., ЗапФ 49 кап 44 ск, военврач 3-го ранга, пропал без вести между 10.1941 и 12.1941 в Смоленской обл. (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 97: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3256283>). Однозначно можно утверждать, что именно он был в лазарете военнопленных в Смоленске начальником 2-го корпуса!

24. Мерейнес Лев Маркович, 1897 г.р., военврач 2-го ранга, главный армейский хирург 32 А, пропал без вести в 1941 г. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 64: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75941411>; <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=86831732>; <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74152411>

25. Газваген (нем. Gaswagen – газовый автомобиль), он же «душегубка», – специально оборудованный автомобиль для уничтожения гражданского населения и военнопленных путем отравления их выхлопными газами. В данном случае описано его использование для уничтожения евреев – военнопленных из лазарета Дулаг 126.

26. Денисов Василий Яковлевич, 1921 г.р., 1190 сп 357 сд, военврач, попал в плен 15.07.1942 (освобожден). ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 599: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=72390831>

27. Востриков Георгий Яковлевич, 1913 г.р., призван Львовским ГВК, Курская обл., г. Льгов, п/п 338, старшина медслужбы, пропал без вести с 11.1942. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 337: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=61321380>

28. М.М. Казимиров в своих воспоминаниях приписывает подготовку и создание условий для побега Семеновскому, но, как видно, это не так. Казимиров пересказывает события с чужих слов, так как он не был участником побега, а Яковенко рассказывает от первого лица, как непосредственный участник событий.

29. Ширяев Николай Михайлович, военврач 3-го ранга, ЗапФ омсб 229 сд 783 сп, пропал без вести 04.08.1941 в Смоленской обл. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 28: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3282930>

Ширяев Николай Михайлович, 1897 г.р., военврач 3-го ранга, командир взвода омсб 229 сд ЗапФ, репатриирован из немецкого плена, спецпроверка в 1 зсп. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 37: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74895219>

30. Штыкалев Георгий Федорович, 1897 г.р., урож. Смоленская обл., Краснинский р-н, д. Кузнецово, призван Дзержинским РВК, Московская обл., г. Москва, Дзержинский р-н, военврач 2-го ранга 6-й див., попал в плен 10.10.1941 (освобожден). РГВА: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79994230>

31. Шипов Павел Амплеевич, 02.09.1891, урож. Ярославская обл., Буйский р-н, с. Брызгалово (с. Брызглово), призван в ноябре 1918 г., военврач 3-го ранга, 23-я отд. рота мед. усил., пропал без вести 10.1941. ЦАМО. Шкаф 234, ящик 29: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70011745473>; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 635: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74638164>

32. Штоклянд Исаак Яковлевич, 1887 г.р., урож. г. Гродно, военврач 2-го ранга, 19 сд, пропал без вести в 1941 г. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 64: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75941248>

33. Амеличев Дмитрий Петрович, 1898 г.р., урож. Калужская обл., г. Жиздра, призван Ленинский РВК, Курская обл., г. Курск, Ленинский р-н, 80 автомоб. хирург. отряд 19 А, военврач 3-го ранга, попал в плен 12.10.1941 под Вязьмой (освобожден). ЦАМО: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=85475088>

34. Ступин Алексей Матвеевич, 1913 г.р., урож. Дальневосточный край, г. Спасск, призван в 1941 г. Свердловским РВК, Горьковская обл., г. Горький, Свердловский р-н, ИГ 820, военврач 3-го ранга, пропал без вести 19.09.1942. ЦАМО. Шкаф 200, ящик 4: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70005419335>

35. Кулаков Леонид Филиппович, 1909, ппг 506, зубной врач, пропал без вести в 1941 г. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 75: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=9311337>

36. Орлов Алексей Федорович, 1889 г.р., Краснодарский край, г. Краснодар, 19 А, военврач 1-го ранга, попал в плен (освобожден). ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1590: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67375311>

37. Алейников Федор Алексеевич, 1898 г.р., Туркменская ССР, Чарджоуская обл., Чарджоуский р-н, госпиталь 2294 11 кк 39 А, военврач 2-го ранга, попал в плен (освобожден). ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1590: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67375310>

38. Пестяков Иннокентий Константинович, 1892 г.р., урож. Красноярский край, г. Енисейск, призван Молотовским РВК, Кировская обл., г. Киров, Молотовский р-н, военврач 3-го ранга, 39 А 52 окшр, попал в плен 19.07.1942 (освобожден). РГВА: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79733066>; Пестяков Иннокентий, военврач 3-го ранга, 39 А 52 окшр, пропал без вести 07.1942 в Калининской обл., Шиздрово, в районе. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 765: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=3049457>

39. Сумароков Александр Васильевич, 1918 г.р., г. Москва, 561 сп 91 сд 19 А, военврач, попал в окружение 10.1941 (освобожден). РГВА: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=579893191>

40. Левыкин Иван Григорьевич, 1894 г.р., урож. Смоленская обл., Ельнинский р-н, м. Починок, 277 ОМСБ, военврач 3-го ранга, пропал без вести до 10.1941. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 595608. Д. 7: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74510046>. Он же, но фамилия в двух документах написана с ошибкой (лишняя буква «ш»): Левышкин Иван Григорьевич, 1894 г.р., прож. г. Москва, пер. 1-й Трехпрудный, 11/13-206, последнее место службы ЗапФ 248 сд, военврач 3-го ранга, пропал без вести между 10.1941 и 12.1941 в Смоленской обл.: ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 107: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=4657091>; ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 21: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73771075>

Лагерь военнопленных в Смоленске. Предположительно Дулаг 126. Конец лета 1941 г.

ВОСПОМИНАНИЯ РОДСТВЕННИКОВ ПОГИБШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

23 февраля 2022 г. в главное управление Смоленской области по делам молодежи и гражданско-патриотическому воспитанию группой краеведов и родственников было направлено обращение. Приведем лишь малую его часть:

«По поручению инициативной группы родственников более 8000 воинов, погибших при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны в 1941-1943 гг., а точнее, попавших в немецкий плен и умерших в лазарете военнопленных немецкого лагеря Дулаг 126 в г. Смоленске, захороненных тогда рядом с лазаретом, а ныне в братской могиле №16-19 по пр. Маршала Конева в г. Смоленске, довожу до Вашего сведения следующее. Нами, т.е. инициативной группой родственников, проведена архивно-исследовательская работа, результатом которой стало уточнение принадлежности списка умерших лазарета военнопленных в количестве свыше 8000 чел. и доказана четкая взаимосвязь между этим списком и воинским захоронением №16-19 по пр. Маршала Конева в г. Смоленске».

К такому выводу краеведы и родственники пришли, внимательно изучая журнал умерших военнопленных Красной Армии, по ошибке причисленных к лагерю военнопленных №352 в г. Минске.

Ниже приведены лишь краткие описания жизненных судеб солдат из этого списка, чьи родственники уже найдены и которые поделились с нами тем, что они знают о своих предках.

Василий Сидорович Волонцевич

Со своей семьей жил в оккупированном Ярцеве, где также отдельно проживала одна из его дочерей (моя бабушка, Федоренкова А.В., с детьми). Василий Сидорович работал в ярцевской «богадельне» (так ее называют местные, она и сейчас там есть – Дом инвалидов). Не могу утверждать, что там находилось во время войны, но

прадед там работал каким-то подсобником.

Начальник (завхоз) дал ему свои документы, чтобы он на лошади привез продовольствие. Во время этой поездки в лесу Василия Сидоровича задержали немцы и, обнаружив два удостоверения личности, арестовали. Возможно, решили, что он связан с партизанами. А возможно, так оно и было.

Прадеда отвезли в Смоленск, в лагерь для военнопленных. Об аресте узнала дочь Василия Сидоровича, в доме которой были расквартированы немцы. И Анна Васильевна Федоренкова (Волонцевич) пешком отправилась из Ярцева в Смоленск, ведя с собой корову для выкупа отца из лагеря. Дойдя до Смоленска, Анна Васильевна узнала, что отца расстреляли накануне. Ему было 54 года.

«Шла долго, целый месяц!» – так говорила бабушка, имея в виду не только дорогу, но и время, которое прошло, пока стало известно об аресте отца и пока семьей решали, что делать. Она винила себя, что не успела.

Согласно официальным документам, размещенным в ОБД «Мемориал», Василий Сидорович погиб в Шталаге 352 под Минском и похоронен там же. Однако из отчета коменданта лагеря Дулага 240 следует, что гражд-

данских лиц, попавших в лагерь военнопленных, в места постоянного содержания (шталаги) не вывозили. На самом деле, В.С. Волонцевич умер в инфекционном отделении смоленского лазарета 21 апреля 1942 г.

Александр Иванович Слободчиков

Родился в 1897 г. Служил военным врачом 2-го ранга, был командиром 499-го отдельного медико-санитарно-

го батальона 13-й стрелковой дивизии. Умер от сыпного тифа в лазарете военнопленных на территории города Смоленска.

Андрей Никандрович Томилов

Родился в 1913 г. и проживал в селе Майорова Сладковского сельского совета Слободо-Туринского района Свердловской области. Призван на второй день войны, 23 июня 1941 г., Слободо-Туринским райвоенкоматом в 49-й стрелковый полк 50-й стрелковой дивизии рядовым. На этот момент у них с женой Марией Мефедьевной было уже четверо детей.

Жена получила письмо от него с обведенной карандашом ладонью без одного пальца. Полевая почта ППС 0833. В ноябре 1941 г. было получено сообщение от командира о про-

пже без вести Андрея Никаноровича. Сообщалась, что пропал при форсировании р. Днепр.

Уже в XXI веке родственники нашли информацию об Андрее Никандровиче в документах немецкого штаба.

Серафим Петрович Чумаков

1907 г. рождения. Красноармеец. Воевал в составе 256-й стрелковой дивизии 39-й армии Калининского фронта, полевая почта ППС 880, дивизион интенданства. Был ранен, попал в плен в «котле» под Вязьмой.

Родственниками в архивах была найдена страница из немецкой лагерной лазаретной книги, где были указаны его данные, а также дата и причина смерти.

Умер в плену 16 октября 1942 г. от истощения. Захоронен в братской могиле на территории лазарета лагеря.

По результатам поиска поисковой группы «Смоленск БМ» было установлено, что местом захоронения является территория бывшего лагеря военнопленных Дулаг 126 на территории города Смоленска, а вовсе не в деревне Масюковщина под Минском, как указано в официальных сведениях.

Андрей Дмитриевич Коноплев

До войны работал в колхозе в г. Можга (Удмуртская АССР), ушел на

фронт в самом начале разразившейся войны. Родившаяся в 1942 г. младшая дочь отца уже не увидела. Он пропал без вести в декабре 1941 г.

Дмитрий Артемьевич Атаманов

Мой дедушка по отцовской линии родился 29 мая (11 июня по н. ст.) 1905 г. в селе Хохлово Ардатовского района Горьковской области (ныне Нижегородская область). Родился дед в многодетной крестьянской семье, где было шестеро детей, Дмитрий был пятым ребенком.

7 февраля 1925 г. вступил в брак с Филимоновой Марией Ивановной, 1907 г.р. Растили пятерых детей. Дмитрий Артемьевич был отменным кузнецом, перед войной работал в соседнем селе Сыресево, затем – в деревне Коробино. Но все разрушила война, принесла беду в их теплый дом.

Атаманов Д.А. был призван на военную службу по мобилизации 30 июня 1941 г. Ардатовским РВК Горьковской

области. Выбыл из Ардатовского РВК в составе команды в распоряжение командира 94-го запасного стрелкового полка в город Арзамас. Старший команды – Самарин Анатолий Васильевич. Там дед находился чуть больше месяца, до отправления на фронт – 4-5 августа 1941 г.

Кто-то из хохловских, побывав там, рассказал бабушке, как живут призывники, и она, собрав кое-что из еды, отправилась к нему на свидание. Все ноги у Дмитрия Артемьевича были изодраны в кровь – обувь была никудышная, обмундирования и обуви у солдат не было до самого отправления на фронт. Его жена последний раз к нему ходила в Арзамас в начале августа: второго-третьего числа, а четвертого солдаты узнали, что их отправляют на фронт. Больше Мария Ивановна своего мужа никогда не видела. Это была последняя их встреча и прощание.

Внучка, Татьяна Тодрия. ХМАО-Югра. 2022 г.

Сборный пункт военнопленных. Смоленская область. 1941 г.

Служил Атаманов Д.А. в 1003-м стрелковом полку 279-й стрелковой дивизии (1-го формирования), в 3-й роте, Брянский фронт. Воинское звание: красноармеец, должность: стрелок.

Последнее письмо от дедушки своей жене было датировано 24 августа 1941 г. А в предпоследнем письме от 8 августа были такие строки: «...Прибыли на линию огня, километров сто от Брянска...»

До недавнего времени (по документам ОБД «Мемориал») дед считался пропавшим без вести в октябре-ноябре 1941 г. Источник: ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 669. Донесение №78642-20.09. 1946 г. Но, по словам внучки Атаманова, существовала семейная история, что Дмитрий Артемьевич погиб в плену. После войны к жене Атаманова Д.А. приходил земляк, Петр Андреевич Жаворонков, житель села Хохлово, и сообщил ей, что он вместе с ее супругом был в плену, находился с ним в одном бараке. Жаворонкову удалось совершить побег из лагеря. Дедушка был очень слаб: от изнурительного труда, постоянного холода, голода, антисанитарии и болезней утром не смог идти на принудительную работу. Военнопленные долбили мерзлую землю. Перед смертью он слеп. «Ноги мои не идут и света вольного не вижу», – таковы последние слова своему земляку-односельчанину. И еще дед попросил низко поклониться своей жене и детям, если тот выживет. А когда Жаворонков вернулся в барак, дедушки на месте уже не было.

Мертвым деда односельчанин не видел. Это произошло 21 ноября 1941 г. Но, к сожалению, в какой стране, в каком именно лагере происходили эти страшные события, родственникам известно не было. Именно этот день, 21 ноября, в семье считался днем поминовения Дмитрия Артемьевича.

В 2016 г. на сайте ОБД «Мемориал» фамилия дедушки была обнаружена в списках умерших в лазарете военнопленных под Минском – Шталаге 352. Фамилия деда в списке искажена, как Стаманов Д.А. Источник: ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. Донесение №17179-06.02.1945 г.

Группе экспертов-энтузиастов удалось доказать, что эти списки умерших под Минском на самом деле относятся к жертвам другого лагеря – лазаретному захоронению в Смоленске по проезду Маршала Конева.

Теперь мы знаем, что погиб наш дед в Смоленске, в лагере советских

военнопленных и захоронен рядом с ним (ныне мемориал на Маршала Конева), где покоятся 30 тысяч без вести пропавших солдат. У нас, родственников, сомнений в том, что этот список умерших принадлежит Смоленскому захоронению, нет.

Эти строки посвящаются всем, кто был в плену: погибшим и вернувшимся, испившим до дна горькую чашу войны...

Сражались на полях войны ребята,
В боях стояли насмерть за страну,
Салют победный дать из автомата
Им не пришлось: их мучили в плену.
Нелепо упрекать за плен солдата,
Плен ставить ему в смертную вину,
Война в потерях страшных

виновата,

Что оказались многие в плену.
Попали в плен они на поле боя,
Сражались за свободу и народ,
Изведали в плену судьбу изгоя,
Ответ держали за чужой просчет.
То захлебнулась под огнем атака,
Под градом пуль упал на землю
взвод,

Не покидала их в бою отвага,
Все смело шли за Родину вперед.
И пленные сражались для победы,
Заплачена огромная цена,
Прошли сраженья, раны,
боль и беды.

Для всех солдат Победа ведь одна!

Низкий поклон всем, кто выжил, погиб в плену, кто сложил голову на поле боя или пропал без вести в Великой Отечественной войне!

Подготовила Дарья Рассказа
(г. Смоленск)

Колонна военнопленных на ул. Фрунзе. Конец лета 1941 г.

ЭТО ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Воспоминания бывшего узника лагеря Dulag 126 Михаила Михайловича Казиминова

В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (бывшем партийном архиве) хранится очень интересный документ – воспоминания М.М. Казиминова¹, командира Красной Армии, попавшего в плен в районе Можайска в октябре 1941 г., этапированного в смоленский пересыльный лагерь военнопленных Dulag 126, пробывшего там практически все время оккупации и бежавшего во время эвакуации лагеря в сентябре 1943 г. Как следует из архивных документов, эти воспоминания были созданы в 1963 г. в ходе переписки с научным сотрудником Партийного архива Смоленского обкома КПСС Леонидом Васильевичем Котовым², автором многочисленных публикаций о смоленских партизанах и подпольщиках. Блок документов состоит из собственно воспоминаний и нескольких писем, в которых М.М. Казиминов по просьбе Л.В. Котова уточняет и дополняет исходный текст.

Эти воспоминания ранее никогда не публиковались, они содержат много интересной информации, хотя и используют идеологические штампы и написаны в несколько патетическом стиле, нарочито подчеркивающим патриотизм М.М. Казиминова и его товарищей по плену, их непримиримость и нежелание сотрудничать с немецкими захватчиками, их агитационную работу, связи с подпольщиками, организацию побегов товарищей, причем как-то особо выделяется работа по разоблачению немецкой версии расстрела польских офицеров в районе Катыни.

Такой стиль изложения можно понять. В годы войны к попавшим в плен относились практически как к изменникам Родины. Мало того, что они должны были пройти фильтрационную проверку, так еще дальнейшую службу продолжали в штурмовых батальонах³, которые являлись несколько смягченным вариантом печально известных штрафбатов. И только испутив вину кровью или доблестью, полностью восстанавливались в правах и продолжа-

ли службу в обычных частях. Но даже после войны к бывшим военнопленным было настороженное отношение. Заполняя анкеты, они должны были указывать, что находились в плену. С такой анкетой во многие места просто невозможно было устроиться на работу. Фактически им долгое время, начиная с фильтрационной проверки, приходилось доказывать, что в плену они ничем себя не запятнали. Наверняка следователи задавали им массу вопросов, в том числе и о том, что было слышно о Катынском расстреле. Многократное возвращение к этой теме, вероятно, и создало более поздние наслоения, которые нашли свое отражение в воспоминаниях. Это, увы, вполне типичное явление для мемуаров, и его приходится учитывать при работе с воспоминаниями как с историческим источником.

Для этой публикации исходный текст воспоминаний существенно переработан в плане компоновки, многие абзацы пришлось менять местами, добавлять информацию из уточняющих писем. Текст также подвергся существенной литературной обработке, при полном сохранении его содержания смысла и авторской стилистики. Неверное написание фамилий там, где ошибка очевидна, исправлено.

Немного об авторе воспоминаний. Михаил Михайлович Казиминов⁴ родился 07.11.1914 г. в селе Балхуны Владимирского района Астраханской области. Призван на воинскую службу 20.11.1932 г., поступил в военное училище. Войну начал старшим лейтенантом. После освобождения из плена героически воевал, дважды был ранен, награжден медалью «За оборону Москвы» (24.07.1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги» (06.11.1945). После войны награжден орденом Красной Звезды (07.05.1970) и орденом Отечественной войны I степени (06.04.1985).

С.А. Амелин

Бои на Московском направлении

В 1936 году я окончил Омское объединенное военно-техническое училище им. М.В. Фрунзе⁵. Присвоили военное звание «лейтенант» и отправили служить на Дальний Восток в 17-й стрелковый полк 32-й стрелковой дивизии. В составе этой дивизии наш стрелковый полк в 1938 г. участвовал в боях в районе озера Хасан.

В дни вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину 32-я стрелковая дивизия в августе 1941 г. выехала с Дальнего Востока

на Запад, на Волховский фронт. В это время я занимал должность адъютанта старший (начальник штаба)⁶ 2-го стрелкового батальона 17-го стрелкового полка. В районе Волхова наш полк вел оборонительные бои в течение сентября месяца 1941 г.

Когда фашистская армия сосредоточила силы с задачей нанести удар на Москву, в конце сентября 1941 г. 32-я стрелковая дивизия была перебросена в Можайск, где вела тяжелые бои на знаменитом Бородинском поле. Почитать о том, как батальон, которым я командовал, вел тот бой,

можно во фронтовых очерках Михаила Брагина «На Бородинском поле»⁷: «Батальон погибал, но не отходил, а политрук 5-й стрелковой роты тов. Иляшенко⁸, чтобы не попасть живым в плен к фашистам, скомандовал: „Командир взвода, огонь по мне!“»

В этих тяжелых боях я был тяжело ранен и оказался в плену у фашистов. Примерно с 13 октября 1941 г. начались страшные мучения плена, но я верил в силы советского народа, верил, что фашизм будет раздавлен.

В городе Можайске примерно 16 октября 1941 г. фашисты собрали

Колонна военнопленных. Смоленская область. Осень 1941 г.

около 3 тысяч военнопленных и этапом погнали в направлении города Гжатска. Гнали фашисты всех: и раненых, и здоровых. Как только вышли за черту города, так конвой фашистов начал отстающих раненых расстреливать. Дороги покрылись трупами. В районе деревни Уваровка стало смеркаться, переводчик сообщил, что немецкое командование подготовило ночлег и ужин для русских военнопленных. А когда совсем стало темно, со всех четырех сторон загорелись фары. Когда рассмотрели, оказалось, что это фашистские танки оцепили нас кольцом и стали охранять. Что характерно в этой охране: фашисты начинали с танков вести огонь из пулеметов и пушек по военнопленным, если те пересекали луч прожектора и фар⁹.

Вы представляете, что масса людей в три тысячи бросалась то в одну, то в другую сторону, а там фашистские изверги открывали огонь. Эта Варфоломеевская ночь истребила около 700-800 военнопленных. Погода в это время была холодная: снег, дождь и т.д.

На другой день, только начало светать, фашисты продолжали конвоировать военнопленных, они торопились, чтобы мы не рассмотрели, сколько людей было уничтожено за ночь.

Колонна военнопленных тронулась, и путь до города Гжатска усти-

лся трупами военнопленных. Мало того, что конвой расстреливал всех отстающих, но еще пришли на помощь фашистские танкисты, которые сидели на башнях танков и стреляли в двигавшуюся колонну.

В районе г. Гжатска был лагерь военнопленных. В нашей колонне из 3000 человек на место прибыло примерно 1500. Стало темнеть, нас загнали в лагерь, который был опутан в четыре-шесть рядов колючей проволокой. В этом лагере было два барака. Оба они были забиты ранеными, а здоровые находились на дворе. Всего военнопленных было примерно 6-7 тысяч.

Дождь и холод заставили часть военнопленных залезть на чердак бараков. Я вместе с контуженным начальником штаба 17-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии тов. Бородиновым Е.¹⁰ тоже от холода и дождя забрались на чердак и расположились около слухового окна. Примерно в 23:00 потолок барака обрушился на раненых, поднялся ужасный крик, а фашисты начали стрелять из пулеметов зажигательными пулями и бросать гранаты в барак. Барак деревянный вспыхнул, как спичка, и сгорел вместе с ранеными.

Утром рано прибыл новый конвой фашистов. Срочно вывели всех военнопленных, кто мог двигаться, и этапом погнали в г. Вязьму. Колонна бы-

ла примерно 4,5-5 тысяч. Метод фашистского конвоя был такой же, как и прежде, т.е. всех отстающих расстреливали на месте. Путь от Гжатска до Вязьмы был усеян трупами. До места назначения добралось примерно 3-4 тысячи военнопленных.

Как только наша колонна вступила в г. Вязьму, нам бросилась в глаза ужасная картина: кюветы забиты трупами гражданского населения, среди них и дети. Нас загнали в здание нового, недостроенного, хлебозавода.

В лагере военнопленных в г. Вязьме (хлебозавод)¹¹ скопилось примерно тысяч 9-10 военнопленных, это был ад. Холод, голод, воды нет. Немцы привезут бочку воды, поставят на середине лагеря, военнопленные кинутся на бочку, чтобы глоток воды достать, а фашисты открывают по ним огонь из пулеметов. В отношении баланды-пищи и думать не приходилось.

Мы вместе с тов. Бородиновым прожили в этом аду два дня, потом пошли к русскому коменданту и сообщили, что мы командиры Красной Армии. Он сразу перевел нас в лагерь командного состава в другое здание, на чердак. Это было в конце октября месяца.

Через день нам объявили, что отправят на машинах в Смоленск. Нас вывели на шоссе, идущее в этот город, но машин не было. Мы ждали в овраге, где и увидели около 80-100 человек замерзших военнопленных, а когда присмотрелись, то обнаружили, что они были расстреляны в затылок. Немцы нас сразу вернули в лагерь, а через два дня все-таки погрузили на машину и отправили в г. Смоленск.

Первые дни в Смоленске

Примерно 1 ноября 1941 года мы оказались в г. Смоленске в лагере военнопленных, который размещался в подвале педагогического института¹². Здесь нас стали кормить, давали примерно 200 грамм хлеба и кружку баланды, но эта пища не обеспечивала питание даже наших вшей, которые грызли нас. Командного состава в этом подвале было примерно 80-120 человек. Вши заедали, началась дизентерия, распространялся сыпной

тиф, отдельные товарищи стали умирать.

Я познакомился с одним интендантом, тов. Шумковым, и мы с ним решили уйти из лагеря на какие-нибудь работы. На наше счастье, пришел русский полицейский и взял нас дрова пилить в какой-то штаб воинской части. Проработав там до 15 декабря 1941 года и избавившись от вшей, голода и холода, мы решили бежать, но нас кто-то из военнопленных предал.

Фельдфебель Краузе избил меня и тов. Шумкова палкой, и нас посадили в отдельные камеры. Немцы-охранники жестами показывали, что как только солнце скроется, так нас расстреляют.

Солнце село, и мы под конвоем отправились в лагерь военнопленных №126¹³, где нас с тов. Шумковым посадили в бункер. В бункере сидело еще четыре человека, которых в 5 часов утра увели и расстреляли. Нам оставалось ждать утра следующего дня.

В лагере №126

В 12 часов дня бункер открыли, нас прикладами выгнали и повели в комендатуру, где переводчик спросил: «Что, вы офицеры?» Мы ответили «да» и с конвоем были отправлены в барак для военнопленных офицеров. Переночевали там, и нас начали вербовать в Русскую освободительную армию, к Власову¹⁴.

Мы с товарищем Шумковым отказались, а на третий день сбежали из барака офицеров и устроились работать – строить баню с дезкамерой для военнопленных. Возглавлял строительство тов. Шацкий И., зав. баней, а инженером был тов. Семеновский Виктор, он же и прораб.

Во время строительства в лагере №126 бани с дезкамерами¹⁵ нам удавалось под конвоем выходить из лагеря за песком. Выход был таков: 6-8 человек запрягаются в двуколку¹⁶ и «едут» за глиной и песком. В это время нам удавалось общаться с населением, у которого мы узнавали, как они живут и как немцы относятся к ним. Собрав такие сведения, мы делились ими с военнопленными, которые работали на строительстве бани. Параллельно с этим рассказывали населению, что в лагере №126 во-

еннопленные находятся в ужасных условиях, ежедневно умирает по 80-100 человек, свирепствует дизентерия, сыпной тиф. Немцы и полиция на глазах избивают и убивают дубинками военнопленных. Чтобы получить кружку баланды, ты должен был пройти через полицаяв, которые били резиновыми палками военнопленных. Некоторые, особенно больные, сразу после ударов теряли сознание, а полиция открывали водопроводные люки, сбрасывали их туда вниз головой и закрывали люк. В общем, живьем хоронили.

Примерно числа 10 января 1942 года мы закончили строительство бани и дезкамеры. Штат бани был приблизительно таков: заведующий баней тов. Шацкий; врач бани Иван Иванович (фамилию не помню), инженер бани тов. Ибрагимов, прораб бани тов. Семеновский В., старший слесарь тов. Юрьев Алексей и с ним 4 слесаря.

Начали пропускать через баню и дезкамеру военнопленных. Вот здесь мы увидели, какую цивилизацию немцы несут на Восток. Мимо нас проходили живые трупы, т.е. на кости натянута только кожа, человек был покрыт вшами, одежда, начиная с белья и кончая шинелью, также была покрыта вшами. Парикмахеры стригли волосы у военнопленных, а с ножниц текла кровь.

Мы принимали одежду и помещали ее в дезкамеру, чтобы убить вшей, а военнопленных пропускали в баню. Через 20-30 минут уже с другой стороны вынимали одежду из дезкамеры и выдавали военнопленным.

Числа 15 февраля 1942 года я заболел сыпным тифом, меня положили в изолятор, а на другой день отправили в лагерь смерти. Так называли лагерь, который был расположен в городе у оврагов, примерно 2-3 километра от лагеря №126 вглубь города Смоленска¹⁷. Помню только, что этот лагерь обнесен колючей проволокой и людей почти не видно было, а когда меня завели в барак, то нары были забиты больными военнопленными, и в коридоре лежало 15-20 трупов. Меня положили на вторые нары, где я пробыл примерно 10 суток. Короче говоря, я лежал среди трупов. Мне стало легче, но болезнь отразилась на ступнях, т.е. я не мог двигаться, пришлось

ползать на коленях к параше и к санитару за баландой.

Я стал думать, как же уйти из этого кошмара и попасть обратно в лагерь №126. Поговорил с санитаром (помню, что он был из г. Ростова-на-Дону), он узнал, что через день будут отправлять военнопленных в лагерь. Но только тех, кто ходил на ногах, а я ползал. Тогда я попросил санитаря барака, чтобы он сказал коменданту лагеря, что у него офицер в бараке.

Комендант на другой день выстроил человек 8-10 военнопленных для отправки в лагерь №126 и приказал им взять меня под руки и вести. Когда я повис у них на плечах, то попросил не бросать меня, потому что немцы сразу расстреливали больных на месте. Преодолевая собственную боль, военнопленные все же проявили сердечность ко мне, и мы благополучно достигли лагеря.

Нас сразу отвели в баню. Меня там ребята узнали, обрадовались, что я вернулся живой из лагеря смерти и уговорили тов. Шацкого и тов. Семеновского оставить меня в бане. Я у них провалялся 4-5 дней на нарах, ноги и ступни начали отходить. Стал передвигаться, держась за стенку, и вышел на работу дезинфектором.

Через баню и дезкамеру мы пропускали всех военнопленных лагеря №126, и здоровых, и больных. Чувствовалось, что баня и дезкамера оказали большую помощь военнопленным по уничтожению вшей, но голод и холод в бараках, а также дизентерия косили военнопленных страшно. Особенно в бараках, где лежали больные. Похоронная команда не успевала вывозить трупы на братские могилы, которые были вблизи лагеря №126. Примерно 70-100 человек ежедневно погибали. Трупы военнопленных складывали штабелями, как дрова, в ямы, размером около 10x20 м и глубиной по 4 м. Таких ям было примерно 10.

Приблизительно в апреле 1942 года через баню и дезкамеру стали пропускать военнопленных, которые работали в отдельных хозяйствах, гражданское население, которое угоняли в Германию, а также вновь прибывающих военнопленных.

Все работники бани, дезкамеры и санитарной части, которая находилась

при бане, интересовались вопросами, как и где стоит фронт, какие успехи Красной Армии, особенно на центральном фронте, где и как действуют партизаны, как действует корпус тов. Белова и т.д.

За эти вопросы тов. Шумкова из прачечной немцы увели, и больше мы его не видели. Этот факт нам подсказал, что нужно смотреть в оба, среди нас есть стукачи. Тов. Шацкий сделал пересортировку среди дезинфекторов и прачек и некоторых из них заменил. В бане вроде создался коллектив хороший, настоящих патриотов, которые жили думами о Родине, старались всеми средствами как можно больше спасти жизней военнопленных.

При работе в грязном отделении дезкамеры я нашел клочок топографической карты района г. Белого Смоленской области, где была нанесена линия фронта и расположение огневых точек немцев и Красной Армии. Я достал бумаги, карандаш и увеличил этот клочок в несколько раз, нанес всю обстановку, где проходит фронт, где огневые точки, а затем спрятал в нарах.

Дня через два собрались в комнате зав. баней тов. Шацкого (в бараке было отгорожено место, которое мы называли комнатой). Нас было несколько человек: тов. Мартиросян Миша – врач; тов. Котевко Иван Иванович – военврач II ранга, от прачечной; тов. Юрьев Алексей – старший сержант, от котельной; тов. Семеновский Виктор – прораб. Тов. Шацкий куда-то ушел. Я возьми и скажи, что нашел карту одного района боевых действий Красной Армии: вот смотрите! Все при свечке посмотрели, и сразу пошел разговор о Красной Армии, о ее успехах. Кто-то из присутствующих сказал: «Это какая-то большая голова наносила обстановку». После этого я карту сжег.

После этого случая все вышли с хорошим настроением и стали своим ближайшим товарищам рассказывать, что видели карту с обстановкой фронта в районе г. Белого и с огневыми точками, которая показывала преимущество наших перед немцами. Таким образом, стихийно создалась группа единомышленников-патриотов своей Родины, которая в дальнейшем все-

ми средствами вела борьбу за спасение военнопленных, рассказывала об успехах Красной Армии, о действии партизан в Смоленской области, о действии корпуса генерала тов. Белова, о зверствах, которые немцы творили на Смоленщине, о Катынском деле и т.д. Вели пропаганду, чтобы мирное население, которое проходило через баню лагеря №126, не выезжало в Германию.

Эта группа единомышленников-патриотов Родины официальных заседаний не проводила, потому что мы все могли быть уничтожены, так как кругом полиция, немцы, жестокий режим и стукачи.

Я убежден, что всем моим товарищам не требовалось давать указания, они сами понимали, что каждый на своем участке должен работать и способствовать быстрейшему разгрому немецкой армии и спасению военнопленных.

Наша группа

Тов. Шацкий [Алексей Тимофеевич], блондин, русский, среднего роста, по моему, из Воронежской области, работал заведующим баней лагеря №126, пользовался доверием у немецкой комендатуры и большим авторитетом у врачей-военнопленных, мы его уважали. Большую работу проделал при организации строительства бани и дезкамеры. Требовал от работников не обижать военнопленных, особенно больных и раненых, следил, чтобы дежурный врач оказывал по мере возможности медицинскую помощь больным и раненым военнопленным при прохождении бани и дезинфекции.

Когда ввели в строй прачечную, требовал, чтобы в бане проводили замену белья, доставал и выдавал одежду военнопленным, у которых ее не было. Тов. Шацкий посещал все бараки в лагере и нам рассказывал, в каких условиях содержатся военнопленные, договаривался с главным врачом лагеря сделать дезинфекцию или вне очереди пропустить тот или иной барак через баню. Договаривался с кухней, чтобы они давали оставшуюся баланду-пищу военнопленным, которые работали в бане, потому что работали они там по 12-18 часов. Я сам

несколько раз ходил за баландой и раздавал ее. Тов. Шацкий свободно ходил по лагерю и частенько бывал в г. Смоленске, где доставал трубы и другие детали по оборудованию котельной. Раза два и я ходил с ним за трубами, но нас охранял полицейско-переводчик.

По-моему, в конце 1942 года тов. Шацкого освободили из лагеря №126 на волю, и он где-то работал в Монастырщинском или Духовщинском районе. Я его после этого видел только один раз, он нам передал медикаменты и продукты.

Юрьев Алексей, русский, из Воронежской области, блондин, среднего роста. Работал по монтажу котельной в бане, после – дежурным кочегаром у котла. Проявлял заботу о военнопленных, следил, чтобы оборудование было в котельной исправно и всегда было готово к работе. Принимал активное участие в выяснении дел на фронте, успехов Красной Армии и сообщал все новости нам. Особенно он вел пропаганду среди гражданского населения, которое отправляли в Германию. Его котельная была около бани, и он через загородку контролировал воду, в это время и пропагандировал.

Был случай, что при разговоре с одной женщиной в бане он узнал ее фамилию и сказал, что у нас в строительном бараке есть военнопленный с такой же фамилией. Когда об этом сообщили военнопленному, то оказалась, что это его жена, т.е. встретились муж с женой. Жена отказалась ехать в Германию, поднялся шум, у немцев переполох, этот факт послужил наглядной агитацией, чтобы не выезжали в Германию.

Тов. Юрьев, как слесарь, периодически посещал г. Смоленск, где доставал детали для котельной. Там он познакомился с тов. Аверченко Аней, Карповой Марией и еще какой-то женщиной, которая жила в том же районе, где и тов. Аверченко и Карпова.

Тов. Юрьев по моей просьбе раза два-три брал меня с собой в город под видом слесаря, где он познакомил меня с этими женщинами. По возвращении из города тов. Юрьев Леша сообщал нам новости о партизанском движении, о делах в городе,

о настроении немцев, ну а мы, в свою очередь, распространяли эти новости среди военнопленных. До эвакуации он находился в лагере, а после я его не встречал и судьбу его не знаю.

Семеновский Виктор – русский, москвич, как будто, инженер-строитель, высокий ростом, работал прорабом по строительству бани и дезкамеры. Изю всех сил старался скорее построить баню и тем самым создать условия для спасения военнопленных. Проявлял заботу о строителях, следил, чтобы они жили в тепле. С его помощью они получили матрацы, набитые соломой.

Часто находился среди военнопленных, узнавал новости на фонтане. Вскоре тов. Семеновский ушел в ансамбль песни, который организовали немцы. Этот ансамбль исполнял русские народные песни, которые воспевали Россию, тов. Семеновский пел басом. Видно, репертуар этого ансамбля не понравился немцам, и его разогнали. После этого я слышал, что тов. Семеновский строит такую же баню в госпитале военнопленных в г. Смоленске. После он организовал побег из госпиталя¹⁸, и дальше судьбу его не знаю.

Мартирисян Миша – врач при санчасти военнопленных, маленький ростом, усы носил. Родом из Воронежа, как будто, армянский язык не знал. Это был душа-человек для военнопленных, отдавал все свои знания и силы, чтобы оказать помощь больным и раненым по восстановлению их здоровья. В любое время его можно было увидеть с больными, несмотря на то, что не было никаких условий для работы. Принимал все меры, чтобы достать медикаменты. Когда проводили мытье и дезинфекцию военнопленных, он рассказывал об успехах Красной Армии, о фальсификации Катинского дела, о казнях партизан, об уничтожении немцами партизанских деревень и т.д. Особенные усилия он проявлял по сбору сведений об успехах Красной Армии у военнопленных, которые поступали с фронта. Чтобы получить эти сведения, он в санчасти держал целыми часами отдельных офицеров и вел с ними беседу.

При его участии был устроен побег французского летчика, после чего все

участники нашей группы развернули пропаганду среди военнопленных, что вот, мол, француз не покорился немцам и убежал из плена, мы должны брать пример с французов и т.д. Можно сказать, что это был врач-патриот.

Примерно в мае или июне 1943 года наш Миша исчез ночью из лагеря 126. По слухам, его в гестапо расстреляли. Мы за него очень переживали, но борьба требовала определенных жертв. И наш дорогой Миша во имя Родины отдал свою жизнь.

Митин Виктор, по прозвищу Пацан. Ленинградец, русский, лет 18-19 ему было. В 1941 г. работал кочегаром в котельной бани. Он всегда был среди военнопленных, когда производили мытье и дезинфекцию, выяснял и уточнял успехи Красной Армии и рассказывал, как в лагере повесили партизан, как немцы устроили богослужение среди военнопленных. Особенно разоблачал немцев, что они, немцы, говорили военнопленным, что бомбили лагерь военнопленных советские самолеты. Виктор же говорил, что брешут немцы, бомбили лагерь немецкие самолеты, он видел на них кресты, и зенитки немецкие не стреляли по ним, таким образом, это немцы устроили провокацию и убили его друга, тов. Новосибирского, когда они с ним бежали вместе в укрытие¹⁹.

При эвакуации лагеря 126 мы с Виктором стали в один строй, и когда нас погнали через город, я ему отдал вещевой мешок и сказал: «Виктор, до свидания, я бегу». Он не успел мне ничего ответить, я прыгнул в подвал разрушенного здания напротив гостиницы. Больше я его не видел и не слышал про него, где он и какая его судьба, мне неизвестно. Это был настоящий комсомолец, предан Родине.

Чернокульский Костя – высокий, блондин, родом из Томска, работал со мной дезинфектором, в свободное время от работы занимался на чердаке, сапожничал, производил мелкий ремонт военнопленным, которые ходили в город работать. Всегда имел кувало – угощал полицаев, которые дежурили у барачков, а они его пускали в барак, где он собирал новые сведения об успехах Красной Армии, о партизанских действиях, что в городе нового, какие части немецкие при-

были в Смоленск, как идут раскопки поляков в Катинском лесу и т.д. А военнопленным передавал наши сведения, которые мы получили от вновь прибывших военнопленных.

Мы с ним работали в одной смене, и он у меня попросил разрешение сходить на работу по раскопке поляков в Катинском лесу. Я ему ответил: «Подожди, я подумаю». Поговорил с Мишей Мартирисяном и Юрьевым, они согласились, и я ему дал согласие и поставил перед ним задачу выяснить все подробно. Наш Костя все выяснил и принес вещественное доказательство – хромовые сапоги, которые снял с поляка, когда откапывали трупы. Сапоги новые, так что гбельсовская пропаганда была перед военнопленными разоблачена, убийцами поляков были немцы.

Иван Кузьмич – военврач II ранга, фамилию не помню. Русский, русский, шевелюра красивая, прибыл в лагерь в феврале 1943 года, воевал в составе корпуса тов. Белова. Будучи в бане дежурным врачом, он рассказывал нам, как корпус генерала Белова громил тылы немцев. Подробно рассказывал о перспективах Красной Армии и разгроме немецких армий под Сталинградом. Все эти сведения вечером почти все наши товарищи разносили по барачкам. Конечно, нельзя представить, что эту работу проводили открыто, все это делалось в глубокой тайне. Немцы на комендантуре лагеря военнопленных вывесили знамена в трауре, а полиция и немцы на руках тоже носили траур.

Кузьмич проявлял большую заботу о состоянии здоровья военнопленных, они вместе с тов. Мартирисяном проводили работу с военнопленными, особенно уделяли внимание медицинскому персоналу, который находился в барачках больных.

Зубной врач (рыжий), фамилии не помню. Работал вместе с Мишей Мартирисяном и выполнял те задачи, которые требовала обстановка. Большую заботу проявлял при лечении военнопленных.

У меня о медицинском персонале, который обслуживал заключенных лагеря №126, осталось очень хорошее впечатление. Они проделали громадную работу по спасению военнопленных, которые потом снова служили в

Военнопленные на работах, перерыв на обед. Район нарвских казарм. 1942 г.

рядах Красной Армии и громили фашизм.

Главный врач лагеря №126 (я его фамилии не помню²⁰) ходил в очках, сутулый. Мне кажется, что он ставил перед собой задачу не только спасти-сохранить военнопленных, но и доводить до их сознания, что это временный успех немцев, Красная Армия перейдет в решающее наступление и немцы будут разгромлены. Врачи также вели пропаганду, чтобы мирное население не выезжало в Германию.

Часть врачей присутствовала на раскопках поляков в Катинском лесу. Они прямо говорили, что это гебельсовская пропаганда²¹. Я имею в виду главного врача, а также и других медработников.

Товарищи Аверченко Аня и Карпова Мария – это две подруги, с которыми меня познакомил тов. Юрьев Алексей. Это скромные женщины, которые очень тяжело переживали оккупацию города. Они видели, как немцы издевались над военнопленными и мирным населением. Жили они в районе тюрьмы. Они оказывали нам большую помощь, добывали необходимую информацию о положении в городе, помогали переправлять к партизанам бежавших военнопленных. Подробнее об их деятельности расскажу ниже.

Считаю, что тов. Карпова и Аверченко выполнили свой долг перед Родиной как патриоты. На протяжении нескольких месяцев они информиро-

вали военнопленных обо всех событиях, которые происходили в Смоленске, и оказали нам огромную помощь.

Парикмахеры бани Иван Михайлович Мухин из-под Москвы и Вася (фамилию не помню) из г. Таганрога. Эти товарищи активно принимали участие в пропаганде, рассказывали об успехах Красной Армии на фронтах, о Катинском деле, о зверствах немцев и т.д. Они вечерами посещали бараки военнопленных и во время стрижки проводили агитационную работу. К Васе приходили в баню бриться переводчики, которые болтали про отдельные действия немцев как в лагере, так и на фронте. Он эти сведения сообщал нам, а мы распространяли среди военнопленных. Судьбу я их не знаю, но при эвакуации лагеря они были в общей колонне. Больше я этих товарищей не видел.

Бородин Евгений²², майор, начальник штаба 17-го стрелкового полка, непосредственно мой начальник до плена, мы с ним воевали еще под Бородино. Он находился в бараке офицерского состава, мы с ним примерно 1-2 раза встречались в бане, когда их приводили к нам. Он мне рассказывал, как военнопленных офицеров гестапо вербует в РОА. Но он всегда высмеивал гестапо и говорил, что мало охотников находилось идти в РОА, но все же находились.

Когда мы ходили на кухню за баландой, то, проходя мимо барака, где содержали комиссаров и политработни-

ков, я видел политрука 5-й роты 2-го батальона 17-го стрелкового полка Иляшенко, о котором я писал раньше. Он был тяжело ранен. Мы только смотрели друг на друга, а сердца обливались кровью. При эвакуации лагеря я его не видел. После войны вел с ним переписку, но потом потерял. Он живет где-то в Саратовской области, что характерно, когда отмечали 150-летие Бородинской битвы, Маршал Советского Союза тов. Рокоссовский в речи отмечал подвиг тов. Иляшенко и приводил слова из книги о Великой Отечественной войне. Они, очевидно, знают, что этот герой жив, хорошо бы вспомнить и сделать публикацию про этого героя.

О себе я отдельно не пишу. Пусть обо мне напишут мои товарищи и друзья, с которыми мы вместе страдали в фашистском плену.

Описание лагеря военнопленных

Лагерь военнопленных №126 представлял собой какие-то склады, немцы их переоборудовали, т.е. сделали нары и превратили все помещения в бараки, где и содержали военнопленных.

Режим в лагере был жестокий, все бараки были изолированы друг от друга, обнесены колючей проволокой в два, а то и в три кола. Все помещения были очень холодные, ветер гулял и продувал насквозь. Окон в бараках почти не было, так что круглые сутки темно. Для больных и тяжелораненых искусственно создавали условия, чтобы они быстрее умирали, т.е. фактически истребляли их. В бараках был страшный холод, сырость, темнота. Короче говоря, бараки, где лежали больные, назывались коробками смерти.

Территория лагеря была огорожена колючей проволокой. Вокруг лагеря были установлены вышки, на которых стояли ручные и станковые пулеметы. Кроме этого, двигались патрули, вооруженные до зубов, и плюс еще собаки. Бараки стояли друг от друга примерно 20-50 метров. Я составил схему всего лагеря, возможно, кое-какие детали упущены, но общее представление можно получить²³.

Прибывающие в лагерь военнопленные сначала попадали в сортиро-

вочный пункт, где немцы проводили предварительный отбор, т.е. отбирали здоровых и отправляли их в Германию и другие страны для работы²⁴.

У входа в лагерь²⁵ была немецкая комендатура и гестапо. Рядом находился русский комендант. От входа почти через весь лагерь шел центральный проход, огороженный колючей проволокой. Слева от входа, недалеко от комендатуры, находился барак военнопленных офицеров. Следом (левее) барак военнопленных, которые могли работать, здоровых. За ним, у юго-западной границы лагеря, был барак, где жила полиция, которая несла внутреннюю охрану.

Последним в среднем ряду у западной границы лагеря находился барак, где жили нацмены и где их гестапо вербовало в национальные батальоны. На площади у этого барака гестапо проводило богослужение и вербовало военнопленных в РОА, к Власову.

Второй в среднем ряду, ближе к центру, в 1941-1942 годах была кухня, где варили баланду для военнопленных. От нее шел длинный коридор с колючей проволокой, по которому прогоняли дубинками военнопленных.

Следом за ней располагалась баня, в которой размещались санчасть, котельная, дезкамера, прачечная, парикмахерская и жилье. Она положила начало спасению военнопленных.

В среднем ряду у центрального прохода был барак-изолятор сыпного тифа, откуда больных отправляли в лагерь смерти.

В третьем ряду в двух крайних слева бараках находились тяжелобольные, у которых была дизентерия. Это был последний этап для военнопленного, откуда его отправляли в братскую могилу.

За этими бараками на площадке у северной границы лагеря была установлена виселица.

В третьем ряду у центрального прохода находился барак, где жили и работали военнопленные-мастеровые: плотники, слесари, жестянщики, которые выпускали продукцию для лагеря. Здесь встретилась жена с мужем, когда жену угоняли в Германию.

Рядом, чуть правее центрального прохода, находился бункер – бывшее

хранилище горючего. Оно служило для содержания «опасных» военнопленных, которые всеми средствами вели борьбу против немцев. Это последний этап патриотов, которых на рассвете выводили и расстреливали в балке в районе совхоза, километра 3-4 от лагеря.

Еще правее находился барак, в котором жил главный врач лагеря и лежали больные медики и, кажется, полицейские.

Последним зданием в третьем ряду, справа от прохода, была кухня²⁶, где варили баланду для военнопленных и отдельно готовили для полиции. За ним, у северо-восточной границы лагеря, находились склады торфа, откуда мы брали топливо для бани и вели наблюдение за патриотами тов. Карповой и Аверченко.

Во втором ряду справа было единственное несгоревшее здание – барак, где содержали комиссаров и политработников. Он был отделен от остальных, огорожен в 6-8 рядов колючей проволокой, и туда доступа не было, сильная охрана вокруг. К нам в баню и дезкамеру военнопленных комиссаров и политработников не водили. Именно там я видел тов. Иляшенко, политрука 5-й стрелковой роты 2-го батальона 17-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии.

Еще ближе к входу, справа от центрального прохода, находился продовольственный склад для военнопленных. А за ним, до самой западной границы лагеря – площадь, на которую немцы выгоняли военнопленных для распределения на работу. Здесь немцы вместе с полицией били военнопленных дубинками и пускали собак в действие. Изнуренные военнопленные по несколько часов стояли на морозе, под дождем, под снегом и под пронизывающим ветром. Это площадь кошмара и ужасов, которые устраивали гестаповцы.

На противоположной стороне дороги, проходившей рядом с лагерем, находился дом, где жила охрана лагеря, – власовцы, которые заменили немцев.

За северной границей лагеря находились братские могилы военнопленных, в которых лежит около 80-100 тысяч замученных фашистами²⁷.

Лагерные порядки

У каждого военнопленного на верхней одежде были масляными красками написаны две буквы «SU». Большинство военнопленных носили деревянные башмаки, выдолбленные из дерева. Мы их называли «колодки».

Администрация лагеря производила вербовку военнопленных для работы в полиции и для в РОА (Русской освободительной армии, «власовцев»). Кроме того, отбирали из военнопленных нацменов: казахов, узбеков, татар, калмыков и т.д. Поначалу они жили в отдельных бараках, их кормили с другой кухни, а потом из них начали формировать национальные батальоны для борьбы с партизанами.

Происходило это так: главный гестаповец (фамилии его не помню) и два-три немца перед баракком ставят стол и вызывают военнопленных по одному, и начинается вербовка: добиваются, чтобы человек дал согласие служить в национальном батальоне. Вся наша группа, когда те проходили через баню, их ругала и агитировала не вступать в эти батальоны. Конечно, часть была завербована, а часть вернулась в общие бараки военнопленных.

Нужно отметить, что среди военнопленных, которые находились в рабочем бараке и выходили на работу, были и офицеры.

В лагере устраивали богослужения, приглашали из города батюшку-священника, который проводил по баракам церковные службы, а потом еще на площади, часть военнопленных ходила на них. Этим немцы хотели доказать, что они святые люди и проявляют заботу о военнопленных, но охотников слушать эти басни было мало, потому что военнопленные уже давно убедились, что фашизм несет на самом деле.

Немцы постоянно запугивали военнопленных, построили виселицу и вскоре выстроили всех вокруг нее. На глазах у всего лагеря вывели из бункера четырех товарищей, одетых в гражданскую одежду. Немцы зачитали приказ, где сообщилось, что это – партизаны, и если кто из военнопленных совершит побег из лагеря, то

также будет повешен. Накинули петлю на шею каждому. Один крикнул: «Прощайте, товарищи!», – другой произнес: «Умираю за Родину!», а два товарища промолчали. Выбили из-под ног скамейки. Помню, толстый полицай, когда повесили патриотов, подошел к каждому и стал своей массой тянуть книзу, чтобы ту же затянулась петля. Эта четверка перед глазами всех военнопленных потом в течение 3-х дней висела. Между прочим, во время повешения присутствовала вся немецкая комендатура, вооруженная до зубов, очевидно, боялась²⁸.

Лагерная администрация выявляла среди военнопленных евреев, которых вводили в бункер, а утром расстреливали. Выявляли они так: когда пропускали военнопленных через баню и дезкамеру, приходил переводчик из комендатуры. Когда военнопленные разденутся, он обращал внимание на член, и сразу полиция забирала военнопленного, на кого укажет переводчик.

Командование лагеря №126 я не знал, хорошо бы разыскать тов. Шацкого, потому что он вращался среди них и, конечно, мог бы дать характеристику каждому.

С немецкой стороны лагерь возглавлял гестаповец, фамилии я его не помню²⁹, но перед глазами и сейчас стоит эта мразь – среднего роста, толстый, это прожженный фашист. При обработке-беседах с военнопленными, видимо, многое обещал, и неустойчивые военнопленные попадали на удочку, но потом жестоко расквасились.

Русского коменданта, возглавлявшего полицаяев, фамилии не знаю, но видел, что он ходил в синем кавалерийском пиджаке, кругом обшитом черным мехом³⁰.

Нашу баню с дезкамерой контролировал фельдфебель медицинской службы, он несколько раз выстраивал военнопленных, работающих в бане и прачечной, и указывал пальцем, кого отправить в Германию, но, благодаря тов. Шацкому и Мартиросяну Мише, нам удавалось отдельных товарищей под маркой больных отправлять в барак больных дизентерией. Я лично старался не попасть в строй, когда фельдфебель проверял, прятался в сливную яму бани.

Лагерная полиция и охрана

Внутри лагеря охрану несла полиция³¹, у каждого была резиновая дубинка. Полицай и переводчики жестоко расправлялись с военнопленными, это на их совести лежит кошмар по уничтожению людей, они били и убивали военнопленных без всяких причин. Особенно полиция свирепствовала, когда военнопленные получали баланду и когда производили развод военнопленных на работу. Чтобы получить баланду, ты должен пройти через настоящий кошмар. Особенно тяжело было больным военнопленным. Они и так еле двигались, а их еще подгоняли ударами дубинок.

Внешнюю охрану лагеря несли немцы, весь лагерь был обнесен колючей проволокой в три-четыре кола. Примерно было построено двенадцать вышек, на которых установлены были ручные пулеметы. Кроме этого были немецкие часовые и внизу.

Примерно в конце января 1943 года немецкую охрану заменили русские из армии РОА, т.е. власовцы, так мы их называли. Плюс немцы рядом с лагерем устранивали зенитные орудия. Это они сделали для того, чтобы советские летчики не бомбили немецкие зенитки, так как они находились близко около лагеря, т.е. прикрылись военнопленными. Но советские летчики бомбили правильно и точно по немецким зениткам.

Мы всегда при налете советской авиации выходили из бани и вели за ней наблюдение.

Отправка на работы

В лагере было специальное место, куда немцы вместе с полицией выводили из рабочих барачков здоровых, т.е. тех, кто держался на ногах. К этому времени приезжали и приходили немцы из разных частей и брали кому сколько нужно военнопленных, затем вели их на работу. Это происходило так: в 6 часов утра военнопленных выгоняли из барачков, они получали по кружке баланды и выходили на плац, где происходило распределение по объектам.

Дождь, снег, ветер пронизывали, рядом полицейские-переводчики – с собаками, немцы с автоматами, и

начинаются ужасы. Каждый военнопленный старался на работу попасть, потому что он там хоть покушает каких-нибудь объедков и плюс еще что-нибудь из продуктов получит от населения. Полиция выстраивает военнопленных, строй ломается, тогда пускают в ход дубинки и собак. После распределения оставшихся военнопленных загоняют в бараки, и они ждут следующего дня.

Бомбежка лагеря

В отношении бомбежки лагеря военнопленных. Это было примерно в апреле 1942 года. Что характерно, после бомбежки немцы создали комиссию из немцев из городской комендатуры, полицаяев и военнопленных и стали расследовать на другой день (бомбили ночью, примерно, 23-24 час.). Бомбы были мелкие, их бросили примерно 10 штук. В это время убили у нас тов. Новосибирского, друга Виктора (Пацана). Когда пришла комиссия к нашему барачку, мы здесь стали кричать и ругаться, что видели опознавательные знаки немецких самолетов, и это немцы бомбили. Но они нас загнали в барак, а сами ходили и все рассматривали воронки, а потом пустили слух, что это бомбили самолеты Красной Армии.

Однако военнопленные поняли, что это была провокация.

Помощь подпольщиков

С тов. Аверченко Аней и Карповой Марией, о которых я писал выше, меня познакомил тов. Юрьев Алексей. Когда я с ними первый раз стал разговаривать, то они со слезами на глазах рассказывали об ужасах, которые творили немцы, на этом наш разговор и закончился.

Дней через 15-25 при помощи тов. Юрьева мне удалось с ним выйти в город. Я вновь встретился с этими женщинами и объяснил, что они должны нам оказать помощь в сборе информации о том, когда прибывают немецкие части в город, как ведут себя немцы, делаются ли облавы, куда двигаются воинские части немцев, что слышно в городе о партизанах.

Также сообщил, что нужно собирать продовольствие и передавать

военнопленным, которые идут на работу в город, и вести с ними разговоры. Кроме того, собирать листовки, которые сбрасывают советские летчики, и переправлять в лагерь военнопленных. В свою очередь, если им нужны медикаменты, мы будем доставать. Обратил их внимание, что по этим вопросам записей никаких не должно быть.

Они охотно согласились держать связь через Юрьева. Если срочно нужно передать какую-то новость, происшедшую в городе, то мы с ними договорились так: если хорошая новость, то они проходят по шоссе в нарядных платьях, а если что-то случилось, то они проходят в темных платьях. А мы будем вести наблюдение у торфа³².

По этим сигналам тов. Юрьев кое-когда выходил в город и получал от них информацию и передавал нам, а мы рассказывали военнопленным. Они сообщали все новости, которые были в г. Смоленске в период оккупации, особенно, когда немцы пустили провокацию по Катынскому делу, а мы разъясняли это при помощи своих форм другим военнопленным.

Карпова М. и Аверченко А. собирали сведения о жестокости фашистов, которые расстреливали мирное население, и сообщали нам, а мы, в свою очередь, рассказывали военнопленным. Был такой факт: недалеко от г. Смоленска, 5-8 км по направлению на Красный, была деревня, где жили цыгане, и немцы их всех расстреляли, в том числе детей и стариков, за то, что они оказывали помощь партизанам. В это время один фашист с ума сошел, он сам не выдержал такой жестокости: т.е. грудных детей не расстреливали, а через колено ломали им позвоночники и бросали в яму³³.

Женщины скрывали на квартире бежавших военнопленных, переодевали их и создавали условия, чтобы они могли пройти в партизаны или на фронт. Нашей группе очень хотелось, чтобы они установили связь с партизанами, они обещали, но, очевидно, не получилось. Карпова М. и Аверченко А. указали один адрес, там жила их подруга, Семенцова Мариэтта³⁴. Как потом я узнал, эта женщина имела конспиративную квартиру, где могла несколько дней скрывать военнопленных, которые бежали из лаге-

ря военнопленных №126, после чего их переправляли в партизанский отряд «Дедушка».

Я с ней лично не встречался. Мы с тов. Юрьевым один раз ходили на ту квартиру, но женщины не было дома, а больше не представлялось возможности выйти в город.

Если разыскать тов. Чернокульского Костю, то он мог бы подробно рассказать, кого он отправлял по этому адресу из военнопленных, т.к. именно он устраивал побег. Мне помнится, что тов. в пограничной фуражке прошел через эту квартиру, а также другие одиночки. После, когда освободили г. Смоленск, я встречался с тов. Карповой и Аверченко. Они мне рассказывали, что тов. Семенцова М. была схвачена гестапо и посажена в тюрьму, но вскоре Красная Армия освободила г. Смоленск, и она была освобождена.

Нужно отметить мать и отца тов. Карповой Марии, которые также собирали информацию и передавали ее в лагерь военнопленных. И вообще, в том районе, где жили тов. Карпова и Аверченко, население было настроено патриотически. Я был в курсе событий и понимал, что работа боевых подруг не пропала даром.

Особенно они проявили инициативу по сбору сведений о Катынском деле, они нас подробно информировали об этой провокации, устроенной немцами.

Когда немецкая армия была разгромлена под Сталинградом и под Курской дугой, то они передавали подробные сведения, что все войска немцев в г. Смоленске ходят в трауре, повесили головы, войска стали из города сматываться. Такие сведения помогали у военнопленных поднять дух и вселить уверенность в приходе Красной Армии в г. Смоленск.

Когда в сентябре 1943 году немцы стали производить эвакуацию военнопленных, я убежал из колонны и явился к Карповой М. и Аверченко А. (жили они в районе тюрьмы). Они меня переодели в гражданский костюм, и вместе с ними я пошел в деревню, к их родственникам, где они меня прятали от немцев в течение 3-4-х дней.

После освобождения деревни, в которой я находился, мы вернулись в

город, но дом тов. Карповой уже был сожжен.

Побег из лагеря

Когда строили баню с дезкамерой, воды в лагере не было, тов. Семеновский через тов. Шацкого организовал подвоз воды из искусственного озера (ямы), которая находилась 1-1,5 км от лагеря. Достали двуколку-бричку, установили на ней 4-5 бочек. Дезинфекторы или строители бани, всего 8-12 человек, запрягались в эту бричку. С участием тов. Мартиросяна и Кости Чернокульского в бочки сажали 2-3 военнопленных и под командой Шацкого или Семеновского выезжали по воду из лагеря.

В районе озера выгружались, бочки заливали водой и возвращались обратно. Таких фактов было 3-4, но потом перед выездом назначали полицая, который сопровождал водовозов, очевидно, фашисты догадались. Таким образом, этим методом было вывезено 8-10 человек военнопленных, но какая их судьба, я не знаю.

Товарищ Желтухин, мне помнится, был в бригаде похоронного бюро, т.е. вывозил мертвых военнопленных на братские могилы, которые располагались за лагерем военнопленных (смотрите по схеме). Когда они выезжали без конвоя с трупами военнопленных, мы с тов. Чернокульским Костей провели работу с тов. Желтухиным, и после этого он с четырьмя военнопленными выехал из лагеря и больше не вернулся. Но через 10-15 суток прошел слух, что тов. Желтухина поймали и вернули в лагерь военнопленных, но я его не видел и судьбу его не знаю.

В 1942 году, в начале апреля, попали в наш лагерь два военнопленных (фамилии не помню). Это были парашютисты, которых немцы взяли в плен при приземлении в районе г. Белого. Оба они из Воронежа, студенты. Звали их Витя и Миша. Одного оставили у нас в бане работать прачкой, а другого немцы поставили кладовщиком выдавать хлеб военнопленным. Он нам выдавал лишний хлеб, который мы раздавали военнопленным, работающим в прачечной и бане.

В августе месяце 1942 года тов. Мартиросян Миша устроил им побег. Что дальше было, не знаю.

Военнопленные на Большой Чернушенской ул. (ныне ул. Багратиона), вблизи перекрестка с ул. 1-й Краснинской (ныне ул. Николаева). На заднем плане склады НКО, в которых немцы организовали «Большой» лагерь. Конец лета 1941 г.

Помогли мы бежать и французско-летчику, его имя, по-моему, Май, он был из эскадрильи «Нормандия», попал он в лагерь военнопленных №126 в мае 1943 года, его сбили где-то под г. Белым или Ржевом.

Попал он сразу к нам в баню, когда его запустили под душ и конвой остался в сухом отделении, мы все здесь наперебой стали его расспрашивать об успехах Красной Армии и т.д., он некоторые слова говорил по-русски.

Позже Мартиросян Миша мне рассказывал, что получил много сведений от этого летчика-француза, когда тот был у них в санчасти. Миша слабо владел французским языком, но объясняться мог. Французский летчик несколько раз приходил в санчасть, и тов. Мартиросян с ним вел разговоры. После всех разговоров мы с тов. Мартиросяном договорились французскому летчику устроить побег. За это дело взялся тов. Мартиросян. Побег состоялся где-то в июне 1943 года. Но примерно через 10 дней французского летчика поймали и привели в лагерь, вскоре его куда-то увезли, но после этого фашисты взяли тов. Мартиросяна и, очевидно, расстреляли.

В отношении побега 18 летчиков и профессора Орлова. Это мне рассказал тов. Мартиросян Миша. Что тов. Семеновский В., когда строил баню в госпитале военнопленных, то организовал этот побег. Прорыли из котельной траншею, которая соединилась с водосточной канавой, и по этой тран-

шее ушли во главе с тов. Семеновским, но что дальше было, я не знаю³⁵.

Как я бежал из лагеря

В сентябре 1943 года из города стали всех эвакуировать, в том числе и военнопленных. Колонна, в которой я находился, шла по центральной улице, примерно напротив городской гостиницы. Крупные здания были разбиты. Навстречу двигалась какая-то немецкая воинская часть, и нас прижали к тротуару. Я сразу Виктору (Пацану) отдал котелок и прыгнул в подвал разбитого дома. Конвой дал очередь из автомата в подвал, но пули прошли мимо меня. Я пролежал примерно минут 20-30, слышу, шума нет. Посмотрел из подвала – мирное население уходит из города. Вижу, одна женщина везет тачку и несет грудного ребенка. Я быстро выскочил, схватил у нее тачку и говорю ей, что убежал из плена, дайте возможность уйти от немцев. Она быстро сообразила и сказала: «Везите». И мы с ней прошли мимо немцев, которые стояли на перекрестках, примерно квартала три от тюрьмы. Я ее поблагодарил и ушел к тов. Карповой и Аверченко, про которых писал выше.

После побега

После освобождения Смоленска Красной Армией я попал в 48-й полк резерва офицерского состава – хозяйство Бухмана. После проверки в

составе 4-го штурмового батальона воевал под Оршей, где был ранен. После госпиталя командовал батальоном. При освобождении г. Минска был тяжело ранен, пролежал в госпитале 7 месяцев в г. Караганде. После госпиталя прибыл в г. Ростов-на-Дону в 60-й полк резерва офицерского состава, где исполнял обязанности зам. командира полка.

В 1946 году я демобилизовался и работал инструктором-тренером по физическому воспитанию нашей молодежи. Сын окончил институт, инженер-энергетик, работает в Сибири, дочь – медицинский работник, тоже работает в Сибири. Ну а мы с женой живем и трудимся в г. Шахты.

Вот как будто я вспомнил все то, что было 20 лет тому назад.

С большим приветом к вам (подпись) [Казимиров].

22.02.1963 г.

Примечания

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. Р-142. Оп. 2. Д. 554.
2. Леонид Васильевич Котов, ученый-краевед, член Союза журналистов России. Автор книги «Смоленское подполье», а также свыше 50 научных работ, опубликованных в центральной и местной печати, более 150 статей в СМИ. Как краевед Котов отдал много сил и времени на изучение истории борьбы против немецко-фашистских захватчиков на территории Смоленщины в годы Великой Отечественной войны.
3. Штурмовые батальоны появились в 1943 г. Они формировались из военнослужащих рядового и командно-начальствующего состава, располагавшихся длительное время на территории, оккупированной противником, т.е. в плену или в окружении (Приказ № Орг/2/1348 от 01.08.1943), и тем самым потенциально находящихся под подозрением в возможном сотрудничестве с врагом. Срок пребывания – два месяца участия в боях, либо до награждения орденом за проявленную доблесть в бою или до первого ранения, после чего личный состав при наличии хороших аттестаций мог быть назначен в полевые войска на соответствующие должности. Переменный состав не лишался воинских званий, так как не был осужден трибуналом, но при этом все бойцы переменного состава были рядовыми солдатами-«штурмовиками».
4. Казимиров М.М., 1914 г.р.: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123434930>
5. Омская объединенная военная школа имени М.В. Фрунзе – высшее военное

учебное заведение, готовившее пехотных и артиллерийских командиров. Возникла при слиянии Омской пехотной школы, Владивостокской пехотной школы имени Коминтерна и Иркутских курсов подготовки командиров пехоты.

6. Старший адъютант батальона (адъютант старший) – старшая должность командно-начальствующего состава штаба батальона. Впоследствии стала называться начальником штаба батальона. На момент описываемых событий М.М. Казимиров имел воинское звание «старший лейтенант».

7. Одна из глав книги Михаила Брагина «От Москвы до Берлина (Статьи и очерки военного корреспондента)».

8. Иляшенко Александр Иванович, 1911 г.р., младший политрук, политрук роты 17-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии, пропал без вести 14 октября 1941 г. Был тяжело ранен и попал в плен. Выжил. Приказом Смоленского военного округа №0171 от 11 января 1945 г. уволен в запас и состоял на учете в Свердловском РВК Саратовской области.

9. Стрельба по военнопленным из танковых пушек, вероятно, является вымыслом, но надо учитывать эмоциональное состояние людей, оказавшихся в тех адских условиях.

10. Бородинов Евдоким Васильевич, 1903 г.р., майор, начальник штаба 17-го стрелкового полка. В октябре 1941 г. исполнял обязанности командира полка. По архивным сведениям, попал в плен 22 октября 1941 г. в Можайском районе Московской области. Находился в лагерях Шталаг 342, Шталаг XIII D и Шталаг XIII C. Репатриирован из немецкого плена, прошел спецпроверку в 1-й запасной стрелковой дивизии. Награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

11. Немецкий пересыльный лагерь военнопленных Дулаг 184.

12. Имеется в виду лагерь военнопленных «Южный», относившийся сначала к Dulag 240, а потом к Dulag 126. Находился в подвалах медицинского института на Рославльском шоссе. М.М. Казимиров попал в лагерь как раз в момент передачи его под управление Dulag 126.

13. Так называемый «Большой» лагерь Dulag 126, находившийся на Краснинском шоссе.

14. Аберрация памяти. В это время вербовки в Русскую освободительную армию быть не могло. А.А. Власов попал в немецкий плен в июле 1942 г. Формирование подразделений РОА началось в 1943 г., они привлекались к несению охранно-полицейской службы и борьбе с партизанами на оккупированной территории СССР. Вероятно, речь идет о вербовке в «добровольные помощники» («Hilfswillige», хиви) или лагерную полицию.

15. Дезинсекционные камеры – небольшие помещения, предназначенные для уничтожения вшей, блох, клопов, их яиц

и личинок, находящихся в одежде, постельных принадлежностях и других вещах под воздействием высокой температуры (80-110°). Для обработки (дезинсекции) часто использовалась водяная пар.

16. Двухколка – двухколесная конная повозка, рассчитанная на перевозку двух человек. Термин возник от прилагательного «двуколый», образованного от «дву» – два и «коло» – колесо.

17. Так называемый «Малый» лагерь Dulag 126, организованный в конце октября 1941 г. в складах и конюшнях Нарвских казарм, рядом со склоном Чуриловского оврага. После начала эпидемии тифа использовался для содержания заболевших военнопленных. В этом лагере погибло около 15 тыс. человек.

18. Подробно о побеге из госпиталя можно прочитать в воспоминаниях военврача Мстислава Владимировича Яковенко: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich>

19. Суда по всему, бомбы на лагерь военнопленных все-таки сбросили советские самолеты. Рядом, в Нарвских казармах, располагались немецкие части и находилось большое количество техники (есть фотографии), это и было целью бомбардировки. Но точность ночного бомбометания была низкой, и бомбы вполне могли попасть на территорию лагеря.

20. Согласно материалам ЧГК, начальником санслужбы лагеря №126 был Богданов, его заместителем – Костенко.

21. Вероятно, информация об активном противодействии военнопленными распространению немецкой версии расстрела польских офицеров вблизи Катыни является более поздним наслоением. Скорее всего, она была вызвана допросами по этому поводу во время фильтрационной проверки после побега из плена.

22. Бородинов Евдоким Васильевич.

23. Схема, составленная М.М. Казимировым, совместно со схемой, составленной в ходе работы ЧГК, также аэрофотосъемкой лагеря конца 1943 г., была использована при подготовке плана «Большого» лагеря Dulag 126, представленного в статье о лагерях Смоленска (опубликована в этом номере журнала).

24. Лагерь №126 (Dulag 126) был пересыльным лагерем, основное назначение которого состояло в первичном учете военнопленных и последующей отправке их в лагерь постоянного содержания (Stalag).

25. Со стороны Краснинского шоссе.

26. По сведениям ЧГК, в этом здании до 1943 г. жила охрана лагеря. Это здание существовало до недавнего времени, его снесли только осенью 2021 г. при подготовке стройплощадки жилого комплекса, который планируют возвести на месте лагеря военнопленных.

27. Согласно заключению ЧГК, в захоронениях лагеря находится около 45 тыс. погибших военнопленных.

28. Это была не единственная казнь. Из показаний бывшего военнопленного А.И. Волобуева: «Из-за отсутствия пищи военнопленные из трупов умерших вырезали куски мяса и употребляли себе в пищу. В начале ноября месяца 1941 г. в моем присутствии на глазах у нескольких тысяч военнопленных немцы повесили четырех военнопленных. Перед повешением начальник лагеря, немец, объявил, что эти лица осуждены за людоедство» (Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-1630. Оп 2. Д. 29).

29. За время существования лагеря в Смоленске в нем сменилось несколько комендантов. Первым был майор Ритшер, вторым стал полковник Франке, третьим – Гиссе.

30. Первым русским комендантом лагеря был капитан-кавалерист Костромин, попавший в плен еще под Волковысском, а его заместителем – Зелинский. Затем Костромина сменил Романенко.

31. Набиралась из числа военнопленных. Первым начальником русской лагерной полиции был Григоренко, вторым – бывший председатель Износковского райсовета Смоленской области Тимофей Азарович Долганов, а третьим – Тупицын.

32. Склад торфа, использовавшегося в качестве топлива. Находился на восточной оконечности лагеря.

33. Уничтожение цыган в селе Александровское проводилось полицией охраны порядка, в которую помимо местных жителей, согласившихся на сотрудничество с немцами, набирали бывших военнопленных, а также прибывших в Смоленск белорусских националистов. Руководил расстрелом Н.Ф. Алферчик, в прошлом белоэмигрант, в то время начальник 2-го (секретно-политического) отдела полиции города Смоленска. Расстреляно было 176 цыган.

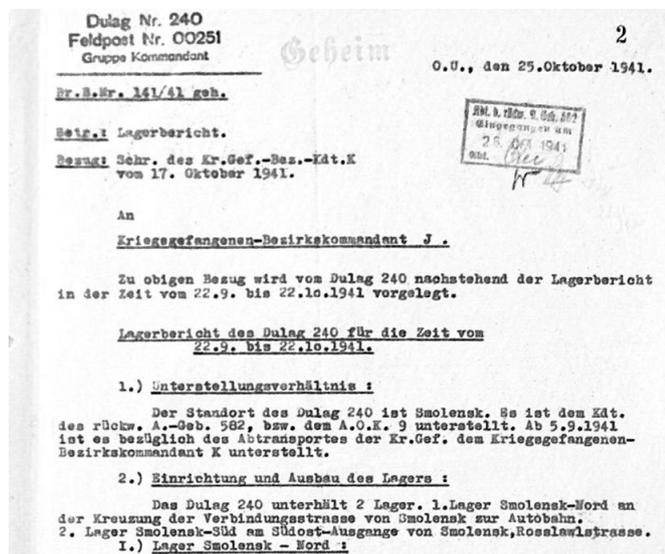
34. М.С. Семенцова, беспартийная патриотка, работавшая до войны помощником директора рабочей столовой. Создала подпольную организацию, насчитывавшую до 40 человек. Основной своей задачей подпольщики считали вызволение из плена советских воинов. Они завязали тесные связи с подпольщиками лагеря №126 и госпиталя военнопленных. Совместными усилиями им удалось вызволить из плена и переправить к партизанам Монастырщинского района около 200 советских воинов. В марте 1943 г. с помощью подпольщиков бежали из лагеря 18 советских летчиков. В мае 1943 г. при отправке в Германию из вагона убежало 57 советских офицеров. Необходимые для пролома пола вагона инструменты им были переданы в лагерь связными М.С. Семенцовой (Котов Л.В. В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья. Вып. 2. Изд. 3-е. М., 1972).

35. Подробнее об этом побеге см. в воспоминаниях М.В. Яковенко: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich>

ОТЧЕТ КОМЕНДАНТА ЛАГЕРЯ DULAG 240 ЗА ПЕРИОД С 22 СЕНТЯБРЯ ПО 22 ОКТЯБРЯ 1941 г.¹

1) Подчинение.

Местонахождение Dulag 240 – город Смоленск. Подчиняется коменданту 582-го тылового района 9-й армии. С 5.09.1941 г. в отношении транспортировки военнопленных подчиняется коменданту по делам военнопленных округа «К»².

Фрагмент отчета коменданта лагеря Dulag 240

2) Создание и расширение лагеря.

Дулаг 240 состоит из двух лагерей:

1-й лагерь, «Смоленск-Северный», находится вблизи пересечения дороги от Смоленска с автострадой³.

2-й лагерь, «Смоленск-Южный»⁴, находится вблизи юго-восточного выезда из Смоленска на Рославльском шоссе.

1). Лагерь «Смоленск-Северный».

Изначально территория лагеря «Смоленск-Северный» была советским концентрационным лагерем⁵. Лагерь предназначался для содержания заключенных со сроками 6 месяцев. Судя по баракам, некоторые из которых сохранились до сих пор, здесь могли содержаться до 500 заключенных.

Лагерь «Смоленск-Северный». Лето 1942 г.
(Лагерь уже не относится к Dulag 240)

В конце августа 1941 года ограждение было расширено, и лагерь был преобразован из армейского сборного пункта военнопленных №7 в пересыльный лагерь военнопленных, в котором размещалось до 12 000 человек, которые в основном содержались под открытым небом. 10 августа лагерь был принят под управление Dulag 240.

В то время лагерь сильно страдал от нехватки воды. Воду приходилось привозить из пруда на другой стороне подъездной дороги на конной повозке с бочкой, но каждый раз привозимого количества воды едва хватало на нужды кухни. Питьевой воды не было вообще. Поэтому первой проблемой, которую начали решать после того, как лагерь был обследован военными Dulag 240, стала доставка воды в лагерь. Поскольку производительность водонапорной башни в соседней деревне была недостаточной, от вышеупомянутого пруда к лагерю был проложен шланг, который протаскивали под дорожной насыпью и подключили к пожарному насосу. Этот водопровод работает и по сей день и доказал свою эффективность. В ближайшее время его заменят на нормальный водопровод, который будет получать воду из строящегося колодца.

Для того чтобы хоть как-то защитить военнопленных от непогоды, к строящимся баракам были приделаны навесы. Большая часть старых бараков была разобрана на дрова еще до того, как лагерь перешел в ведение Dulag 240.

После завершения строительства объектов аэродрома⁶ военные строители начали возводить большие бараки на 1000 человек каждый. Два барака уже завершены, и в них сейчас находятся военнопленные. Строительство еще одного близится к завершению. Четвертый барак находится в стадии строительства, которое должно быть закончено в первых числах ноября.

До сих пор оборудование для приготовления пищи состояло из котлов, установленных прямо на земле под открытым небом. Поскольку в плохую погоду и морозы пова-

Военнопленные в лагере «Северный».
Один босиком, некоторые в деревянных башмаках.
Лето 1942 г. (Лагерь уже не относится к Dulag 240)

ра подвергаются суровым испытаниям, было начато строительство кухни и кухонного склада. Эти помещения будут готовы к работе в ближайшие несколько дней.

Поскольку первоначально в наличии была только ржаная мука низкого качества, а хлеба для военнопленных не было, были построены две печи для выпечки хлеба. До завершения их строительства хлеб выпекали в соседней деревне, чтобы военнопленные хотя бы частично были им обеспечены. Кроме склада пекарни, строительство которого было завершено две недели назад, построен склад продуктов, где достаточно места для приема и хранения продовольственных припасов. Дополнительная пристройка к зданию пекарни позволит выделить помещения для склада одежды, для системы электрического освещения, для сапожной и портновской мастерских, а также для изоляторов. Ожидается, что эта пристройка будет введена в эксплуатацию в начале ноября.

Поскольку помещений для охранников и комнат для работы персонала Dulag 240 было явно недостаточно, у входа в лагерь было построено административное здание, в котором с одной стороны находится канцелярия, с другой – общежитие для персонала Dulag 240, а также общежитие и дневная комната для охраны лагеря. Все комнаты очень хорошо отапливаются, светлые и сухие.

Частично разрушенные сторожевые вышки, оставшиеся от советского лагеря, были заменены новыми. Один барак, расположенный за пределами лагеря, но хорошо просматривающийся с южной сторожевой вышки, используется в качестве инфекционного изолятора. Он рассчитан на 30 больных дизентерией или другими инфекционными болезнями. Там живет русский медик с двумя русскими санитарями. Есть также русский врач, который ухаживает за этими пациентами. Установка небольшой кухни позволила готовить еду для этих пациентов отдельно от лагерной кухни. В настоящее время в этом изоляционном барাকে находится всего 6 больных дизентерией.

В настоящее время в Северном лагере в крытых помещениях могут разместиться около 5000 военнопленных.

Лагерь «Смоленск-Северный», вероятно, военнослужащие дулага. У одного в руке плетль. Лето 1942 г. (Лагерь уже не относится к Dulag 240)

Благодаря расширению огражденной территории лагеря было создано пространство для содержания под открытым небом еще около 10 000 человек. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что все текущие строительные проекты, включая водопровод, будут завершены до начала зимы.

2). Лагерь «Смоленск-Южный».

Лагерь «Смоленск-Южный» был размещен в здании медицинского института, которое полностью сгорело, но подвалы которого хорошо сохранились. Там имеются крытые помещения для 10 000 заключенных, около половины из которых могут провести ночь на трехъярусных деревянных нарах. Остальные лежат на деревянных или каменных полах.

Кухня, отапливаемая паровым котлом, может приготовить еды на 8000 человек за один раз. Подвал и кухонные помещения оснащены электрическим освещением. Система центрального парового отопления в спортзале на первом этаже и в фойе скоро будет отремонтирована. Если удастся достать необходимое количество досок и установить в спортзале и фойе сплошные деревянные нары, то число заключенных в лагере можно будет увеличить до 15 000-20 000 чело-

век. Это можно сделать за 4-5 дней. Два внутренних двора обеспечивают достаточную свободу передвижения для 15 000 человек.

3) Организация охраны лагеря.

В связи с ожидаемым значительным притоком военнопленных лагерь «Смоленск-Северный» был дополнительно расширен, обнесен новыми мощными заборами из колючей проволоки. Существовавшие там сторожевые вышки были заменены новыми, более высокими, размещенными в местах, обеспечивающих лучший обзор лагеря.

В конце сентября начались работы по строительству нового лагеря на территории медицинского института в южной части города. Подвальные помещения обустроивались для размещения военнопленных. Возводилось проволочное ограждение по периметру территории, строились сторожевые вышки. С прибытием первой колонны военнопленных это здание уже было полностью готово к использованию. По приказу коменданта по делам военнопленных округа «К» в бывших казармах Нарвского полка был найден еще один приемный лагерь, рассчитанный на размещение от 7000 до 10 000 военнопленных. Это расширение запланировано выполнить силами Dulag 126.

Несмотря на то, что обеспечить надежную охрану силами одного батальона было невозможно, Dulag 240 должен был обеспечивать порядок и охрану периметра теперь уже в двух лагерях, а также обеспечивать конвоирование военнопленных при перевозках. Только в последние несколько дней команду охраны заменили на 335-й территориальный стрелковый батальон⁷, численностью 1200 человек. Однако это могло повлиять только на сопровождение транспортов военнопленных, но не на надежность собственно лагерной охраны.

В период с 8 по 22 октября из Dulag 240 по железной дороге было перевезено около 75 000 военнопленных. Хотя попыток побега собственно из лагерей не было, во время каждой из железнодорожных перевозок в среднем от 5 до 10 военнопленных были расстреляны при попытке побега.

Охрана лагеря «Смоленск-Северный»

Поскольку весь персонал отдела 1С⁸ был направлен лагерным командованием для выполнения внутренних обязанностей в двух лагерях, деятельность отдела 1С была ограничена только досмотром (обыском) прибывающих в лагерь военнопленных. В ходе досмотров были найдены и конфискованы в основном ножи различных видов, детонаторы для гранат и т.д. Только в трех случаях были изъяты ручные гранаты. Досмотр убывающих военнопленных перед транспортировкой больше невозможен, так как на это нет времени. Однако, поскольку заключенные оставались в лагере едва ли больше, чем 24 часа с момента прибытия до момента транспортировки, поскольку за это время они не покидали лагерь, однократный осмотр должен быть признан достаточным.

Поскольку с самого начала в наличии было лишь очень небольшое количество охранников, сразу же была создана лагерная полиция⁹, которая отлично справлялась со своими обязанностями и держалась блестяще.

Каждый день несколько человек из военнопленных подвергались допросам. Колуфту¹⁰ удалось найти офицера, который может предоставить важные сведения. Военнопленные обычно любят рассказывать все, что им известно.

Доставленные в лагерь гражданские лица создают много неудобств и отнимают много времени, являясь большим бременем для руководства

лагеря. Только в одном лагере «Южный» находится около 20 гражданских лиц, которые являются постоянными жителями города Смоленска и были арестованы в самом городе и доставлены в лагерь без каких-либо оснований. SD¹¹ обещало направить в лагерь сотрудника полиции для проведения полицейского расследования в отношении этих гражданских лиц, но этого до сих пор не сделано.

20 октября комендант по делам военнопленных округа «К» издал приказ о выписке тяжелораненых из госпиталя военнопленных. В настоящее время в госпитале находится около 3100 раненых солдат. Из них около 500 уже могут быть доставлены в Минск поездом. Отбор раненых пленных для выписки продолжается ежедневно. Большинство из них красноармейцы, потерявшие руку или ногу или страдающие открытой формой туберкулеза. Выписка начнется в ближайшие дни.

Хотя значительное количество таких раненых военнопленных может быть освобождено, возникает вопрос «куда?». В большинстве случаев это представляет собой непреодолимую трудность. Но приток раненых настолько велик, что освобождение или выписка отдельных раненых военнопленных стали абсолютной необходимостью.

В целом, настроение среди вновь прибывающих военнопленных хорошее. Характерно, что вновь прибывшие военнопленные в первую очередь спрашивают, могут ли они получить работу, и только во вторую очередь просят еду. Даже если военнопленные немного напуганы при поступлении, они быстро успокаиваются после того, как только убеждаются в хорошем уходе и питании. Однако отсутствие хлеба всегда ощущается очень тяжело. В целом, заключенные очень стараются, но часто бывают ленивы. Все без исключения работают добровольно. Случаев восстания или отказа от работы не было.

В лагере «Смоленск-Южный» создаются подразделения конных войск. На данный момент для этой цели были отобраны один офицер и около 50 солдат. Офицер ежедневно проводит с ними занятия.

4) Личный состав Dulag 240. (См. таблицу)

5) Привлечение к работам.

Лагерь «Смоленск-Северный». Сотрудник по трудоустройству может предоставить информацию о количестве военнопленных, выданных различным подразделениям на длительный срок (долгосрочное трудоустройство). Численность военно-

Личный состав Dulag 240

	Офицеры	Служащие	Унтер-офицеры и рядовые
По штату	11	6	114
Фактически	11	6	111
Отсутствуют	-	-	3

Военнослужащие Dulag 240. Сентябрь 1941 г.

пленных на ежедневных работах колеблется от 500 до 800 человек. В основном этим занимаются гражданские интернированные лица, которых нельзя вывезти. В настоящее время непосредственно в лагере работают 280 военнопленных. Это медицинский и санитарный персонал, повара и поварской персонал, лагерная полиция, коноводы и возницы для гужевых повозок, строительные рабочие и уборщики.

Лагерь «Смоленск-Южный».

В настоящее время к работам привлекаются 860 военнопленных. В ближайшее время на работы будет отправляться свыше 1000 человек. Они в основном занимаются расчисткой завалов, подготовкой стройплощадок, земляными и погрузочно-разгрузочными работами (скан документа этой части очень неразборчивый, перевод неполный).

б) Состояние здоровья.

Личный состав Dulag 240 и прикомандированные к постоянным работам военнопленные здоровы.

Среди вновь поступивших пленных регулярно бывает большое количество тяжело- и легкораненых. После смены повязок и приема пищи тяжелораненых перевозят в госпиталь военнопленных в Смоленске, а легкораненых отправляют по железной дороге вместе со здоровыми пленными.

Кишечные больные размещаются в изоляционном бараке за пределами лагеря и получают там первоначальное лечение. Максимальное количество кишечных больных – 20. В настоящее время военнопленных с кишечными заболеваниями 10 человек.

7) Продовольствие.

Количество пайков, выданных военнопленным в период с 22.09. по 22.10.1941 г., составляет 161 721.

Состав рациона был следующим¹²: картофель (750 г), пшено (50 г) или гречка (50 г), мука (100 г), конина (75-100 г), или рыба (125 г), или мясные отходы со скотобойни. Кроме того, каждому заключенному ежедневно выдавалось 300 г хлеба. Эти нормы отпуска продуктов соответствуют калорийности рациона питания, установленной О.К.Н.¹³ на одного военнопленного в день¹⁴. Вышеупомянутые пайки варились в супе и подавались военнопленным теплыми дважды в день (утром и вечером). Обед также подвозился военнопленным, работающим вне лагеря.

Сначала хлеб для питания военнопленных можно было получить в армейских хлебопекарных ротах по указанию А.В.Л.¹⁵ Смоленска. Однако после того, как в конце сентября потребность в хлебе для немецких войск возросла и хлебопекарные роты больше не могли снабжать военнопленных хлебом, в соседней деревне были построены 4 печи для выпечки для Dulag 240. Там ежедневно выпекалось от 550 до 600 буханок хлеба весом 1,2 кг каждая. Кроме того, строятся две полевые печи, но они будут готовы в ближайшие несколько дней, так как очень не хватало инструментов и транспортных средств для закупки строительных материалов. Поскольку хлеб выпекался с запасом, можно было ежедневно снабжать им большую часть военнопленных, несмотря на возросшую потребность в по-

Обед в лагере «Смоленск-Северный». Лето 1942 г.
(Лагерь уже не относится к Dulag 240).

На пилотки нанесены лагерные номера.

В качестве обуви у некоторых деревянные башмаки

следние дни из-за большого потока военнопленных. Кроме того, каждому военнопленному, отправляемому транспортом из лагеря, выдавался паек. И в лагере «Юго-восточный», и в лагере «Северный» пленные благодарили нас за хорошие пайки (с комментарием, что в Красной Армии их никогда так хорошо не кормили).

Вначале для хранения пайков имелись только дощатые сараи. С 10 октября можно было использовать недавно построенный продовольственный склад в лагере «Северный». В подвале лагеря «Юго-восточный» оборудованы хорошие складские помещения. Сухость и вентиляция обеспечиваются в обоих складах.

Средства для приготовления пищи в лагере «Северный» представляют собой 21 открытый котел, вкопанный в землю. Кроме того, имелись две русские полевые кухни. 20 октября запас пополнился 6 русскими полевыми кухнями. Общая вместимость котлов составляет около 4200 литров. В лагере «Юго-восточный» для приготовления пищи служит восстановленная кухня университетской столовой, оборудованная паровым отоплением. Ее емкость составляет около 5000 литров.

Непосредственный контроль за приготовлением пищи и выдачей пайков военнопленным осуществляется двумя унтер-офицерами в каждом лагере. Совместно с русскими вспомогательными подразделениями (повара, дровоколы) они полностью справляются со своей задачей.

С 8 октября по 20 октября 1941 года в лагерь было завезено 220 тонн зимних припасов. Картофель хранился в погребах или в земляных кучах в соответствии с правилами. Основная сложность при обеспечении рационов питания военнопленных заключается в транспортировке продуктов. Из-за постоянной нехватки грузовиков у служб снабжения армии обычно нам выделяется только 75% или 50% от их необходимого количества. Для того, чтобы хоть в какой-то степени компенсировать этот недостаток, начато использование гужевых повозок. Смоленская фельдкомендатура также поддержала нас, специально выделив 7 таких повозок.

С 10 октября получение ржи, проса, гречихи, муки и рыбы с армейских продовольственных складов Смоленска

стало невозможным, так как этих продуктов там нет в наличии. Однако сделанные ранее в Dulag 240 запасы пока еще не закончились. Но новых поступлений со складов не предвидится. Поэтому картофель приходилось вывозить из окрестных деревень. По этому поводу полевым комендантом был отдан приказ крестьянам близлежащих районов. Однако колхозы и деревни, где хранился картофель, обычно находились в 30 км и более от города Смоленска, поэтому проблема обеспечения транспортом стала еще более острой. При посредничестве коменданта по делам военнопленных округа «К» для Dulag 240 для перевозки картофеля выделены гусеничные машины отделения дезинфекции. Но поскольку количество этих санитарных автомобилей (максимум 20 в день) и доступное в них грузовое пространство (одна машина около 1 т) очень малы, транспортных средств вряд ли достаточно для перевозки большого количества картофеля.

Также следует отметить, что для создания больших запасов продовольствия и топлива необходимо большое количество складских помещений, если необходимо обеспечить приготовление пищи на месте своими средствами.

8) Охрана.

Охрану лагеря «Смоленск-Северный» осуществляла 2-я рота 721-го охранного батальона¹⁶ (фактическая численность – 3 офицера, 25 унтер-офицеров и 135 рядовых). С 18.10.1941 г. охрану этого лагеря приняла 10-я рота 455-го территориального стрелкового (охранного) батальона¹⁷. За охрану «Южного» лагеря отвечает взвод 12-й роты этого же батальона. Охрана «Южного» лагеря скудная. Желательно усиление.

Охрана жилья Dulag 240 осуществляется самими военнослужащими подразделения.

9) Перемещение (отправка пленных).

1). Лагерь «Северный».

Несмотря на большой поток военнопленных, существенно возросший вскоре после начала немецкого наступления¹⁸, и который многократно

превышал максимальную нагрузку лагеря, предусмотренную в Н. Dv.38/4¹⁹, транспортировку все же удалось осуществлять достаточно гладко. Все без исключения перевозимые военнопленные получали в качестве походного пайка либо хлеб, либо вареный картофель. В некоторых случаях военнопленных приходилось передавать в другие, менее переполненные лагеря. Деятельность лагерной полиции и лагерной кухни заслуживает похвалы.

2). Лагерь «Южный».

С начала последних операций около 75 000 военнопленных были вывезены из этого лагеря на запад по железной дороге.

(Последняя страница документа отсканирована неразборчиво.)

Примечания

1. BA/MA. RH. 49/78.

2. Kriegsgefangenen-Bezirkskommandant K. В разное время пересыльные лагеря (Dulag), находящиеся в Смоленске, подчинялись коменданту по делам военнопленных округов «К», «Р», «J».

3. Шоссе Москва–Минск.

4. Далее по тексту этот лагерь будет называться еще и «Смоленск–Юго-восточный», вероятно, чтобы отличать от еще одного лагеря в южной части Смоленска (но на юго-западе) «Большого лагеря» Dulag 126 на Краснинском шоссе.

5. Один из лагерей «Вяземлага», занимавшийся строительством шоссе Москва–Минск.

6. Аэродром «Смоленск-Северный», расположенный сравнительно недалеко от лагеря военнопленных.

7. Lds. Sch. Bat. 335 (Landeschützen-Bataillon 335) – 335-й территориальный стрелковый батальон. С 16 октября 1941 г. батальон был развернут в тыловом армейском районе «Центр». Батальон дислоцировался в Смоленске и подчинялся 51-му стрелковому полку (Sicherungs-Regiment 51). 3 июня 1942 г. батальон был переименован в 335-й охранный батальон с подчинением 51-му охранному полку (Sicherungs-Regimentsstab 51).

8. Отдел 1С – разведывательный отдел Dulag 240. Большое внимание в работе этих отделов уделялось опросу военнопленных с целью получения новых данных о противнике. Допросы проводились по возможности сразу после прибытия военнопленного в лагерь.

9. Внутренняя охрана осуществлялась лагерными полицейскими из числа самих военнопленных. В документах Dulag 240, датированных ноябрем 1941 г., когда он

был уже в Ржеве, приводятся некоторые сведения о лагерной полиции: «Полиция, используемая в лагере, состоит в основном из украинцев, которые были освобождены и взяты на службу. До сих пор это был положительный опыт. В целом, среди украинцев существует сильная ненависть к большевистским элементам, поэтому они особенно жестки, когда речь идет о прочесывании и поиске комиссаров, политруков и партизан».

10. Вероятно, сотрудник отдела 1С.

11. SD (от Sicherheits Dienst) – Служба безопасности, специальное государственное учреждение (ведомство) нацистской Германии, осуществлявшее контроль за настроениями в обществе, собирающая информация о враждебных элементах. Являлось составной частью SS.

12. Если посчитать калорийность приведенного рациона, то она составляет не более 1861 ккал, причем в реальности она могла быть существенно меньше, поскольку для питания военнопленных использовались самые низкокачественные продукты. Для мужчины среднего веса и возраста калорийность питания, необходимая для выживания в состоянии покоя при комфортной температуре, составляет 1700 ккал/сут. Принято считать, что средние показатели суточной нормы калорий составляют: для мужчин 2500-2700 ккал в сутки.

13. ОКН (Oberkommando des Heeres) – Верховное командование сухопутных сил вермахта.

14. Приказ генерал-квартирмейстера ОКН №1/26738/41 секр. от 21.10.41 (RH 22/v. 263). Калорийность питания военнопленных: для незанятых на работах – 1487 ккал, для занятых на работах – 2175 ккал, для занятых на тяжелых работах – 2411 ккал. Это нормы питания, заведомо ведущие к истощению.

15. Служба армейских продовольственных складов.

16. WachBataillon 721, сформирован 5 декабря 1940 г. в составе 643-го пехотного полка 9-й армии. Летом 1941 г. переведен в состав группы армий «Центр».

17. Landeschützen-Bataillon V/VI (впоследствии Landeschützen-Bataillon 455) в ноябре 1939 г. батальон был передан под командование Korück 580 и подчинялся 442-й дивизии особого назначения (Division z.b.V. 442).

18. 2 октября 1941 г. войска группы армий «Центр» решили в наступление в направлении на Вязьму. 7 октября они окружили значительные силы 19-й, 20-й, 24-й, 32-й армий и группы Болдина, образовав Вяземский «котел». В плен попало по разным оценкам от 400 до 600 тыс. бойцов и командиров Красной Армии.

19. Положения о системе содержания военнопленных. Часть 4. Инструкция для коменданта транзитного лагеря военнопленных.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ О ГИТЛЕРОВСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ СМОЛЕНСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

Справка

О зверствах немецких захватчиков над советскими гражданами в гор. Смоленске и его окрестностях в период оккупации (июль 1941 г. – сентябрь 1943 г.)

Проведенным 9-15 октября 1943 года расследованием фактов зверств и уничтожения советских граждан немцами в городе Смоленске и его окрестностях установлено следующее:

На территории города и вблизи его по состоянию на 15 октября 1943 года установлено 17 могильников, в которых захоронены жертвы немецко-фашистских захватчиков.

По свидетельству очевидцев, а также произведенным вскрытием ряда могил, в которых погребены трупы, устанавливается, что немцами за период своего пребывания в Смоленске замучено и расстреляно до 139 798 советских граждан, в том числе женщины и дети.

Расследованием также установлено, что немцы по отношению к советским гражданам применяли чудовищные пытки и издевательства, истерзанных и измученных умерщвляли.

Ниже приводится перечень установленных мест погребения жертв фашистского террора в районе города Смоленска:

1. Могильники в районе пригородного садоводства «Реадовка» (в одном километре от Смоленска). В указанном месте погребено до 3000 замученных и расстрелянных советских граждан. Факты расстрелов и погребения советских граждан в указанном могильнике подтверждены показаниями 18 свидетелей.

2. Могильник в районе поселка Гедееоновка (вблизи разрушенного здания Смоленской радиостанции, в 6 километрах от города). В указанном месте в 18 ямах погребено до 5000 расстрелянных советских граждан обою пола. Злодеяния немцев и

Эксгумация трупов военнопленных в ходе работы Чрезвычайной государственной комиссии. Захоронение «Большого» лагеря. На заднем плане за колючей проволокой барак смертников. Октябрь 1943 г.

погребение жертв в указанном месте подтверждаются показаниями 11 свидетелей и поступившими заявлениями от двух граждан.

3. Могильники на территории совхоза «Пасово» Смоленского района. На территории совхоза «Пасово» немцами был организован концлагерь, в котором содержалось свыше 1200 человек военнопленных и гражданских лиц, из которых, по свидетельству очевидцев, истреблено 1050 человек.

Уничтожение советских людей производилось путем расстрелов, сожжения заживо, и часть военнопленных погибла от издевательств и холода. Злодеяния немцев и гибель указанного количества советских людей подтверждены показаниями 6-и свидетелей.

4. Могильники в районе д. Ясенная (в 7 км юго-западнее Смоленска). В двух рвах вблизи указанной деревни немцами в разное время расстреляно и погребено свыше 1000 человек советских граждан, в числе которых были женщины и дети. Факты расстрелов и погребений немцами в районе д. Ясенная подтверждены по-

казаниями 11 свидетелей и актами обследования могильников.

5. Могильники в районе д. Чечино, Липуны и поселка Печерский (Печерские концлагеря). В результате расследования, осмотра и раскопок могил установлено, что в районе Печерских лагерей захоронено до 16 000 замученных и расстрелянных советских граждан.

По заключению медицинской комиссии, советские граждане в указанном лагере уничтожались путем расстрелов, а также гибли от холода, истязаний и голода.

6. Могильник у д. Александровское, расположенный в 5 км от города Смоленска. Как установлено расследованием, в дер. Александровское 24 апреля 1942 г. немцами расстреляно и заживо зарыто в землю 176 советских граждан, в том числе грудные дети и лица преклонных лет. Злодеяния немцев и погребение в указанном могильнике 176 советских граждан подтверждены показаниями 10 свидетелей и коллективным заявлением 9 жителей дер. Александровское.

7. Могильники в районе дер. Мога-ленщина [Магалинщина] Корохоткин-ского с/совета Смоленского района. В указанных могильниках захоронено до 3500 советских граждан, в том числе женщины и малолетние дети.

Злодеяния немцев, а также захоронение трупов в указанном месте подтверждаются показаниями 21 свидетеля и 3 заявлениями граждан, а также составленными по этому вопросу пятью актами.

8. Могильники на территории медицинского городка Западной железной дороги (Большая Краснофлотская улица города Смоленска). Как установлено, немецкие захватчики в непосредственной близости от города расстреляли и закопали в ямы до 2000 советских граждан. Расстрелы проводили: офицер-гестаповец Заудель, обер-лейтенант Вальтер, ефрейтор Бертус, солдат Ганс и эсэсовец Зибкин.

Злодеяния немцев и захоронение трупов расстрелянных советских граждан на территории медгородка подтверждены показаниями 8 свидетелей, заявлением гр. Любович и актом комиссии, производившей осмотр могил.

9. Могильники вблизи Дома Красной Армии и в «Сосновой роще» [Сосновом саду] города Смоленска. Как установлено, немецкие захватчики в ночь на 20 октября 1941 г. на главных улицах Смоленска учинили кровавую

расправу над военнопленными – всю ночь расстреливали из винтовок и автоматов. Расправа продолжилась и днем 20 октября. Трупы расстрелянных в количестве не менее 5000 немцами были зарыты в Сосновом [Сосновском] саду у крепостной стены и во дворе ДКА¹.

Указанные злодеяния подтверждены показаниями 15 свидетелей и заявлениями двух граждан.

10. Могильники в районе ликероводочного завода и квартирно-эксплуатационного отдела БВО². В указанных могильниках погребено свыше 400 расстрелянных немцами советских граждан. В числе погребенных, согласно заключению медкомиссии, кроме расстрелянных имеются трупы погибших в результате замерзания в совершенно неотапливаемом помещении – лагере военнопленных.

По делу допрошено 6 человек свидетелей. Принято два заявления от граждан – очевидцев зверств, чинимых немецкими оккупантами над советскими военнопленными и гражданским населением.

11. Факты массового уничтожения немцами советских военнопленных на Смоленской электростанции. Произведенным расследованием установлено, что на Смоленской электростанции в течение 1941-42 гг. советские военнопленные немцами уничтожались путем сожжения горячим шлаком, а затем трупы вывозились на

свалку вместе с золой. Всего таким образом было уничтожено свыше 50 военнопленных.

Указанные злодеяния подтверждены показаниями 5 свидетелей.

12. Могильник на территории завода №35³ и в районе северного аэродрома г. Смоленска. В указанных могильниках погребено около 2500 советских граждан, погибших в результате изнурения, истязаний, голода, а также в результате замерзания.

Факт захоронения в указанных могильниках трупов погибших советских граждан в результате зверств немцев подтвержден показаниями 4 свидетелей и актом осмотра могильников.

Могильники в районе Красного Бора (в 7 км от г. Смоленска). Произведенным расследованием и обследованием могильников в районе Красного Бора устанавливается, что там захоронено до 15 118 трупов советских граждан.

Указанные злодеяния подтверждаются показаниями 28 свидетелей, 3 заявлениями граждан и 6 актами осмотра могильников.

14. Могильники на территории бывших складов №105 НКО⁴ (Краснинское шоссе города Смоленска). На территории указанных складов немцами были организованы концлагеря, в которых содержались советские военнопленные и гражданское население. Концлагеря существовали под №126 и являлись пересыльным пунктом. В результате массовых расстрелов, издевательств, изнурительного режима, а также холода (баракы, в которых содержались советские граждане, совершенно не отапливались) и голода в концлагерях №126 погибло до 60 000 советских граждан.

Злодеяния немцев и гибель советских людей, а также захоронение трупов на территории лагеря подтверждаются показаниями 44 свидетелей, 2 заявлений очевидцев и 2 актами осмотра могильников.

15. Могильники на территории созданной немцами «больницы» (Киевское шоссе г. Смоленска). В указанных могильниках погребено до 20 000 советских граждан, погибших в результате заболеваний и умерщвленных немцами истощенных непосильным трудом и голодом людей, которые переводились на территорию «больни-

Экзугация трупов военнопленных в ходе работы Чрезвычайной государственной комиссии. Захоронение «Большого» лагеря. Октябрь 1943 г.

цы» из концлагеря №126. Злодеяния немцев и погребение в этом месте подтверждаются показаниями 44 свидетелей, 2 актами и оставшимися в помещениях «больницы» документами.

16. Могильники на территории медгородка (Рославльское шоссе города Смоленска). В июле месяце 1941 г. на территории медицинского городка по Рославльскому шоссе (окраина города Смоленска) немцами был организован лагерь для военнопленных. Лагерь просуществовал до марта 1942 г. В результате нечеловеческих условий, существовавших в лагере, и зверств немецко-фашистских захватчиков за время его существования в нем погибли свыше 5000 человек.

Злодеяния немцев в указанном лагере, а также гибель людей и захоронение трупов на территории медгородка подтверждаются показаниями 8 свидетелей и соответствующим актом осмотра могильников.

Злодеяния немцев в городе Смоленске и в его окрестностях над советскими военнопленными и гражданским населением, в результате которых погибло до 139 798 человек, подтверждаются произведенным расследованием, в процессе которого поступило 46 заявлений граждан, получены показания 219 свидетелей. Это же подтверждается и 30 актами осмотра могильников.

Начальник управления НКГБ Смоленской области

Комиссар государственной безопасности (Кондаков)

15 октября 1943 г., г. Смоленск

Центральный архив ФСБ России.
Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 128-131.

Подлинник.

СПРАВКА

О совершенных злодеяниях немецкими оккупантами в гор. Смоленске

1. Григорьева Екатерина Николаевна, 1892 г. рождения, уроженка г. Смоленска. В период оккупации проживала в г. Смоленске по пер. Дарвина, №6. Сейчас проживает г. Смоленск, Карачевский пер., дом №2.

В период оккупации гор. Смоленска я жила как раз против двора электростанции, где сваливали золу и шлак. Для восстановления электростанции в гор. Смоленске немцы применяли в качестве рабочей силы военнопленных.

Начиная с октября 1941 г. и до конца марта 1942 г. немцы ежедневно пригоняли во двор электростанции около 250-300 человек русских военнопленных. Среди военнопленных было много очень слабых. Из числа слабых немцы ежедневно расстреливали по 5-10 чел. Расстрелянных сваливали на месте, где свалена зола и шлак и прикапывали золой и шлаком.

Я сама лично видела, как расстреливали. Весной во время разлива Днепра в 1942 и 1943 г. я видела, как трупы этих расстрелянных военнопленных поднимало водой и уносило по течению. Количество погибших военнопленных, таким образом, во дворе электростанции, по-моему, свыше 300 человек.

2. Куркова Лидия Владимировна, 1917 г. рождения, уроженка г. Смоленска. В период оккупации г. Смоленска проживала по ул. Кашена, д. №4. Сейчас живет по ул. Кашена, дом №5.

Перед вступлением немцев я уезжала в деревню. Возвратилась в г. Смоленск в конце июля 1941 г., когда немцы уже были в городе. Я сама видела до 500 чел. русских военнопленных, расстрелянных немцами, лежащих незаконными в окопах по берегу Днепра, от ликеро-водочного завода и до нового моста. Через некоторое время эти трупы были закопаны, т.е. окопы сравняли. Позднее на этом месте немцы устроили площадку-бензосклад. Для этой цели предварительно проводились земляные планировочные работы, поэтому точно установить, где проходила эта линия окопов, сейчас трудно.

Этот факт подтверждают:

Красовская Анна Ивановна, уроженка г. Смоленска, проживает сейчас по ул. Смирнова, д. 8, кв. 28.

Сороченкова Елизавета Васильевна, проживает по ул. Смирнова, д. 8, кв. 28.

Богданова Мария Ефимовна, 1895 г. рождения, уроженка дер. Бурмагино Краснинского р[айо]на, жительница гор. Смоленска.

Михеева Нина Григорьевна, 1920 г. рождения, жительница г. Смоленска.

Богданова Евдокия Николаевна, 1920 г. рождения, жительница гор. Смоленска.

Все проживают сейчас в гор. Смоленске по Мало-Пушкинской ул., д. 36.

Перед оккупацией гор. Смоленска мы ушли в дер. Слотова Краснинского р[айо]на. Осенью 1941 г. мы возвратились в г. Смоленск. По дороге в 22 км от Смоленска по Досуговскому большаку, в 3-х км от д. Воронино Смоленского р[айо]на, в 10 метрах от большака, на Тягловском поле, мы сами видели могилу-яму, где свалены расстрелянные немцами евреи – жители гор. Смоленска. Расстрелянные плохо засыпаны, и мы сами видели отдельные выделяющиеся головы и другие части тела. Тут же валялись еще фески, кепи.

Как рассказывали нам жители дер. Воронино, копавшие недалеко картошку, что в этой могиле закопано много детей, брошенных живыми.

4. Заявитель Клецкин С.Г., секретарь Минковского с/с.

Очевидец, когда немцы привели до 100 чел. мирных жителей г. Смоленска в д. Реадовка, в 4 км от г. Смоленска, расстреляли и там же, на месте, закопали.

5. Семкина Анна Дмитриевна – Есенная, д. №7.

Немцы разместили в траншее около медгородка около 600 чел. военнопленных. Эта траншея от ветхости обвалилась, в которой погибли все находившиеся военнопленные в количестве 600 чел.

6. Ефременков Федор, 2-я Краснинская, д. №23.

В 1942 г. в г. Смоленске на лесопильном заводе «Пролетарий» немецкие оккупанты расстреливали гражданское население и военнопленных. Трупы расстрелянных складывались в штабеля, а затем засыпались опилками. С наступлением весны трупы расстрелянных граждан оккупанты закапывали на территории завода.

7. Бувич Роман Иванович, проживает в Смоленском р[айо]не, совхоз Семичевка, раб[отает] мельником на совхозной мельнице.

В 1942 г. в мае мес[яце] в совхозе Семичевка по Киевскому шоссе (2 км от г. Смоленска), около рва, в вырытом

Эксгумация трупов военнопленных в ходе работы Чрезвычайной государственной комиссии. Захоронение «Малого» лагеря на склоне Чуриловского оврага. Октябрь 1943 г.

окопе немцы расстреляли одну женщину и троих детей. После расстрела матери и двоих детей самого маленького бросили в окоп на труп матери и расстреляли уже в окопе. После этого трупы расстрелянных зарыли землей.

Крынов Андрей Яковлевич, 1896 г.р., урож[енец] г. Смоленска, прожив[ает] по ул. Больш[ая] Краснофлотская.

В этом рву немцы часто расстреливали мирных граждан, там же их и зарывали. Очевидцы этого рабочие совхоза.

В конце Б. Краснофлотской ул., против Свирской церкви, недалеко от Днепра при немцах находился жандармский пост, при котором работали военнопленные красноармейцы.

После работы вечером немцы оставляли по пять человек пленных работать дольше всех, а потом поздним вечером уводили их ко рву и расстреливали. Там у рва их и закапывали. Такие расстрелы военнопленных немцы проводили часто.

Центральный архив ФСБ России.
Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 124-126.
Подлинник.

Протокол допроса Алексея Николаевича Смирнова

1943 г., сентября 28-го дня, я, капитан Нарышкин, допросил в качестве

свидетеля Смирнова Алексея Николаевича, 1905 г.р., уроженца деревни Сурпово Максинского р[айо]на Ленинградской обл., проживающего гор. Смоленск, 2-я советская совбольница, по национальности русского, ранее состоял членом ВКП(б) с 1930 г., оказавшись в 1941 г. в окружении, билет уничтожил, имеет высшее образование, в 1930 г. окончил военно-фельдшерскую школу, в 1930 г. – антирелигиозный вечерний университет и военно-медицинскую академию в 1939 г., паспорта не имеет, врач-венеролог 2-й советской больницы, по происхождению из крестьян-бедняков, по соц[иальному] положению служащий, семья – жена Русинова Ольга Алексеевна, прож[ивающая] гор. Смоленск, учительница с/г школы.

Вторая Отечественная война застала меня на военной службе в качестве старшего врача 3-го арт. полка 18-й стрелковой дивизии в г. Казани.

5 июля в составе вышеуказанной части я выбыл на фронт под гор. Орша. 16 июля 1941 г., находясь под Оршей, мы узнали, что в окружении немцев. Наша дивизия в течение 13-14 июля 1941 г. вела ожесточенные бои в районе Орши и была разбита 21 июля 1941 г. у деревни Михеевки. Я со своей женой, находящейся со мной на фронте в качестве медицинской сестры, были с группой раненых взяты

в плен немцами, помещены в дер. Михеевке в овин.

Поскольку жена моя, находясь в окружении, смогла приобрести гражданское платье, она была освобождена немцами. Когда меня вместе с другими пленными посадили в овин, жена в тот же день достала гражданское платье, охрана была плохая, и жена передала мне в окно овина гражданское платье, я переоделся и ночью бежал. После побега я с женой остановился на жительство в дер. Гевино. В мае месяце 1942 г. в связи с болезнью жены я решил направиться на жительство в гор. Смоленск, чтобы сделать жене неотложную операцию.

Прибыв в Смоленск 15-16 июня 1942 г., я сразу же был арестован начальником города, который направил меня в гестапо. Там я правдоподобно рассказал о своей службе в качестве военврача и о своей партийности, после чего гестапо был направлен в лагерь русских военнопленных №126, который находился по Краснинской улице.

Находясь в лагере №126, я могу сообщить о нем следующее:

Сведения, сообщенные мною, базируются как на личных наблюдениях, так и на рассказах очевидцев: Богданова, бывшего начальника санслужбы лагеря №126, его заместителя врача Костенко, врача Широкова и др.

Цифровые данные не будут отличаться достаточной точностью, так как происходило систематическое прибытие и поэтапное убытие военнопленных.

Лагерь №126 существовал с июля 1941 г. по 20 сентября 1943 г. Общая вместимость лагеря достигала 25-30 тыс. человек. Трагедия лагеря №126 войдет в историю как одно из самых величайших злодеяний фашизма по истреблению советских граждан. Лагерь представлял собой систему неутепленных бараков (бывших военных складов), с отсутствием в них каких бы то ни было нар и отопительных приборов. Все эти бараки были до отказа набиты пленными, которые располагались на земляном полу. В щели стен врывался не только холодный зимний воздух, но и снег. Люди в бараках потеряли свой человеческий облик и были похожи на тени, на скелеты, обтянутые кожей, до та-

кого состояния довели их холод, систематический голод и сыпной тиф. Вши буквально кишели не только под одеждой, но и поверх нее. Вместо одежды и обуви на пленных были изодранные лохмотья, через которые просвечивали грязные, изнуренные тела. Под влиянием холода люди собирались кучками, жались друг к другу, чтобы согреться, а каждое утро в бараках находили сотни замерзших трупов, были случаи людоедства (поедали трупное мясо). Людоеды были расстреляны. Трупы извлекались из бараков специально изготовленными железными крючками, грузились на тележки и увозились на кладбище, расположенное в северо-западной части лагеря. Смертность в лагере доходила до 300-350 человек в день. Так, по скромным подсчетам, за шесть холодных месяцев в 1941-1942 гг. погибли свыше 50 тыс. человек и 16 тыс. в госпитале для русских военнопленных.

Я привожу дословное выражение бывшего военнопленного Гришина Василия Николаевича, проживавшего ранее в г. Москве: «Из 50 тыс. военнопленных, попавших в лагерь №126, к концу первого года пребывания в лагере остались я и мой товарищ, только потому, что мы были полицейскими».

Питание было организовано так. На лагерной кухне для военнопленных изготавливалась так называемая «баланда», состоящая из воды и часто неочищенного, гнилого картофеля. Затем все это сливалось в огромные грязные ванны и разливалось в грязную, имеющуюся на руках военнопленных посуду. При этом немецкие солдаты беспощадно избивали палками следующих в строевом порядке за получением «пищи» военнопленных. Часто люди здесь же падали и умирали. Воды для питья в бараках никогда не было, и люди были вынуждены есть снег.

Медицинское обслуживание сводилось к уборке умерших.

В западной части лагеря была сооружена виселица, и за попытку к побегу военнопленные подвергались повешению на глазах всех пленным.

Перед «вербовкой» в так называемую «русскую освободительную армию» немцами были проведены неко-

Экспозиция трупов военнопленных в ходе работы Чрезвычайной государственной комиссии. Захоронение «Малого» лагеря на склоне Чуриловского оврага. Октябрь 1943 г.

торые улучшения быта военнопленных, что относится к лету 1942 г.

Записано с моих слов верно, прочитано. Подпись.

ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 145-146.

Копия.

**Справка
О массовом истреблении
пленных бойцов и командиров
Красной Армии
и гражданского населения
немецкими оккупационными
властями в пригороде
гор. Смоленска и районе
деревень Чечино, Липуны и села
Печерск**

В октябре месяце 1943 года в Государственную чрезвычайную комиссию по расследованию злодеяний, совершенных немецкими оккупантами, и в местные советские органы (Смоленский райисполком и Дивасовский сельсовет) поступило 14 заявлений от граждан разных деревень Дивасовского сельсовета Смоленского района: Ганенкова Е.Е., Милентьевой А.Г., Сойкиной А.М. и др. с сообщением о существовании во время немецкой оккупации вблизи деревень Липуны и Чечино лагерей для пленных бойцов и командиров Красной Армии и

фактов массового истребления советского народа немецкими оккупантами на территории Дивасовского сельсовета.

Произведенным расследованием установлено:

1. Лагерь и могилы в районе села Печерск.

В пригороде гор. Смоленска, южнее автомагистрали Москва–Минск, в полукилометрах от деревни Липуны и села Печерск, на территории бывшего Вяземского лагеря НКВД немецким командованием в августе 1941 года был организован лагерь для пленных советских бойцов и командиров, который существовал до сентября месяца 1943 года. Количество содержащихся в лагере военнопленных все время менялось и временно доходило до 50 тыс. человек. Имеющиеся на территории лагеря постройки занимались службами и охраной, для пленных же было выделено только несколько бараков, в которых могли разместиться только несколько сот человек, и поэтому большая часть пленных находилась под открытым небом в разное время и в разную погоду (дождь, снег, морозы).

Об условиях содержания пленных в этом лагере свидетели показывают следующее:

«Основное же большинство военнопленных размещалось прямо на поле, обнесенном несколькими рядами

колючей проволоки. Военнопленные валялись прямо на земле под дождем и снегом. Люди сотнями умирали от голода, простуды и замерзали в холоде, находясь без крыши и пола на голой земле» (из показаний свид[етеля] Ганенкова).

«Военнопленные содержались в ужасных условиях. Из-за отсутствия помещения люди в дождь и снежную пургу осенью 1941 г. и зимой 1941-1942 гг. находились в лагере прямо под открытым небом, кормили очень плохо. Люди от голода и холода сотнями умирали, и трупы их ежедневно отвозились в специально заготовленные военнопленными неподалеку от черты лагеря могильники» (из заявления Ганенкова).

«Пленные никогда не раздевались. Среди них была большая вшивость. Белье не выдавалось. Многие находились под открытым небом, так как места в бараке всем не хватало. С немецкой кухни пленные подбирали картофельные очистки и глодали кости, выброшенные немцами» (из показаний Милентьевой А.Г.).

«Немцы всех военнопленных выгнали в чистое поле, обнесли их несколькими рядами колючей проволоки, поставили вокруг немецкую охрану и назвали это место лагерем военнопленных. Здесь люди не только не могли укрыться от дождя, снега и ветра, но даже вообще не имели возможности посидеть и полежать, так как для этого не было места, настолько

много их было сюда собрано. Среди военнопленных было много тяжелобольных, и они находились вместе со всеми, т.к. в лагере никакой медицинской помощи раненым и заболевшим не оказывалось. К тому же немцы совершенно ничем не кормили военнопленных и даже не давали им воды. Только изредка военнопленные получали немного гнилой картошки и партиями ходили на реку пить воду» (из показаний Сойкиной).

«Люди лежали, несмотря на осеннюю слякоть, дождь и снежную пургу, зимой 1941-42 гг. прямо на голой земле под открытым небом. Дневной рацион военнопленного состоял из 200 гр. черного хлеба пополам с древесными опилками и овсяной мякины и кружки воды. Воды даже не хватало, так как размещалось большое количество людей. Медицинской помощи никакой не оказывалось» (показания Камисовой В.Р.)

«Основное количество военнопленных размещалось прямо под открытым небом на площадке лагеря. Здесь они находились в дождь и снежные бураны. От голода, холода и простуды люди тысячами погибали и увозились на свалку и в могильники. Я видел, что осенью и зимой 1941 г. ежедневно хоронили в могильниках не менее 100-150 жертв, замученных в лагере» (из показаний Щедрова И.К.).

«В лагере часто содержалось по несколько тысяч пленных, которые размещались под открытым небом, не

смотря на морозы, дождь и снег. У многих пленных отсутствовали верхняя одежда и обувь. Пленные получали 150 гр. хлеба с примесью древесных опилок и мякины и один раз хлебку (баланда), состоящую из воды с небольшой примесью муки и разных отбросов (картофельные очистки и очистки от брюквы)» (из показаний Никитина У.П.).

«Военнопленных кормили очень плохо. На день давали 150 гр. хлеба, который был из древесных опилок и овсяной муки, и кружку холодной воды. Даже воды и то не всегда всем хватало» (из показаний Котова).

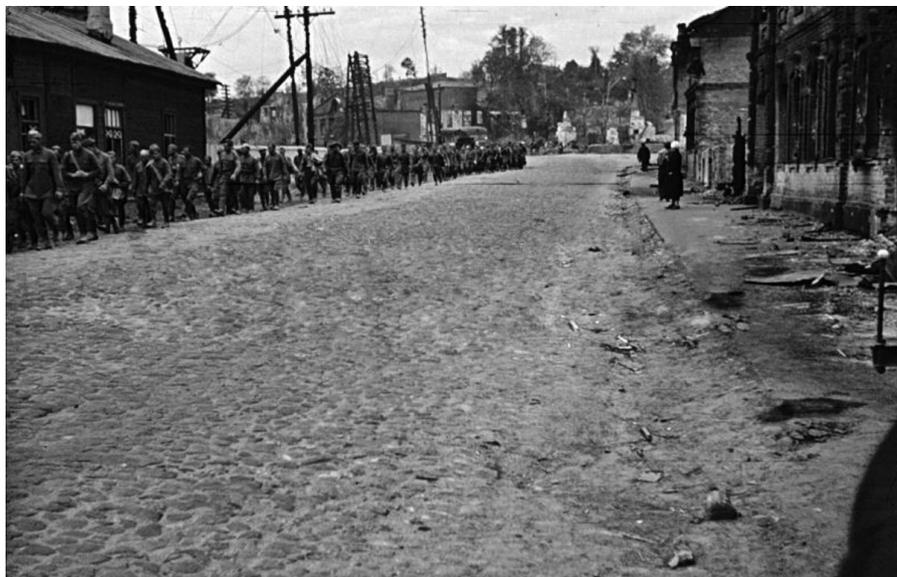
«Вновь прибывшие в хорошей одежде и обуви немедленно раздевались и разувались охраной и взамен своей одежды и обуви либо получали тряпки, или совсем ничего не получали. По нескольку дней вообще ничем военнопленных не кормили. Иногда давали дохлых лошадей в пищу военнопленным. Люди настолько были изнурены голодом, что если военнопленному попадалась на дороге какая-либо падаль, то он ее подбирал и немедленно ел. Из-за этой падали военнопленные устраивали даже драки между собой» (из показаний Ганенковой Е.Ф.).

«Людей кормили чем попало: мертвыми, больными лошадьми, картофельными очистками и давали по 100-200 гр. хлеба, выпеченного из овсяной муки, не очищая ее от колючек» (из показаний Федосовой А.Г.).

«Я была свидетелем такого факта: в лагерь привезли пристреленную заболевшую лошадь и бросили ее на съедение к военнопленным. Когда военнопленные бросились к ней, желая оторвать для себя кусок мяса, охрана лагеря открыла стрельбу по ним из автомата» (из показаний Щедровой М.Н.).

«Там находилось военнопленных более 20 000, и они мне сказали, что питания не получают более 8 суток. Военнопленных пригнали к озеру для питья. Кто напился, а кто не напился. Немцы открыли стрельбу и застрелили трех военнопленных» (из показаний Жучковой З.В.).

Наряду с нечеловеческими условиями содержания пленных в лагере немцы расстреливали военнопленных за незначительные проступки и

Колонна военнопленных движется от Витебского шоссе в сторону железнодорожной станции. Конец лета 1941 г.

по причине истощения. Всех умерших от голода, холода, истязания и расстрелянных зарывали вблизи лагеря в специально приготовленных для этой цели ямах.

Всего в этих могильниках зарыто свыше 16 000 пленных советских бойцов и командиров. Этот факт подтверждается следующими свидетельскими показаниями:

«Из беседы с зятем Миленцевой Прасковьи, жительницы деревни Липуны, фамилии которого я не знаю, весной 1943 г. мне стало известно, что всего в могильниках закопано немцами 16 000 человек. Сам зять Миленцевой по национальности украинец. Он являлся военнопленным и служил при немецкой комендатуре по содержанию и охране лагеря военнопленных» (из показаний свид[етеля] Ганенкова).

«Военнопленных погибло более 16 000 чел. Эта цифра вполне реальна, так как будучи на работе в лагере, я сама была очевидцем массовой гибели от нечеловеческих условий жизни, в которых они жили» (показания Щедровой Н.Н.).

«Подойдя к лагерю, мы увидели жуткую картину. Кругом валялись убитые пленные. Подошла машина, сгрузила несколько десятков трупов, которые потом пленные отвозили на лошадей в могилы. Трупы эти были раздеты и разуты, и даже некоторые были совершенно голые. Пленные эти были расстреляны немцами, так как на них были следы крови» (из показаний Миленцевой).

«В результате голода, холода, побоев и болезней в лагере ежедневно умирало большое количество военнопленных, т.е. не менее 150-200 чел. К тому же следует добавить, что немцы всех оставших при передвижении и выходах на работу, вследствие истощения от голода, расстреливали на месте» (из показаний Фокиной).

Также приходилось наблюдать факты расстрела пленных, когда их гнали партиями по большаку. Люди шли чуть живые, и если кто из них отставал хоть на минуту за кем-либо, то его сразу убивали, и таких трупов по дорогам валялось сотнями. Наказывали пленных за малейшие проступки, и даже за то, что пленный подойдет к кухне попросить отбросы. Их избивали

плетками и били палками. Эти зверства можно было видеть очень часто.

Конкретными виновниками массового истребления пленных бойцов и командиров в лагере села Печерск являлись коменданты лагеря Бесс, Шройде, Курц.

Лагерь в районе деревни Чечино

На территории бывшего имения Илюшино в Дивасовской неполной средней школе немецкой воинской частью под названием ТОД⁵ в сентябре м[еся]ца 1941 г. был организован лагерь, который просуществовал до сентября м[еся]ца 1943 г. В этом лагере замучено свыше 200 чел. пленных. Наряду с этим в здании Дивасовской неполной средней школы расстреляно 16 чел. гражданского населения. Все умершие в лагере от холода, болезни и избиения, а также расстрелянные зарыты в окопах и ямах в районе имения Илюшино.

По этому вопросу допрошенные свидетели показывают следующее:

«Пленных немцы содержали в сараях и конюшнях и только в зимние холода поместили в дома, но неимоверно скученно, отчего вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Кормили немцы пленных жиденькой болтушкой из овсяной муки и картофельными очистками. Хлеба выдавали 200 гр. Соли не давали совершенно. Вследствие голода и холода пленные умирали. Также часто были случаи расстрела и избиения пленных. Трупы немцы зарывали в окопах. Часто приходилось видеть, как из лагеря уходили закрытые грузовые автомашины, в которых немцы увозили пленных, но куда неизвестно. Мне лично известно несколько мест, где немцы зарывали убитых и умерших от голода и холода пленных, например, в обрыве у реки, в 100 м от лагеря, размещавшегося в Дивасовской школе. Зарыто там в разных местах человек 50.

В деревне Владимировское, в обрыве реки, зарыто человек 10 мирных жителей, в числе которых 6 подростков. Администрация и охрана лагеря издевалась над пленными, совершенно безвинно избивала их плетками и палками якобы за медлительность или плохую работу, тогда как пленные по

своему истощению еле двигались, не говоря уже о возможности работать» (показания Хаецкой М.Н.).

«Больных под видом тифозных пристреливали, где закапывали неизвестно. Комендантом лагеря был некто немец по фамилии Файжель, и шефом лагеря был также немец, звали его Павлуш» (показания Трифоной Е.Д.).

«В 1942 г. в период уборки урожая немцы расстреляли двух мальчиков лет по 13-ти неизвестно откуда. Они ходили по нашей деревне и просили покушать».

«Пленных, как правило, помещали в холодных сараях и зимой. Хлеба давали буханку на 7 человек, а буханка весила 800 г, и болтушки немного. Для пленных подбирали дохлых лошадей. Пленные умирали в лагере. Их на автомашинах куда-то увозили. Я лично был очевидцем, когда в декабре 1941 г. пленные были выведены на пилку леса. По пути один пленный зашел в дом попросить хлеба. Немец, увидя это, пленного догнал и убил на месте».

По указанию допрошенных свидетелей установлены места могильников, произведено их вскрытие и судебно-медицинское исследование обнаруженных в них трупов.

Полковник госбезопасности (Петрунин)

« » октября 1943 года

Центральный архив ФСБ России.
Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 112-119.

Справка О массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также советских граждан в Смоленском госпитале для военнопленных

После оккупации в июле 1941 года немецко-фашистскими войсками города Смоленска представители немецкого командования в здании фельдшерской школы, находящейся по улице Киевское шоссе, открыли госпиталь для бойцов и командиров Красной Армии, а также для советских граждан.

Комплекс построек во дворе железнодорожной больницы. В этом месте находился один из трудовых лагерей

Немецкие захватчики, открыв госпиталь, создали в нем невыносимый режим, направленный на систематическое истребление больных и раненых.

Допрошенные свидетели:

1. Чижов Анатолий Иванович, работавший в госпитале врачом;
 2. Наричин Досифей Александрович, работавший в госпитале фельдшером;
 3. Тютюнник Василий Александрович, работавший в госпитале фельдшером;
 4. Руклевский Леонид Георгиевич, работавший в госпитале санитаром;
 5. Иванов Тимофей Александрович, работавший в госпитале поваром,
- являются свидетелями следующих фактов:

Здание, в котором был открыт госпиталь, своему назначению не соответствовало, во многих окнах не было стекол, причем немцы сняли паровое отопление.

Кубатура здания позволяла разместить в нем не более 1000 человек, однако число больных и раненых доходило до 4500 человек, в связи с этим больные размещались в коридорах и подвальных помещениях. Госпиталь койками, постельными принадлежностями и другим инвентарем снабжен не был, поэтому раненых клали прямо на пол.

Нормальное питание отсутствовало, больные получали полуголодный рацион, состоящий из 200 граммов хлеба, смешанного с древесными опилками, супа из зерна ржи,

овощных очисток или гнилого картофеля.

Для поддержания тяжелобольных один раз только был отпущен сыр, но он оказался гнилым. Доставленные кровяные консервы были негодные, так как срок их годности давно истек.

Хирургическое отделение госпиталя инструментами обеспечено не было, операции производились в крайне антисанитарных условиях.

Вследствие того, что больные и раненые не получали минимальной медицинской помощи, уход за ними отсутствовал. Содержались они в антисанитарных условиях, а в зимнее время в неотапливаемых помещениях, смертность среди них достигала до 200 человек в сутки, и поэтому с 20 июля 1941 года по 25 сентября 1943 года погибло более 25 000 человек.

Главные врачи госпиталя Закс и Гивак вместо оказания медпомощи сознательно умерщвляли больных и раненых, беря у них кровь для переливания ее раненым немецким солдатам и офицерам.

Врач Закс, с тем, чтобы скрыть причины громадной смертности, имевшей место в госпитале, запретил упоминать в историях болезни причины смерти от истощения, а ссылаться на туберкулез.

Кроме того, в госпитале свирепствовал фашистский террор, организаторами которого являлись: начальник отделения гестапо Гисс и главные врачи госпиталя Закс и Гивак. Они усугубляли ситуацию для раненых, вы-

являя среди них «неблагонадежных», евреев и коммунистов, а потом их расстреливали.

Из показаний свидетеля А.И. Чижова:

«Отсутствие необходимых санитарных условий, вещевого довольствия, медикаментов и инвентаря ставили госпиталь в исключительно тяжелое положение. Вместо снабжения госпиталя в 1942 году немецкое командование изъяло свыше 700 шт. шинелей, полушубков и обуви.»

Из показаний свидетеля Д.А. Наричина:

«...Условия в нашем госпитале были исключительно антисанитарные. От шивовости с декабря 1941 года до августа 1942 года свирепствовала эпидемия сыпного тифа. От сыпного тифа, замерзания и, главным образом, от истощения в госпитале ежедневно умирало 150-200 человек; по моим подсчетам, за все время с 1941 года по 1943 год в этом госпитале умерло не менее 25 000 человек военнопленных.»

Из показаний свидетеля В.А. Тютюнника:

«В марте 1943 г. я видел, как главный врач лагеря №126, он же и главный врач госпиталя, отобрал истории болезней военнопленных, прошедших лечение от 4 до 15 дней после выздоровления. После чего по составленному списку вызывал всех и лично сам брал кровь от 150 до 300 г у каждого. Кровь была взята у военнопленного Шипова Ивана Кузьмича, Бедина Тимофея и других. За взятую кровь немцы обещали выдать хороший паек, но выдачу его производили не всем и в весьма небольшом количестве.»

«Отдельные военнопленные оказывали сопротивление и не отдавали свою кровь. Тогда немцы силой брали кровь, физически сдерживали руками и в этот момент производили уколы.»

Из показаний Л.Г. Руклевского:

«В мою бытность в госпитале в зимний период ежедневно умирали несколько сот человек больных военнопленных красноармейцев. Я лично видел, как за один день зарыли в могилы более как по 200 трупов.»

«Питание в госпитале было плохое, два раза в день выдавали суп из косточной муки и по маленькому кусочку хлеба из муки и древесных опилок.»

Из показаний свидетеля Т.А. Иванова:

«...За период с октября месяца 1941 года по май месяц 1942 года в госпитале военнопленных умерло около 20 000 человек от истощения и зверского избиения, трупы их были закопаны в ямы в 150 метрах от госпиталя».

Из показаний свидетеля А.И. Чижова:

«Когда я прибыл в госпиталь, немецкий врач-хирург проводил операции, совершенно не стерилизуя хирургических инструментов, а просто вытирал кровь тряпкой. Перевязочных материалов нам не давали, снабжали бумажными бинтами. Вместо того, чтобы дать возможность нашему госпиталю использовать кровь больных, перенесших сыпной тиф, для выработки противотифозной сыворотки, эту кровь брали и вырабатывали сыворотку для немецких солдат и офицеров.

В госпиталь поступали больные завшивленные, истощенные, с отеками, тифозные, с поносами, по существу уже являлись безнадежными, и все умирали. От этих исключительно причин в госпитале с 1941 года по сентябрь 1943 года, по самым скромным подсчетам, умерло не менее 25 000 человек».

Начальник оперативного отдела УНКВД Смоленской области

Майор государственной безопасности Сычев

20 октября 1943 года

ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 118-121.

Письма в Государственный архив Смоленской области о рабочем лагере в совхозе «Пасово»

1.

В Смоленский областной архив
214000, Смоленск, Соборный двор,
д. 5

От Бадаева Михаила Григорьевича
214019, г. Смоленск, ул. 9-го Января,
д. 9

В годы Великой Отечественной войны 1941-45 годов, в период временной оккупации немецко-фашистскими

захватчиками Смоленщины, на территории зоны отдыха летного состава Красной Армии в совхозе «Пасово» Корохоткинского с/совета Смоленского р[айо]на Смоленской области был гражданский рабочий лагерь. Вся территория лагеря была [обнесена] несколькими рядами колючей проволоки. Лагерь усиленно охранялся, вход и выход в лагерь осуществлялся только по разрешению коменданта по особым пропускам. Под вековыми липами по другую сторону проволоки были огромные склады авиабомб, бочек с горючим, солярой и боеприпасов. Все это охраняла еще одна охрана, особый батальон, который жил в теплых землянках, вырытых в оврагах вокруг совхоза. Зоной особого внимания была водяная мельница, на охрану которой выделялось два усиленных взвода, которые жили в бане совхоза рядом с мельницей.

Очень тяжело жилось жителям гражданского лагеря, непосильный труд, недоедание, постоянные издевательства делали эту жизнь еще тяжелее. Люди еле сводили концы с концами.

На территории этого гражданского рабочего лагеря было три концлагеря для наших военнопленных: один в телятнике возле совхозного кладбища внизу и деревней Щеткино. Раненые, голодные, полураздетые люди лежали прямо на навозе. В центре совхоза, в сарае, в котором до войны хранились веялки, молотилки и другой сельхозинвентарь, был второй лагерь. В сторону деревни Корохоткино, в недостроенной кирпичной мастерской, был самый большой концлагерь, в котором были раненые, обессиленные люди. Тяжело и невыносимо жилось военнопленным в концлагерях: под открытым небом, на гнилой соломе, под дождем, без пищи, раненые, без медицинского обслуживания. От тифа, дистрофии, вшей, издевательств фашистов и полицаев, расстрелов погибли тысячи военнопленных. Однажды под осень немцы согнали все мужское население, особенно детей, и на наших глазах подожгли лагерь⁶. Раненые, изможденные люди, ища спасение, пытались выбраться через окна и двери, но немцы расстреливали их из автоматов и винтовок. После этого заставили нас стаскивать в ров

остатки несгоревших трупов и засыпать землей. Через некоторое время лагерь в мастерской начал существовать вновь. Наступила зима 1941 года, пленные умирали десятками в день. Мы, детишки, пытались хоть чем-то помочь обездоленным, но нам тоже нечего было есть, и если что и пытались передавать пленным, немцы нам не давали этого делать, травили нас собаками, били палками. Умерших зимой не хоронили, складывали штабелями во рву. Это все делалось, видимо, для устрашения нас. Нас вместе с военнопленными гоняли на работу на аэродром. Кто по пути следования падал от бессилия – пристреливали, и трупы валялись целый день, до возвращения колонны назад. И так продолжалось каждый день.

Старостой гражданского лагеря был Галактионов, бывший рабочий совхоза. Правда, к гражданским он относился довольно сносно. Старшая его дочь была переводчицей у коменданта Вейбе. Так эти страшные годы тянулись до сентября 1943 г., затем все жители, оставшиеся в живых, были угнаны в Германию. У каждого судьба сложилась по-разному. Кто остался в живых и не поддавался на уговоры союзных армий, вернулись на Родину. Этим «счастливчиком» оказался и я. Так началась послевоенная жизнь.
11.02.1991 г.

Шестакова (Иващенко) Ольга Иосифовна:

...В период оккупации немецко-фашистскими захватчиками на территории рабочего лагеря совхоза «Пасово» с июля 1941 г. по сентябрь 1943 г. находилось три концентрационных лагеря советских военнопленных: в недостроенной мастерской в сторону д. Корохоткино, между кладбищем и деревней Щеткино в телятнике, в центре совхоза в сарае для хранения сельхозинвентаря.

Из-за невыносимых, нечеловеческих условий, издевательств, отсутствия элементарной медицинской помощи, постоянного надругательства, избиений, содержания в неотапливаемых помещениях погибли тысячи солдат и офицеров – от тифа, расстрелов.

12.07.1988 г.

ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 221-223.

Справка

**О массовом истреблении немецкими захватчиками
пленных бойцов и командиров Красной Армии
на Смоленской городской электростанции**

По заявлению очевидцев граждан города Смоленска и проведенным расследованием установлено, что немецкие захватчики на трудоемких работах на Смоленской городской электростанции использовали советских военнопленных, основная масса которых была истощена и ослаблена в результате систематического недоедания в лагерях.

На территории электростанции нередко наблюдались случаи, когда пленные, изнуренные голодом, падали от непосильной работы и на месте падения расстреливались немецкими конвоирами. Трупы расстрелянных погружались на вагонетки с горячей золой и вывозились на свалку во двор электростанции.

Наряду с этим немцы неоднократно во дворе электростанции на свалке золы и шлака расстреливали военнопленных, которые в силу истощения не могли выполнять порученную им работу.

О фактах зверского истребления пленных на электростанции свидетели дали следующие показания:

«Я сама лично видела, как немцы измученных и после перестрелянных русских военнопленных бросали в вагонетку в горящий шлак и увозили па свалку. Начиная с 1941 года и по 1942 год, немцы ежедневно расстреливали по несколько человек за смену». (Из показаний свидетел[ьницы] Бабковой Александры Тихоновны от 13.X-43 г.)

«Военнопленные в количестве 300-350 человек проживали на территории Смолгэс, другие же в количестве 100-150 человек ежедневно доставлялись из лагерей военно-

пленных. Подавляющее большинство военнопленных были истощенные и больные. Физически слабых и больных русских военнопленных немцы расстреливали на месте работы – на территории Смолгэс в присутствии военнопленных и рабочих Смолгэс или же прикладами разбивали им черепа, а после пристреливали. Трупы расстрелянных бросали в вагонетку горячего шлака и вывозили на место свалки золы и шлака. На моих глазах за период 1941 г. и 1942 г. было расстреляно и свалено в золу около 30 человек русских военнопленных». (Из показаний свидетеля Богданова Павла Лукича от 13.X-43 г.)

«Для выполнения черновых трудоемких работ на Смолгэс, как-то: подвозка топлива для станции, прокладка новых водопроводных коллекторов, сооружение дополнительных железнодорожных путей, использовались русские военнопленные. Часть военнопленных, обслуживающих электростанцию, в количестве 300-350 человек, проживала на территории электростанции, другие же, в количестве 150 человек, ежедневно доставлялись из лагерей военнопленных. Подавляющее большинство военнопленных были истощенными и больными, получая плохое питание, работать не могли, падали на пути. Таких военнопленных немцы расстреливали на месте, после чего трупы бросали в вагонетку горячего шлака и вывозили на место свалки золы». (Из показаний свидетеля Пятченкова Федора Григорьевича от 14.X-43 г.)

«Физически слабых и больных военнопленных немцы расстреливали на территории Смолгэс в присутствии, т.е. на глазах рабочих и военнопленных. Трупы расстрелянных бросали в вагонетку горячего шлака и отвозили на место свалки золы и шлака, других просто загоняли на место свалки золы и там пристреливали. Пристрелянные по несколько часов лежали живыми на месте свалки, пока их засыпали золой и шлаком. (Из показаний свидетеля Богданова Ивана Степановича от 15.X-43 г.)

«В моем присутствии немецкие конвоиры возле электростанции расстреляли более 20 человек военнопленных за то, что они не пошли в лагерь после работы, а остались на электростанции». (Из показаний свидетеля Волобуева Александра Ивановича от 10.X-43 г.)

В результате проведенного расследования установлено, что на Смоленской городской электростанции в течение 1941-42 гг. путем сожжения горячим шлаком и золой уничтожено свыше 50 человек военнопленных.

Активными участниками зверского истребления пленных на электростанции являлись:

1. Зондер-фюрер Сцепальский, начальник Смоленской электростанции,
2. Зондер-фюрер Брам,
3. Зондер-фюрер Вагнер,
4. Гофман Маузер.

Начальник отдела «В» УНКГБ по Смоленской обл.
Подполковник госбезопасности Петрунин
« » октября 1943 г.

Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25.
Л. 120-122.

Копия.

СмолГЭС. На ее территории находился один из трудовых лагерей. Зима 1941-1942 гг.

**Справка
О массовом истреблении
немецкими оккупантами
пленных командиров
Красной Армии в лагере
при станции Красный Бор
Западной железной дороги**

13-го октября 1943 года граждане поселка Красный Бор в пригороде Смоленска Бомбардирова Н.Т., Демченкова А.Е. и Ковалев И.С. обратились с заявлениями в Государственную чрезвычайную комиссию по расследованию злодеяний, совершенных немецкими оккупантами, с сообщением о том, что во время немецкой оккупации на территории железнодорожной станции Красный Бор содержались в 2-х отделениях лагеря пленные советские бойцы и командиры.

Произведенным осмотром места лагеря и допросом свидетелей установлено:

Осенью 1941 года немецкое командование на станции Красный Бор Западной железной дороги в зданиях холодильника и домах БОВО организовало лагерь для пленных бойцов и командиров Красной Армии, который просуществовал до сентября месяца 1943 г.

В лагерь поступали истощенные пленные, измученные большими переходами. Многие из них не в состоянии были передвигаться, и их несли товарищи. Пленные размещались в помещениях, которые не отапливались. В качестве продуктов для питания пленных немецкое командование употребляло картофельные очистки, прелую капусту и другие отбросы. Хлеб пленным выдавался нерегулярно. Использовались же пленные на тяжелых погрузочных работах. Многие из пленных от истощения падали, и их конвоиры расстреливали из винтовок.

Вследствие голода и холода в лагере росли заболевания и смертность. Почти ежедневно в лагере умирало от 20 до 30 человек.

Все умершие и расстрелянные зарыты на территории около лагеря, на которой удалось представителям разных учреждений, воинских частей и гражданского населения обнаружить 9 траншей размером 50х20 метров, одну могилу 9х5 метров и 5 могил

Дом-холодильник Особого белорусского военного округа – одно из мест содержания военнопленных лагеря в Красном Бору

разного размера: 3х3 м, 33х2 метра, 24х10 метр.

Размер могил, их количество и показания свидетелей дают основание заключить, что на территории лагеря погибло от истязаний, голода, холода более 12,5 тысяч советских бойцов и командиров.

Допрошенные по этому вопросу свидетели дают следующие показания:

«Тогда же на ст. Красный Бор пригнали тысячи пленных и около тысячи загнали на ночь в холодильник (дом холодильника), из коих на утро вышли очень немногие – почти все погибли от холода и голода, так как до этого они суток 5 ничего не ели». (Из показаний свидет[ельницы] Бомбардировой Наталии Тихоновны от 14 октября 1943 года.)

«Жутко было смотреть на пленных. Их гоняли немцы массажи, трудно даже определить количество их. Люди были изможденные и измученные. Часть из них не в состоянии была даже идти, то таких несли товарищи, а немцы таких подгоняли палками, винтовками, а совершенно обессиливших пристреливали на месте, что мне самой приходилось наблюдать». (Из показаний свидет[ельницы] Демченковой Анны Ефимовны от 14 октября 1943 года.)

«Пленные были полураздетые и босые. От холода масса пленных красноармейцев умирала, а еще живых немцы добивали или даже еще живыми зарывали вблизи лагеря. Трупы из лагеря вытаскивали ежедневно человек

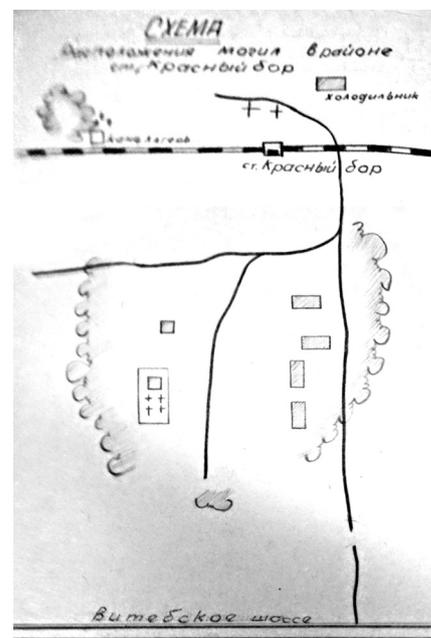

Схема захоронений лагеря в Красном Бору, составленная в ходе работы ЧГК

по 20-30. Часто утром рано я слышала голоса – стоны пленных, коих еще живыми тащили зарывать.

Сколько немцы погубили пленных красноармейцев, сказать невозможно, но совершенно очевидно, что не одну тысячу человек. Территория Красного Бора изрыта могилами вся. Если пойти за зону лагеря, то там сплошь видны могилы, но могилы видны недавние, а могилы 1941 года уже сравнялись с землей и найти их трудно. Я лично знаю расположение могил». (Из показаний свидет[ельницы] Авдюшиной Елены Семеновны от 14 октября 1943 года.)

Начальник отдела «В» УНКГБ по Смоленской области
Подполковник госбезопасности
Петрунин
22 октября 1943 г.

Центральный архив ФСБ России.
Ф. К-72. Оп. 1. Д. 25. Л. 110-111.
Копия.

**Акт об изъятии
документов госпиталя
при лагере военнопленных №126**

1943 года, октября 14 дня, гор. Смоленск.

Мы нижеподписавшиеся, капитан т. Желнин И.Ф., ст. лейтенант т. Соболевский, военврач II ранга ППГ №725 т. Чижов А.И. и медфельдшер ППГ №725 Нарицын Д.А., действуя на основании поручения Государственной чрезвычайной комиссии, составили настоящий акт о нижеследующем:

Данного числа, в помещении бывшей фельдшерской школы, расположенной в гор. Смоленске, по Киевскому шоссе, где до освобождения гор. Смоленска от немецко-фашистских захватчиков 25.09.43 г. помещался госпиталь для русских военнопленных при лагере военнопленных №126, обнаружены следующие документы, относящиеся к указанному госпиталю:

1. Ученическая тетрадь с записями о движении больных в госпитале с 20.07.1941 г. по 1.7.1942 г. на 12 листах. Тетрадь велась русским глав[ным] врачом.

2. Тетрадь умерших по 1-му этажу 2-го корпуса госпиталя, с записями 17.8.1941 по 16.3.1943 года на 18 листах.

3. Книга записей больных по одному из этажей 1-го корпуса (1-й этаж), начатая 28.8.1941 г. на 36 листах.

4. Операционный журнал в двух книгах 2-го корпуса с записями с 28.10.41 г. № записи 161 по №984 от 18.6.42 года на 166 листах.

5. Четыре истории болезней на пленных больных, доставленных из немецкого лазарета, на немецком языке.

6. Тетрадь – операционный журнал по 2-му корпусу госпиталя с №1 по №121, на 25 листах.

7. Суточные сведения с движением больных по госпиталю – 5 экземпляров и по 2-му корпусу – 4 экземпляра.

8. Две диаграммы заболеваемости сыпным тифом по госпиталю и лагерю.

9. Одна история болезни больного Костерева Ивана Никитьевича.

Указанные документы изъяты для представления Государственной чрезвычайной комиссии. О чем и составлен настоящий акт.

Капитан Желнин, ст. лейтенант Соболевский, военврач II ранга Чижов А.И., медфельдшер Нарицын Д.А. [подписи]

Подписи товарищей Желнина, Соболевского, Чижова, Нарицына свидетельству.

Нач[альник] секретариата ст. лейт[енант] гос[ударственной] без[опасности] Юденин

ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1093. Л. 33.

Подлинник.

**Газетная статья
«Кровь, вызывающая к мести»**

Резкий, холодный ветер октября тащит по низкому небу тяжелые, словно обессиленные от влаги, облака. Под его частыми, настойчивыми ударами скрипит и кряхтит ржавое железо, угрюмо поют провода. Вырвавшись из каменных закоулков на простор полей, ветер гнет к земле сухие бесцветные былинки, ерошит поверхность придорожных канав.

Видения октября 1941 года овладевают моим спутником Андреем Сергеевичем Погребновым. Он с трудом сдерживает волнение и, наконец, торпливо, срывающимся голосом рассказывает о давно прошедших днях.

Такой же сумрачный октябрьский день стоял над полями и лесами два года назад, так же дул ветер, бросавший в лицо колючие брызги дождя.

Навстречу дождю в колонне задержанных немцами советских людей шагает хирург Погребнов. Холодные струйки сбегают с головы за воротник шинели. Ноги, ослабевшие от многодневного перехода, от голода, скользят по раскисшей дороге. Но нельзя ни упасть, ни остановиться. Немецкий автоматчик холодными, злыми глазами ошупывает колонну. Если

споткнешься, – короткая очередь, и грязь дороги станет твоей могилой. Но обессиленные люди падают, и резкие выстрелы то впереди, то позади, то где-то совсем рядом глухо взрываются в сыром осеннем воздухе. Проклятия, стоны раненых, удары приклада, предсмертные крики.

Колонна втянулась в небольшую деревишку. Из окраинного домика вышел немец. Он посмотрел бессмысленным мрачным взглядом на оборванных людей, еле переставлявших ноги, затем лениво поднял автомат, долго целился, хотя цель была в нескольких шагах, наконец, нажал гашетку. Длинная очередь хлестнула по рядам. Немец строчил и строчил, пока не кончилась кассета его автомата. Потом он неторопливо опустил оружие, еще раз посмотрел тупым взглядом на дело своих рук, зевнул и медленно поплелся в избу.

Конвоиры не разрешали пленным заходить в избы даже на ночных привалах. Среди пленных были тяжело раненые, и они умирали в страшных мучениях, оставались в дорожной грязи. Однажды немцы загнали пленных на ночлег в болото. Погребнов не выдержал, подошел к конвоиру, назвал себя и попросил разрешения перенести тяжело раненых в сарай, укрыть от дождя и снега. Немец заревел от ярости, крикнул: «Прочь, свинья!..» – и ударил хирурга прикладом в спину.

Наконец, Погребнов и немногие оставшиеся в живых попали сюда, где мы сейчас находимся, – в смоленский лагерь, где содержались военнопленные и мирные советские люди. Огромная территория обнесена двойным рядом колючей проволоки, высотой в несколько метров. Внутри ограды низкие, приземистые здания бывших складов. Каждое в свою очередь опутано проволокой. По углам лагеря сторожевые будки, за главной оградой крепостные бойницы.

Мы идем вдоль линии каменных сараев, сохранивших еще немецкие номера и надписи.

– Вот здесь, – рассказывает Погребнов, – стояла виселица, и на моих глазах было вздернуто пять человек, ни в чем не повинных.

Скрипит тяжелая дверь, и навстречу из полутьмы ударяет волна затхлой сырости. Это один из барakov. Камен-

ный сырой пол, разбитая крыша, щель в стене вместо окна. На этом каменном полу в грязи и в лужах воды спали несчастные люди. В других бараках было еще хуже. Вместо каменного – земляной пол, осенью и весной после каждого дождя превращавшийся в болото. В оконные проемы бараков зимой наметало снег.

Страшен «нормальный» барак, но совершенно неопишум лагерный карцер. Железобетонное подземелье, сырое, с одиночным закутком в аршин шириной. На стенах карцера я читаю надписи: «Королев В. Сидел за побег». На другой стене: «Прощайте, товарищи» и неразборчивая подпись. Вверху торопливая надпись, которую не успели заметить тюремщики: «Да здравствует товарищ Сталин!» Голодная норма лагеря в этом карцере была уменьшена в два раза. Почти никто не выходил из карцера живым.

В одном из бараков – лагерная кухня. Котлы, вмазанные в печь. По углам рассыпано нечто, что нельзя сразу узнать.

Другой мой спутник разводит руками:

– Не могу понять, чем они кормили пленных.

– Это, – говорит Погребнов, зачерпнув горсть чего-то белого, – очень мелкие древесные опилки. Из них стряпался так называемый хлеб для нас.

В другой куче Погребнов узнает гречневую шелуху, истертую в порошок, овсяную мякину. Из них готовилась баланда – по пол-литра на заключенного. В кухне и рядом с ней на улице я вижу несколько грязных заржавевших ванн.

– В эти ванны, – рассказывает хирург, – разливалась баланда. Часто немцы заставляли есть из этой ванны, не позволяли брать ни кружек, ни ложек, ни котелков. Они помирали от смеха, видя, как обезумевшие голодные люди, расталкивая друг друга, тянулись к страшной бурде. В это время немцы любили фотографировать и смеялись от всей души.

Режим лагеря откровенно и беззастенчиво преследовал цель – поголовное истребление заключенных. Голод и его спутник – сыпной тиф ежедневно уносили огромное количество людей.

Военнопленные на работах возле Смоленского стрелково-пулеметного училища, район ул. МОПРа (ныне ул. Лавочкина)

– Каждое утро, – рассказывает Андрей Сергеевич, – мы видели около барака трупы и трупы.

Ежедневно утром из лагеря выводили трех заключенных. Регулярно в один и тот же час за ними приходил один и тот же немец. Назад пленные никогда не возвращались. Когда немца спрашивали, куда он их девадет, немец загадочно ухмылялся. Теперь мы знаем судьбу этих несчастных. Их вводили в дорожную комендатуру у Свирских казарм – убирать помещение, таскать воду, колоть дрова.

Вечером заключенных нужно было отводить назад в лагерь, находившийся в двух километрах от комендатуры. Но разве мог толстомордый немец утруждать себя такой вечерней прогулкой. Он отводил пленников в ближайший овраг, давал очередь из автомата и сталкивал вниз трупы. Наутро палач, как ни в чем не бывало, шел за новой партией.

Один из смоленских врачей рассказал нам кошмарную сцену, которую он подсмотрел во дворе смоленского гестапо. Врача пригнали освидетельствовать немецкого конюха. Из окна конюшни врач видел все, что происходило в это время во дворе. Туда вывели пленного. Его оставили одного. Затем к нему подошел солдат, сунул в руку палку и ушел. В это время в окне второго этажа показался офицер. Он сделал знак рукой, и неожиданно из двери в углу двора выскочила огромная собака с разинутой пастью, со всклоченной шерстью. Бешеный пес на мгновение остановился, затем зарычал и кинулся на пленного.

– Защищайся палкой, – крикнул офицер.

Несчастный машинально поднял палку, и в то же мгновение собака вцепилась ему в горло и опрокинула на землю. Пес рвал свою жертву до тех пор, пока не затихли стоны. Немецкий офицер, спокойно наблюдавший эту сцену, улыбнулся и сказал:

– Хорошая собака!

Здесь, во дворе гестапо, палачи тренировали своих собак для борьбы с партизанами. Для этой тренировки они брали живых людей из лагеря военнопленных.

Тысячи невинных жертв истребили немцы в дни своего владычества в Смоленске.

В. Антонов, спец. корреспондент «Известий».

Действующая армия.

Газета «Известия». 1943. 20 октября. №248.

Примечания

1. ДКА – Дом Красной Армии, находившийся на ул. Б. Советской г. Смоленска. Ныне на его месте здание Государственной сельскохозяйственной академии.
2. БВО – Белорусский военный округ.
3. Завод №35 – авиационный завод, располагавшийся в г. Смоленске.
4. НКО – Народный комиссариат обороны.
5. ТОД – военно-строительная организация, действовавшая в гитлеровской Германии. Носила имя возглавившего ее с 1938 г. Фрица Тодта.
6. Вероятно, таким варварским способом гитлеровцы боролись с эпидемией тифа – сжигали все завшивленные постройки вместе с людьми.